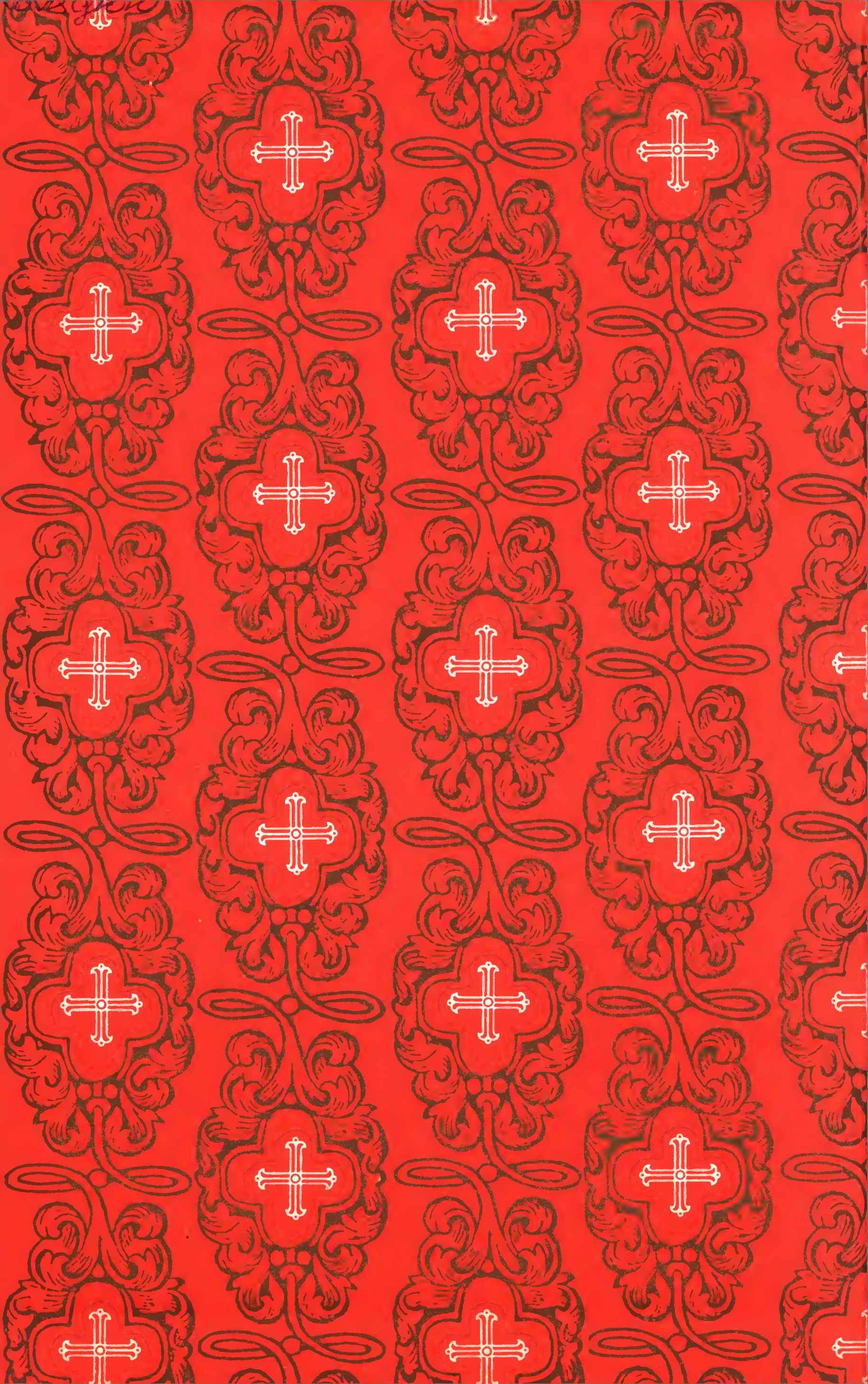
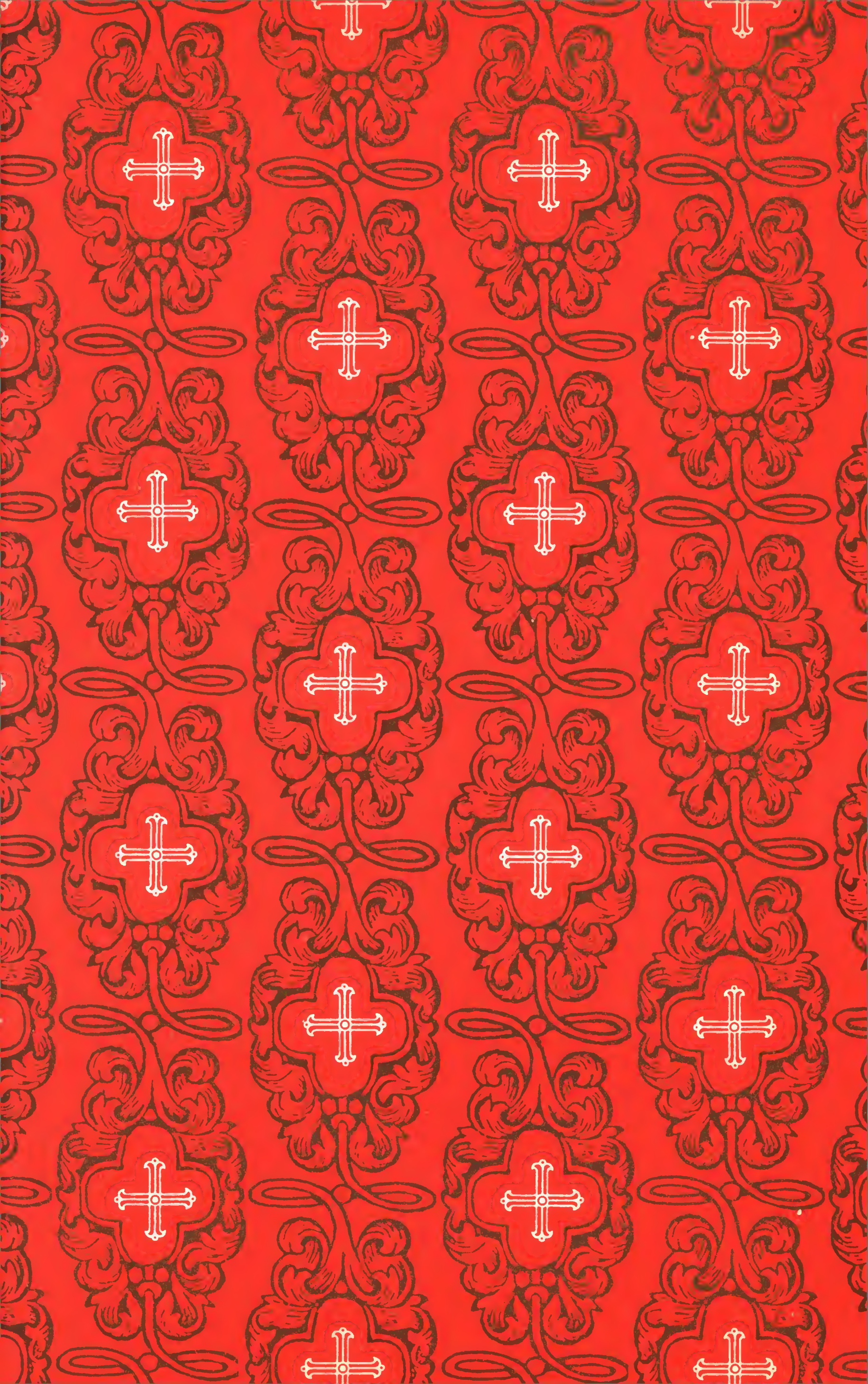
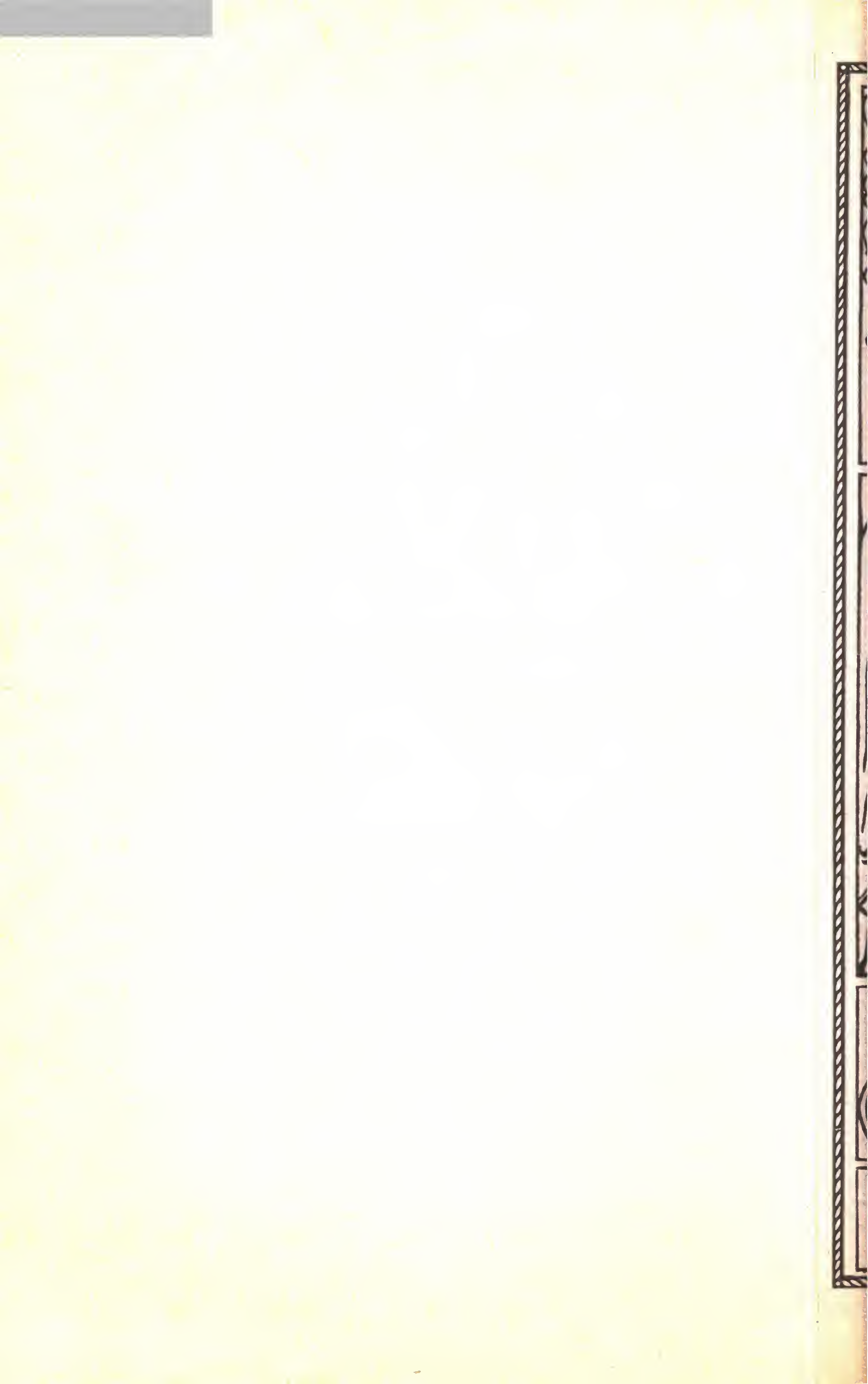

Митрополит
ВЕНИАМИН
ИЗ ТОГО МИРА
КНИГА ЧУДЕС
И ЗНАМЕНИЙ
НАШЕГО
ВРЕМЕНИ

Митрополит
ВЕНИАМИН
(Федченков)

ИЗ ТОГО МИРА
КНИГА ЧУДЕС И ЗНАМЕНИЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

МОСКОВСКИЙ СРЕТЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ
НОВАЯ КНИГА

По благословению Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси Алексия II

Митрополит Вениамин (Федченков). Из того мира. Книга чудес и знамений нашего времени. / Послесловие и примечания А. Светозарского.— М.: Московский Сретенский монастырь; «Новая книга», 1996.— 400 с.

Всю жизнь митрополит Вениамин записывал свидетельства о чудесах, о чудотворных иконах, о заступничестве и помощи святых, о явлениях умерших из загробного мира. Большинство из рассказанного пережито и увидено самим автором.

Книга митрополита Вениамина — живое свидетельство о жизни Церкви в двадцатом столетии.

ISBN 5-8474-0235-X

ИЗ ТОГО МИРА

Предисловие

В жизни моей или знакомых мне людей были такие события, которые свидетельствовали о сверхъестественном мире: о бытии его, о жизни умерших, о явлениях их живым, о необычайных случаях Промысла Божия и т. п. Большею частью все это сохранилось в моей памяти, но от времени стало забываться. Поэтому мне пришло намерение записать эти случаи в надежде, что они послужат и к назиданию другим: ведь нас всегда больше убеждают *факты,* чем рассуждения.

Всякий мир познается через непосредственное *откровение* его нашему познанию. Этот основной закон познания совершенно одинаково приложим как к этому, так называемому «естественному», миру, так и к «тому», именуемому «сверхъестественным».

И в наше время особенно нужно давать **фактический материал.**

Буду писать без особой системы, да ее и нет. Буду вспоминать по времени, с самого детства и доселе. За точностью и подробностями не

буду гоняться, особенно когда придется рассказывать о других; но за сущность и несомненность основных данных — отвечаю не только перед читателями, но еще более — перед Самою Истиною, Триединым Господом.

Во славу Его и пишу дальнейшее.

Е. В. *

---

* Владыка Вениамин во время работы над рукописью (1930—1931 гг.) был в епископском сане.

1. ОБЕТ

Еще в детстве мать моя рассказывала, что я остался жив — по милости Божией.

Когда мне было около года, я заболел воспалением легких. Надежды на выздоровление не было. Тогда мама дала обет сходить пешком поклониться мощам святителя Митрофания Воронежского *. Я поправился. Мама обет свой исполнила.

...При этом припоминаю, что она потом всю жизнь постилась по понедельникам — кроме обычных сред и пятниц. И делала это как-то совсем незаметно, скрывая подвиг даже от семьи. И лишь после я от нее узнал, что она делала это «ради детей», для благополучия их,— дав за них обет подвига. Почему именно она сделала это, я по легкомыслию не расспросил тогда; а теперь уже невозможно... мамочка уже скончалась... Царство ей Небесное!..— Наталией звали ее... А отца — Афанасием...[1] Помяните их — кому придется читать это. А Господь да помянет ваших родителей!..

...После, уже в сане архимандрита, и мне удалось побывать в Воронеже и поклониться мощам угодника в Митрофаниевом монастыре.

---

* От Кирсановского уезда Тамбовской губернии до Воронежа более 300 верст, думаю.

2. У ОТЦА ПЕТРА

Меня решили отдать в духовное училище в Тамбов. Перед экзаменами мама повела меня сначала поклониться мощам святителя Питирима Тамбовского *[2]. Отслужили по нем панихиду. А потом пошли к отцу Петру, о котором шла молва, что он — святой и прозорливый. Мама хотела, чтобы он благословил меня.

О. Петр жил рядом с собором, где почивал св. Питирим,— в церковном домике, в нижнем этаже, почти в подвале[3].

Когда мы пришли к нему, к нам вышел старенький священник, низкого роста, весь седой. Благословив меня, он, однако, сказал мне, что со мною будет сначала неудача.

И, действительно, на экзамене в одном духовном училище (их было два в Тамбове) я «срезался» на первом же испытании, по Закону Божию: не пересчитал всех иудейских (а не еврейских вообще) царей. А когда я, по-детски, откровенно стал говорить смотрителю (фамилию его помню: Щукин), что в моем учебнике этих имен нет (уч. Афинского), то он совсем рассердился; и кроме царей ничего не стал и спрашивать меня... С горечью пришлось уйти с матерью из комнаты испытаний. В слезах она повела меня в другое училище (так называемое «первое») — которое считалось более «строгим», а мама хотела пожалеть сынка и потому

* Впоследствии (в 1914 году) канонизованного и прославленного.

повела меня сначала во «второе», доброе. Но Промысл Божий исправил вредную нежность матери. Пригодилась и суровость Щукина. В «первом» училище меня не спросили ни об иудейских царях, ни об израильских, а — об явлении Бога Аврааму в виде трех странников. Ответил отлично... Но в конце оказалось, что я не готов по славянскому языку (по неведению программы, или лучше — по Промыслу Божию). Но так как по остальным предметам я отвечал прекрасно, то меня приняли в училище, хотя классом ниже (не во 2-й, а в 1-й), и то по разрешению епископа; так как «уросли года»: тогда мне было 12 лет, а нужно было 11.

...Так не без неудач, но без усилий я сделался «духовником» (так звали учеников духовного училища). А это определило всю мою дальнейшую жизнь, а может быть, и... вечную судьбу?..

Спустя двадцать один год я, будучи архимандритом, ректором Тверской Духовной семинарии, присутствовал на открытии мощей святителя Питирима и милость имел от него «открыть» всенощное богослужение.

...Отца Петра в то время давно уже не было в живых... Сохранились ли воспоминания о нем? Ведь не напрасно же почитали его святым?

Лик его помню еще и сейчас: спокойный, тихо-серьезный, не улыбавшийся, простой, немного сутуловатый от старости, с укоротившимися от времени белыми волосами на голове и небольшою, тоже белою, несколько заостренною бородою.

От его вида и сейчас в душе становится серьезно... Жизнь не шутка, а подвиг — борьба... И видно, о. Петр знал это: оттого и не улыбался (по крайней мере — нам тогда). Я, невинное дитя, тоже отнесся к нему просто, спокойно, прямо глядя в глаза чистым взором...

Это был первый «святой», коего я встретил в жизни. О других расскажу дальше.

3. «ДАЖДЬ ДОЖДЬ!»

Была засуха. Народ попросил батюшку отслужить молебен о дожде. Я тоже стоял возле отца. Мне было едва ли 6 или 7 лет. А может быть и 5. Вышли мы на площадь возле храма, на горе... Солнце ярко светило. Шли облака.— «Даждь дождь земли жаждущей, Спа-се!» — перекликались батюшка и дьячок...

...И вдруг во время самого еще молебна нашла туча и нас вымочила.

Это тоже был первый случай дождя после молебствия.

4. ВОЛЯ БОЖИЯ

Я был студентом Петербургской Духовной семинарии. Летом отдыхали на каникулах дома. При всякой возможности ходили (я и брат Сергей, семинарист) в церковь.

...Однажды в знойный день, часа в три, заунывно редко заблаговестили... Кого-то хоронят...

Оставив книги, которые мы читали, я и Сергей быстро, через барский сад, направились к храму.

Там стоял уже гроб, в нем лежала молодая еще женщина. Вокруг нее недоуменно толпились пятеро ребятишек, от двух лет до десяти; это были частью ее дети, а частью от другой матери, раньше умершей.

За гробом, сзади справа, стоял муж покойной и отец всех детей. Звали его Константином. Он был удручен очень, но молчалив. Лишь сжатые челюсти выдавали, что ему тяжело было лишиться второй жены и остаться с пятью малыми детьми.

Его горе передалось и мне. Захотелось утешить... Отпевание еще не началось: батюшка не пришел.

— Что, Константин, тяжело тебе? — спросил я, что первое пришло на мысль.

Он не сразу ответил, может быть, боялся ослабеть и расплакаться. А мужчины не любят нежности: народ серьезный, твердый, в скорбях закаленный... Слезы — женское дело...

Затем, оправившись от внутреннего смущения, сказал одно лишь слово:

— Тяжко...

И замолчал; я тоже не мог больше говорить. Страдающих людей трудно утешать... Слова не идут с языка. А он, помолчавши еще немного, добавил, нагнувши покорно голову: «Видно, такая воля Божия!» И вздох облегчения протяжно вышел

из груди его... Пришел батюшка. Началось отпевание... Дети растерянно посматривали то на батюшку, то на отца...

И действительно, мы не знаем, что лучше для нас: жизнь или смерть, здоровье или болезнь, благополучие или нищета? Воля Божия на все... Хотя бы мы и не понимали ее. Но не всегда хочет человек принимать ее, и тогда бывает хуже.

Расскажу один такой случай. Одна богатая женщина, жившая в Петербурге, имела мальчика одного года. Он опасно занемог. Ждали уже смерти. Тогда мать упросила приехать батюшку, о. Иоанна Кронштадтского, и помолиться о выздоровлении больного. Батюшка отслужил молебен. Дитя выздоровело на радость матери... Шли годы. Она любовалась сыном... Когда ему пошел девятнадцатый год, он полюбил одну девушку, но не был любим. Разочарованный, он покончил самоубийством...

— И вот доселе,— говорила мне несчастная мать,— я не могу простить себе: зачем я его вымолила через о. Иоанна?

А другой случай произошел в Ялте. Мне рассказывал его архиепископ Ф. [4], лично слышавший все от матери же.

У одной вдовы заболел единственный ребенок. Врачи не помогали. Дело быстро шло к «роковому», как неразумно привыкли говорить, концу. Страдалица-мать обратилась с горячей молитвой к Божией Матери, прося оставить в живых дитя,

единственную утеху... Утомленная, она села в кресло и быстро задремала... Было ли дальнейшее в тонком сне или в явном видении, она не может сказать. Только ей явилась Божия Матерь и, точно отвечая на ее просьбу, сказала:

— А ты можешь поручиться, что воспитаешь его как должно, и он останется таким же чистым, какой он сейчас?

Ребенку тогда было, кажется, около 8 лет всего.

— Ручаюсь! Ручаюсь! — с горячностью ответила мать,— только оставь в живых!

Видение кончилось. Она проснулась. Ребенок, к удивлению врачей, выздоровел. Мать ликовала...

Скоро нужно было отдавать его в школу. Мальчик оказался очень способным. Но вместе с тем и очень восприимчивым к разным дурным наклонностям... Началась борьба матери за душу ребенка... Но ни уговоры, ни угрозы, ни наказания не помогали. Мальчик портился все больше. Мать оказалась бессильной. И вспоминая данное ею обещание Божией Матери воспитать дитя, а особенно ужасаясь вечных мук, ожидающих грешников (она была глубокой христианкой),— однажды обратилась вслух с молитвою к Божией Матери:

— Матерь Божия! Если уж он не исправится, лучше возьми его из этой жизни: лишь бы он не погиб для будущей. Воля Твоя!

...Скоро же после этого произошло следующее. Мальчик отправился на одну из обычных верховых прогулок по горам. Будучи бойким, он на сильном

беге очень круто повернул коня на повороте дороги и, вылетев из седла, разбился насмерть.

Мать теперь знала, что так ему лучше... Слез она не могла сдержать при похоронах,— но они были тихие, облегчающие.

5. ПРОЗОРЛИВЫЙ

Когда я был студентом Петербургской Духовной академии, на втором курсе, группа товарищей решила посетить известный Валаамский монастырь на Ладожском озере[5]. Среди них был и я... Очень много любопытного увидел я там *. Но самое значительное — это был отец Никита[6].

О нем говорили, как о святом; и с этим словом у меня соединялось всегда (хотя это и не связано непременно) представление и о прозорливости. Без особой нужды, пожалуй, больше из хорошего любопытства, я и мой друг Саша попросили о. игумена монастыря — без разрешения которого ничего не делается в обители — посетить о. Никиту. До Предтеченского острова нужно было плыть проливами, отделяющими группу островов, носящих общее имя «Валаам», но в монастыре дано каждому острову свое имя. О. Никита жил на «Предтече»,— то есть на острове, где был скит с храмом в честь святого Иоанна Предтечи. Этот скит считался

* Свои впечатления я после напечатал в журнале «Странник», под заглавием «На Северном Афоне», за 1905 год.

одним из самых строгих и постнических: там скоромного не ели никогда; и только, кажется, на Рождество и Пасху давалось молоко немногочисленным насельникам скита. А в посты и все среды и пятницы, а может быть, даже и понедельники, не употребляли даже и постного масла [7].

Никогда не пускались туда женщины; но даже и мирянам-богомольцам очень редко удавалось посетить «Предтечу»: не хотело начальство беспокоить безмолвье старцев-молитвенников; да и добраться туда не легко было: нужна была лодка, гребец, а люди в монастыре нужны для своих дел.

Но нам, как студентам-академикам, сделано было исключение; везти нас поручено было брату Константину, бывшему офицеру... Этому брату было тогда уже около 50—55 лет. И такой солидный монах должен был везти нас, почти еще мальчиков; но в монастыре все делается «за послушание», и потому хорошему иноку и в голову не приходит смущаться подобными странностями. А скоро и мы освоились, узнав добродушие брата Константина. Дорогою мы немного помогали ему грести.

Другой монах, проводник, посланный познакомить нас с о. Никитою, был отец Зоровавель — способный строитель монастырской жизни. Хотя он происходил из крестьян, но относился к монаху-офицеру с властностью — впрочем, спокойною: о. Зоровавель был уже в сане иеромонаха и занимал начальственные должности в монастыре.

...Тронулись мы по тихим проливам, среди гор и лесов к нашей цели без сомнения; скорее, как

туристы посмотреть святого. Светило июньское теплое солнце, по небу плыли редкие белые облака. Мы благодушно перебрасывались с монахами своими впечатлениями. И незаметно доехали до «Предтечи».

А нужно отметить, что и я, и Саша были одеты не в свои студенческие тужурки с голубыми кантами и посеребренными пуговицами, а в монастырские подрясники, подпоясанные кожаными широкими поясами; на голову нам дали остроконечные скуфьи, в руки — четки, даже на ноги дали большие монастырские сапоги, называвшиеся бахилами. Короче, мы, с благословения о. игумена, были одеты, как рядовые новоначальные послушники. Это нужно будет дальше в монастыре. Но это совсем не означало того, что мы собирались идти в монахи: просто нам было приятно нарядиться оригинально, по-монашески... Это некогда делали раньше нас и другие студенты, коих обычно «баловали» в монастыре...

Оставив о. Константина в лодке, мы втроем отправились к отцу Никите...

Через несколько минут я увижу «святого»... Сначала мы заглянули около берега в крошечный «черный» домик, всюду обитый черным толем,— принадлежавший послушнику, тоже офицеру, и тоже Константину — но молодому. В это время он был на японской войне, где и окончил дни своей жизни... Сердце человеческое — тайна великая. И разными путями Бог ведет души...

Затем направились выше по острову к домику о. Никиты.

Монахи скита (их было не много, кажется, едва ли даже 10, а может быть и менее), жили в отдельных домиках, разбросанных тут и там по небольшому высокому острову — «на вержение камня» — т. е. на такое расстояние, что можно было добросить камень от одной келии до другой... Почему это, я и сам не знаю... Думается, чтобы не было близко от монаха до монаха, дабы не ходили «по соседству» для разговоров; но с другой стороны, чтобы жили все же общинной жизнью, вместе.

Домики были деревянные: сосновый лес свой, плотники — свои... Дошли мы до домика о. Никиты. Вижу, к двери его приставлена палка... Разумеется, запора нет...

— У дверей палка, значит батюшки нет дома,— пояснил нам проводник о. Зоровавель, отлично знающий самые последние мелочи в монастырском обиходе.

— Где же он? — спросил я в недоумении.— Неужели я его не увижу?

— Где-нибудь тут,— спокойно ответил о. Зоровавель,— поищем.

И тут я заметил уже странную для меня черточку в голосе проводника: мы пришли к «святому», а он разговаривает о нем совсем просто, как о рядовом человеке; я уже начал ощущать в душе трепетное беспокойство пред встречей с Божиим угодником, а он благодушно-обывательски, по-видимому, не видит в нем ничего особенного. Мы начали искать. Пошли к берегу.

«Не моет ли он белье себе?» — высказал предположение проводник. И потому пошел к тому месту, где обычно монахи стирали свое незатейливое одеяние.

И действительно, о. Зоровавель усмотрел сверху отца Никиту за этим занятием. Увидел его и я... В белом «балахончике», т. е. коротком летнем рабочем подряснике, какие, примерно, надевают доктора на приемах клиентов, но только на Валааме они были из грубого и крепкого самотканого крестьянского полотна, «ряднины», или холста.

Но лица его я не мог разглядеть, слишком низко был берег.

И лишь тут я вполне пришел к сознанию: сейчас я увижу «с в я т о г о»! Бывшая беспечность исчезла совсем и ее заменил страх. Отчего? Я не успел еще разобраться, как мой спутник (про Сашу я точно забыл), о. Зоровавель, шутливо и громко закричал вниз:

— Отец Никита-а-а! К тебе г-о-с-т-и пришли?!

Я очень растерялся; что за обращение со святым? Мы привыкли читать их дивные жития, удивляться подвигам, молиться благоговейно пред их иконами, на коих они изображены большей частью строгими или, по крайней мере, внутренне сосредоточенными. И вдруг так запросто «гости пришли». Желая поправить такую недостойную, как мне показалось, ошибку о. проводника, я тотчас же после его слов громко закричал вниз:

— Батюшка! Мы лучше туда к вам сойдем!

А в это время промелькнула мысль, еще более

испугавшая меня: вот сейчас увидит он мою душу да начнет обличать мои грехи?.. И представился мне о. Никита со строгими пронизывающими очами, глядящими исподлобья, с нависшими на них густыми бровями, сходящимися у глубоких складок над переносицей. «И зачем мы поехали? Для любопытства? Вот за это-то «они» особенно строго относятся».

Вспомнился случай. Пришел один такой любопытный к о. Иоанну Кронштадтскому поболтать, а тот узрел его и велел прислуге вынести посетителю стакан воды и ложку да прибавить: «Батюшка приказал вам поболтать». Тот не знал куда и деться.

Но каково же было мое приятное разочарование, когда я услышал снизу довольно ясный ответ, но тихий:

— Нет, нет! Я сам поднимусь.

Но не в словах лишь дело, а главное — голосе, он был замечательно ласков и кроток. И у меня сразу отлегло от сердца, ну если такой приятный голос, то несомненно и сам о. Никита «хороший, добрый», обличать, должно быть, не станет. И должно быть, и вид у него такой же ласковый, как голос. Сейчас увижу.

А о. Никита неторопливо надевал внизу верхнюю одежду (черную рясу) и, оставив свое дело, стал тихо подниматься по ступенькам лестницы вверх.

Мы молчали в ожидании.

Вот он уже близко. Да, думаю, лицо у него,

кажется, тоже доброе. Поднялся к нам. О. Зороваавель, улыбаясь, весело поздоровался с ним взаимным поцелуем в руку и объяснил, что мы — студенты и пришли к нему за благословением и для беседы, с разрешения о. игумена.

Я впился в него глазами.

Какой же он добрый! Сразу увидел я. И ни густых бровей, ни строгих морщин. Морщины, впрочем, есть, но не между бровями, а около внешних углов очей, и как-то они так улеглись, что от них получается двойственное впечатление: и кроткой грусти, и тихой улыбки.

Да, он обличать не будет.

Мы подошли под благословение к нему и поцеловали у него руку. Все вышло как-то необыкновенно просто. Но вместе с тем я видел действительно святого. И понятен мне стал тон о. Зороваеля. Святые были удивительно кротки и просты.

И всякий страх исчез из моей души. «Батюшка, скажите нам что-либо на спасение души!» — начал я обычным приемом.

— Что же мне вам сказать? Ведь я простой, а вы ученые.

— Ну какая же наша ученость? — возражаю я,— да, если что и выучили, то лишь по книгам, а вы на опыте прошли духовную жизнь.

Но о. Никита не сразу сдавался. «Так-то так, да все же я необразованный. Я еще из крепостных крестьян, лакеем был у своих господ. Хорошие были люди, добрые, отпустили меня на свободу,

а я и ушел в монастырь сюда. Вот и живу понемногу».

Но мы продолжали его просить. Тогда он, так же просто, как отказывался, стал говорить:

— Что же? Скорби терпите, скорби терпите! Без терпения нет спасения.

И понемногу начал говорить о разных вещах, но, к моему сожалению, я не записал тогда, а теперь не все помню.

Потом пригласил нас обоих сесть на соседнюю скамеечку, над берегом, кажется, я сидел от него направо, а Саша налево. О. Зоровавель, должно быть, стоял спокойно, слушая беседу и ласково глядя на батюшку. Не помню, сколько уже прошло времени. На душе было так тихо и отрадно, что я точно в теплом воздухе летал.

Затем разговор прервался. И вдруг о. Никита берет меня под левую руку и говорит совершенно твердо, несомненно, следующие поразившие меня слова.

— Владыка Иоанн! (мое имя было Иван), пойдемте я вас буду угощать.

Точно огня влили мне внутрь сердца эти слова. Я широко раскрыл глаза, но произнести ничего не мог от страшного напряжения.

Тут я припомню, что мы оба были одеты по-монашески, и это могло дать о. Никите основание думать, что я приму иночество, и, по обычаю, дойду и до епископского сана, как и другие ученые монахи. Но ведь и Саша был одет так же, как и я. А о монашестве за все время беседы ни он, ни я не

сделали ни малейшего намека, да и не думали еще тогда о том. Впрочем, я-то думал раньше, но в тайниках души лишь и никому не говорил своих дум. И на этот раз не осмелился говорить, пред святым особенно стыдно было бы говорить об этом, иначе выходило бы, что вот он — монах, и я буду тоже монах, как и он. А это было бы и неприличием, и дерзостью думать о себе наряду с ним, святым.

И Саша ни слова не говорил.

И вдруг такие потрясшие меня слова! А Саше — ничего. Как есть ничего, ни одного слова. Поддерживаемый под руку о. Никитою, как обычно «водят под ручки» и настоящих архиереев, я почти без мысли повиновался и пошел рядом.

А Саша, не получив ничего, пошел за нами вслед с о. Зоровавелем.

В особом домике, где помещалась общая трапезная, о. Никита усадил всех нас. Сюда пришел хозяин скита о. Иоанн, из карел, тихий, кроткий, но с постоянною улыбочкою и веселым лицом. Нам подали чаю с сухими кренделями в виде буквы Б, поэтому их называют «баранками». А пред этим принесли соленых огурцов с черным хлебом. В этом и состояло все «угощение». Но на Предтече другого, лучшего и не было, нам дали все, что могли. Да и не в пище же человек!

После угощения я, пораженный пророчеством батюшки, захотел уже подробнее и наедине переговорить о монашестве. А может быть, батюшка меня сам повел... И мы, гуляя тихо по острову, продолжили беседу.

— Батюшка! Боюсь монашество мне трудно будет нести в миру.

— Ну, что же? Не смущайтесь. Только не унывайте никогда. Мы ведь не Ангелы *.

— Да, вам здесь в скиту хорошо, а каково в миру?

— Это правда, правда! Вот нас никто почти и не посещает. А зимою занесет нас снегом, никого не видим. Но вы нужны в миру! — твердо и решительно докончил батюшка.— Не смущайтесь. Бог даст сил. Вы нужны там!..

Но я продолжал возражать: «А вот один человек дал мне понять, что мне нельзя идти в монахи»... Вдруг батюшка точно даже разгневался, что так странно было для его кроткого и тихого облика, и спросил строго: «Кто такой?» — и не дожидаясь даже моего ответа, с ударением сказал мне очень многозначительные слова, но я их боюсь передать неточно, а приблизительно смысл был таков: «Как он смеет? Да кто он такой, чтобы говорить против воли Божией?!»

И о. Никита продолжал говорить мне прочее утешительное.

Мы еще провели ночь в скиту и часть другого дня.

После уехали. Батюшка прощался со всеми и со мною опять просто, точно ничего и не было сказано им мне особого. И я тоже успокоился.

---

* И еще мне было сказано нечто ободрительное... Умолчу...

Прошло лет пять после того. О. Никита скончался. Составитель его жития, как-то узнав о предсказании его, попросил меня дать материал. Я тогда уже был иеромонахом и жил в архиерейском доме архиепископа Финляндского Сергия * секретарем и очередным [8].

Я с радостью написал, но только скрыл, что батюшка предсказал мне об архиерействе. Иеромонаху тогда неловко было писать об этом. Еще прошло после того 9 лет (а со времени прозорливой беседы 14), и я, грешник, был хиротонисан ** в епископа в Симферополе [9].

А что же случилось с Сашей Ч.? Он женился... И женился не по чистой совести. Два брата полюбили двух родных сестер; но так как законы наши запрещают такие браки, то они сговорились пожениться одновременно в разных лишь церквах. Но все же это был обман перед Богом.

Видно, и это прозревал батюшка, потому и оставил его на Валааме сидеть на скамеечке без ответа, а меня повел «угощать».

После мне еще раз пришлось быть на Предтече. В домике о. Никиты жил его ученик и преемник по старчеству, о. Пионий [10]. Тоже тихий и кроткий.

Я у него попросил что-либо на память о батюшке. О. Пионий снял бумажную иконочку свя-

---

* Будущий святейший патриарх Сергий (Страгородский).

** Хиротония — рукоположение, посвящение в какую-либо священную должность. Совершается в алтаре.

тых равноапостольных Кирилла и Мефодия и благословил меня ею от имени отца Никиты.

А Саша — Александр М. Н.— пошел по педагогической службе. После был года три в ссылке.

Кстати о греховности. Ныне лишь я прочитал такой утешительный случай из жизни преподобного Серафима. Перепишу его целиком в ободрение и укрепление нам.

Надежда Федоровна Островская рассказывала, какое совершенно неожиданное для себя предсказание получил ее брат от дивного прозорливца, о. Серафима.

«Родной мой брат, подполковник В. Ф. Островский, часто гостил в Нижнем Новгороде у родной нашей тетки, кн. Грузинской, которая имела большую веру в о. Серафима. Однажды по какому-то случаю она послала его в Саровскую пустынь к этому прозорливому старцу. Отец Серафим принял моего брата очень милостиво и, между прочими добрыми наставлениями, вдруг сказал ему: «Ах, брат Владимир, какой же ты будешь пьяница!»

Эти слова чрезвычайно огорчили и опечалили брата. Он награжден был от Бога многими прекрасными талантами и употреблял их всегда во славу Божию. К о. Серафиму имел глубокую преданность, а к подчиненным был как родной отец. Поэтому он считал себя весьма далеким от такого наименования, неприличного его званию и образу жизни.

Прозорливый старец, увидев его смущение, сказал ему еще: «Впрочем, ты не смущайся и не будь печален: Господь допускает иногда усердным к Нему людям впадать в такие ужасные пороки, и это для того, чтобы они не впали еще в больший грех — высокоумие. Искушение твое пройдет по милости Божией, и ты смиренно будешь проводить остальные дни своей жизни, только не забывай своего греха».

Дивное предсказание старца Божия, действительно, сбылось потом на самом деле. Вследствие разных дурных обстоятельств брат мой впал в эту несчастную страсть пьянства и, к общему прискорбию родных своих, провел несколько лет в этом жалком состоянии. Но наконец, за молитвы о. Серафима, был помилован Господом, не только оставил прежний свой порок, но и весь образ своей жизни изменил совершенно, стараясь жить по заповедям евангельским, как прилично христианину» *.

6. В МОНАХИ

Разными путями спасаются люди; и различно, в частности, приходят и к избранию монашеского пути. В бытность мою студентом, нас было три друга; из них двое были моложе меня курсом: Виктор Р. и Колечка С. [11]

Все мы пошли потом в иночество, но каждый

* «Житие», сост. Левитский. Москва, 1905 г., стр. 249—250.

различным образом подходил к решению этого высокого, но и опасного жития. Виктор, таким полным именем звали все его за серьезность воззрений и поведения (я не помню, чтобы когда-нибудь он смеялся открыто, разве что улыбался мило и по-детски), был небольшого роста, с вдумчивыми темными очами, с высоким и широким лбом, с неторопливыми движениями; он, однако, в душе жил весьма сильною жизнью, к нему уже нельзя было приложить имя «теплохладный». Но внутренние переживания его были сокровенны, он шел к решениям вдумчиво, принципиально. Виктор был незаурядно способный, глубже из всех троих нас умом. И когда доходил до чего-либо, то принимал и соответствующие действия тихо, без шума, но твердо. И тогда ему не нужно было никаких «откровений», «видений» и даже — старцев прозорливых: ему было и без того ясно, что делать.

Таким путем он дошел не только до убеждения в превосходстве безбрачия и иночества, но и до практического для себя вывода, что ему должно идти в монахи.

«Я,— сказал он мне однажды,— не мог бы сейчас уйти в монастырское иночество, не под силу еще это мне, и нет такого желания, но в ученое монашество пойду, с Божьею помощью, этот путь мне ясен». И как-то незаметно подал ректору академии прошение о постриге. Никто этому не удивился из студентов. Виктор искренний и принципиальный человек. После — обычная учебно-

иноческая карьера. О. Иоанна, так назвали его в честь св. Иоанна Лествичника, всегда видели серьезным, с большими, широко раскрытыми глазами, что указывало на непрерывный внутренний процесс, совершавшийся в душе его; точно он прислушивался к самому себе. Но у него оказалась чахотка, и он скончался в полтавской больнице, состоя инспектором семинарии, в сане архимандрита. Я посетил его незадолго до смерти; он лежал безнадежный, с ввалившимися глазами и щеками. А все-таки хотелось ему жить еще. И он надеялся.

«Вот немного поправлюсь, окрепну и встану...»

Я молчал...

Царство тебе Небесное, чистый друг! Помолись обо мне там!..

* * *

Но совсем иной был, и совершенно иначе пошел в монахи другой наш товарищ — Колечка С.

Его звали таким ласковым уменьшительным именем потому, что он среди своих товарищей, а нередко даже и среди старших по возрасту и положению, проявлял совсем необычную ласковость в обращении; идет, бывало, по «занятным» комнатам (где студенты занимаются за столами) и вдруг ни с того, ни с сего обращается к ним с приветствием:

— Здравствуйте, миленькие мои!

Или похлопает по плечу кого-либо, погладит

по голове, не справляясь, хочется тому или нет. Или, бывало, скажет мне:

— Ванечка! Дай я тебя, миленький, поцелую, ведь я тебя люблю...

Врагов у него не было, почитателей, пожалуй, тоже, но его любили по-товарищески. Способностей он был средних. Иногда огорчался этим, особенно на экзаменах, когда в 2—3 дня нужно было «одолеть», «проглотить» сотни мудреных ученых и неведомых страниц (на лекции-то ведь никто не ходил, кроме двух очередных студентов). По патрологии он плелся-плелся уж по поводу какого-то святого отца, а потом и совсем стал смущенно, виновато и фальшиво делать вид, будто он «знал да вот-де немного забыл». Колечка совестился. Профессор знал, что он, как и мы, и некоторые наши другие друзья, изучает самостоятельно святоотеческую литературу в так называемом «Златоустовском кружке», и стал его ободрять:

— Да вы зна-е-те. Знаете, не смущайтесь!

Но Колечка что и знал, все позабыл теперь. И продолжал молчать виновато. Профессор, переглянувшись с ассистентом, ласково сказал: «Ну, ничего! Довольно с вас. Идите, не смущайтесь». Колечка с экзамена — прямо ко мне в комнату.

— Ну, миленький, и провалился я! — и то со смехом, хватая себя за нос и качая головой, то с грустью он рассказывал мне о провале.

Я стал его ободрять как мог:

— Ну, что же? Ну, поставят тройку, не пропадешь.

У нас почти никогда не ставили неудовлетворительных отметок, уже четверка считалась слабым баллом.

— Стыдно! — говорил он,— пусть бы провалился по философии или метафизике, Бог с ними, а тут по патрологии — и оскандалился. И вас-то всех оскандалил, всех «златоустовцев». «Вот так и «святоотеческий» кружок!» [12] — скажут!..

И он опять то улыбнется, то хмурится...

После опроса всех экзаменаторы выводили общий балл и потом объявляли результат нетерпеливо ожидавшим его студентам.

Колечка снова прибежал ко мне и, раскатываясь от смеха и радости, обнимая меня и целуя, кричит: «Пять!.. Пять!.. Миленький мой! Да что-о-это такое, Господи!» И опять радостно, как дитя, заливается.

«Да мне и тройки нельзя, а они, миленькие мои, пять мне закатили! Спаси их, Господи!»

Родом он был из городской мещанской простой среды, мать была давно вдова. Кроме него был у нее еще другой сын. Вся семья была очень религиозная. А в академии все мы (и Виктор) были под сильным влиянием аскета-инспектора, архимандрита Ф. [13] Колечка, со свойственной ему сердечностью, сразу увлекся им, потом мы создали под руководством того же архимандрита Ф. святоотеческий кружок. И все это вместе склонило Колечку к мысли о монашестве.

Но перед ним стал острый вопрос: выдержит ли?..

И началась мука сомнений...

Так прошел год, другой. Вопрос все еще решался. Тогда по совету инспектора он съездил к одному старцу, посоветоваться. А тот ответил ему двойственно:

— Можно идти, а можно и не ходить. Можешь быть монахом, но и хорошим батюшкой тоже был бы...

Это Колечку не удовлетворило. И он снова тосковал по монашеству.

Незадолго перед этим совершилось прославление преподобного Серафима и открытие его мощей. Мне уже года два спустя захотелось поклониться угоднику, и я отправился в Саров. А оттуда, накупив монастырских подарочков, приехал в академию к началу учебного года. Между прочим, Колечке я привез небольшую иконочку преподобного. А он давно чтил Саровского чудотворца (еще ранее канонизации его). Я совершенно не имел никаких особых намерений при этом, но вот что случилось с Колечкой.

Получив от меня приятный подарок, он, как сам рассказывал мне потом, решил обратиться к преподобному с просьбой. Покончить так или иначе с мучившим его вопросом о монашестве. Ему хотелось узнать только одно: есть ли воля Божия идти ему в монахи или нет?

«И вот,— передавал он,— положил я твою иконочку перед собою и сказал угодничку моему вслух: «Батюшка, преподобный Серафим, великий Божий чудотворец! Ты сам при жизни говорил:

«Когда меня не станет, ходите ко мне на гробик. Все, что ни есть у вас на душе, все о чем ни скорбели бы, что ни случилось бы с вами, все придите ко мне, как живому, и расскажите. И услышу я вас и скорбь ваша пройдет. Как с живым со мной говорите и всегда я для вас жив буду!» *

Батюшка, дорогой! Я уже замучился со своим монашеством. Скажите мне, есть ли воля Божия идти мне в монахи или нет? Вот я положу тебе три поклончика, как живому и открою твое «Житие» ** и там, где упадет мой взор, пусть будет мне ответом».

Все это вслух. После этого он положил три земных поклона преп. Серафиму, взял «Житие», открыл приблизительно в середине и с левой стороны сразу начал читать. Я после лично смотрел книгу, а теперь и переписываю нужное место ***.

«В 1830 году один послушник Глинской пустыни ****, чрезвычайно колебавшийся в вопросе о своем монашестве, нарочно прибыл в Саров, чтобы спросить совета у о. Серафима. Упав в ноги преподобному, он молил его разрешить мучивший его вопрос: «Есть ли воля Божия поступить ему

---

* Так заповедовал преп. Серафим перед кончиною сестрам созданного им Дивеевского монастыря.

** Сост. Левитский, см. выше.

*** Стр. 252, левая сторона, на странице один лишь этот рассказ начинается с красной строчки.

**** Курской губернии пустынь отличалась строгим уставом, и в то время там тоже подвизался известный угодник, Филарет Глинский.

и брату его Николаю в монастырь»? Святой старец отвечал послушнику: «Сам спасайся и брата своего спасай». Потом, подумавши немного, продолжал: «Помнишь ли житие Иоанникия Великого? Странствуя по горам и стремнинам, он нечаянно уронил из рук жезл свой, который упал в пропасть. Жезл нельзя достать, а без него святой не мог идти далее. В глубокой скорби он возопил к Господу Богу, и Ангел Господень невидимо вручил ему новый жезл». Сказавши это, о. Серафим вложил в правую руку послушника свою собственную палку и продолжал: «Трудно управлять душами человеческими! Но среди всех твоих напастей и скорбей в управлении душами братий, Ангел Господень непрестанно при тебе будет до окончания жизни твоей». И что же оказалось? Послушник этот, просивший совета у о. Серафима, действительно принял монашество с именем Паисия и в 1856 году был назначен игуменом Астраханской Чуркинской пустыни, а через шесть лет возведен в сан архимандрита, получив таким образом, как предсказал о. Серафим, «управление душами братий». Родной же брат о. Паисия, о котором святой старец говорил: «...спасай и брата», окончил свою жизнь в звании простого иеромонаха в Козелецком Георгиевском монастыре».

Можно представить себе и радость, и благодарность, и умиление, какие охватили душу Колечки! Преподобный сотворил явное чудо! Преподобный ответил прямо и даже на совершенно

тот же вопрос о «воле Божией». Так преподобный благословил Колечку идти в монахи...

Мучения кончились раз и навсегда. И скоро Колечки не стало, вместо него клобуком покрылся инок Серафим, названный так при постриге почитатель преподобного, удостоенный от него чудесным ответом.

Но в приведенном рассказе о глинском послушнике было еще два других чудесных указания от преп. Серафима Колечке. Одно — что и ему придется не только быть монахом, но и «управлять душами человеческими», хотя и не вопрошал его тогда об этом бывший ласковый студент, ныне — епископ...

Впрочем, это еще естественно. Но более примечательно другое: «спасай и брата». Колечка, занятый лишь своею мукою, забыл тогда на молитве все и всех, кроме преподобного и себя самого. Не до брата ему было. А нужно нам знать, что его родной брат страдал невыносимыми головными болями, так что раз доходил даже до крайних отчаянных мыслей. Но он любил своего старшего брата, который всячески укреплял его в вере, терпении, уповании на Бога. И можно сказать, братом больше и жил страдалец.

И вдруг получается теперь ответ: «Не только сам спасайся, но и брата своего спасай». И действительно, как только кончил учение иеромонах Серафим, он взял к себе брата своего, а потом и мать-вдову. Брат тоже пострижен был в монашество и назван Сергием. Ныне он уже в сане

архимандрита. Болезнь у него, кажется, совсем прошла, но все же он и доселе живет все с братом и спасаются вместе [14].

В 1921 году, в день Покрова Божией Матери, о. Серафима в Симферополе рукоположили в епископа, с титулом Лубенского [15]. На обеде сказал я ему речь и припомнил об этом чудесном случае указания пути ему в монахи.

7. ЧУДЕСА ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА

МАЛИНКА

Живя по окончании академии в одном доме [16], я слышал следующий необыкновенный рассказ о чуде преподобного Серафима, нигде, однако, не записанном (а может быть, и записано оно в рукописях, но не обнародовано, потому что слишком уж сказочным кажется оно современному маловерующему интеллигенту) [17].

Мне же это чудо не только не кажется необычнее других, но по сравнению с преображением преподобного Серафима, описанным у самого очевидца Н. А. Мотовилова, все остальное кажется уже очень простым, незначительным, естественным.

И даже можно сказать, что рассказ о малинке является как бы продолжением, распространением преображения «твари», проявившегося в просветлении, странном и славном изменении лица отца Серафима, то есть плоти его, а она — из той же «земли», что и малинка.

Рассказ приведу по памяти: я не один раз слышал его.

«Вы знаете,— говорила мне О. В. О. [18], — нашу няню-старушку Александру. Характер у нее был не из легких; но она была глубоко верующим человеком. И особенно любила и почитала преподобного Серафима. Она родилась, когда он жив еще был. А по смерти его по всей России особенно много рассказывалось о его жизни и чудесах. Теперь много позабыто... Няня любила, особенно по вечерам, рассказывать моим детям про Саров и его угодника. И они с замиранием сердца и совершенною верою принимали все, что она говорила им. Я же сидела и тоже слушала. Детям ничуть не казалось необыкновенным никакое чудо. Им даже не приходилось доказывать, что все это правда. Конечно, правда! — чуяло чистое детское сердце. Да и как может быть неправда, когда Боженька все может? А батюшка отец Серафим все мог вымолить у Него. «Ну, няня, расскажи». «Дело было давно,— начинала не торопясь старуха с перерывами.— Приехал в Саровский монастырь новый архиерей. Много наслышан был он об угоднике Божием, но не верил сам рассказам о чудесах батюшки. А может, и люди зря чего наговорили ему? Добру-то мы не охотники верить, а уж поязычить друг на друга — хлебом нас не корми — страсть любим это».

Детям было непонятно слово «поязычить», но они боялись прервать рассказ няни и молчали. Да и няня не любила, чтобы ее перебивали.

«...Встретили архиерея монахи со звоном, честь-честью, в храм провели, потом в архиерейские покои, значит. Ну, угостили его, как полагается. На другой день служба. Осмотрел все архиерей и спрашивает: «А где же живет отец Серафим?»

А батюшка тогда не в монастыре жил, а в пустыни своей. Подали архиерею лошадей. А была зима, снегу-то в саровских лесах — сугробы во какие!» И няня поднимает руку выше головы своей. «Дети же и сами не раз бывали в Сарове, я их любила возить туда. И монахи любили их, считали своими. А из имения нашего мы пожертвовали монастырю и лошадей, и коляску. Была особая наша тройка»,— пояснила рассказчица.

Но мне самому, как и детям, хотелось слушать о чудесах, а не о тройках и монахах...

«Насилу проехал архиерей. Да и то последнюю дорожку и ему пешочком пришлось»,— продолжала няня.

Детям уже становится трудно ждать, когда же, наконец, чудо-то будет? То о снеге, то об архиерее. Поскорее бы, поинтереснее. Но няня не любит, чтобы ее прерывали.

«...Батюшку предупредили, что сам архиерей идет к нему в гости. Угодничек Божий вышел навстречу без шапочки (клобука) и смиренно в ноги поклон архиерею положил. «Благослови,— говорит,— меня убогого и грешного, святой владыка! Благослови, батюшка!» Он и архиерея-то все звал: батюшка да батюшка.

Архиерей благословил и идет вперед в его

пустыньку. Батюшка под ручку его поддерживает. Свита осталась ждать. Вошли, помолились, сели. Батюшка-то и говорит: «Гость у меня высокий, а вот угостить-то его у убогого Серафима и нечем» — обратился он опять к архиерею. А он, угодничек, прозрел уж душу-то его, что не возьмет он в благодать, какую Бог дал святым. Но и сказать прямо не хочет, обидит архиерея. А батюшка добрый был, за то и медведь-то его любил, что уж очень добрый был угодник. От его взгляда всякая злоба пропадала и в человеке, и в звере»,— рассуждала няня.

Дети много раз слышали от нее рассказ о медведе, но сейчас они ждали о другом. А после, если не захочется еще спать, попросят и о медведе рассказать опять. А няня, точно что-то думая про себя, молчала. Детям все труднее становилось ждать.— «Ну, няня?!» — не вытерпит кто-либо из детей.

— ...Ну, вот и ну, а ты не нукай, а слухай,— проворчала добродушно няня и продолжала, не спеша рассказ.

«Архиерей-то, думая, что батюшка хочет его чайком угостить, и говорит:

— Да ты не беспокойся, я сыт. Да и не за этим я к тебе приехал и снег месил. Вот о тебе все разговоры идут разные.

— Какие же, батюшка, разговоры-то? — спрашивает угодник, будто не зная.

— Вот, говорят, ты чудеса творишь.

— ...Нет, батюшка, убогий Серафим чудеса творить не может, чудеса творить лишь один

Господь Вседержитель волен. Ну, а Ему все возможно, Милостивцу. Он и мир-то весь распрекрасный из ничего сотворил, батюшка. Он и через ворона Илию кормил. Он и нам с тобой, батюшка, вот гляди, благодать-то какую дал.

Архиерей взглянул в угол, куда указал угодничек, а там большущий куст малины вырос, а на нем — полно ягоды спелой.

Обомлел архиерей и сказать ничего не может. Зимой-то малина, да на голом полу выросла! Как в сказке!

А батюшка Серафим взял блюдечко чайное да и рвет малину. Нарвал и подносит гостю.

— Кушай, батюшка, кушай! Не смущайся. У Бога-то всего много! И через убогого Серафима, по молитве его и по Своей милости неизреченной, Он все может. Если веру-то будете иметь с горчичное зерно, то и горе скажете: «Двинься в море!» Она и передвинется. Только сомневаться не нужно, батюшка. Кушай, кушай!»

Архиерей все скушал, а потом вдруг и поклонился батюшке в ножки. А батюшка опередить его успел и говорит: «Нельзя тебе кланяться перед убогим Серафимом, ты — архиерей Божий. На тебе благодать великая! Благослови меня, грешного, да помолись!»

Архиерей послушался и встал. Благословил батюшку и только два-три словечка сказал:

— Прости меня, старец Божий: согрешил я перед тобой! И молись обо мне, недостойном, и в этой жизни, и в будущей.

— Слушаю, батюшка, слушаю. Только ты до смерти моей никому ничего не говори, иначе болеть будешь...

Глядит архиерей, а куста-то уже нет, а на блюдечке от малинки сок кое-где остался, значит, не привидение это было. Да и пальчики у него испачканы малинкой.

Вышел архиерей. Свита-то его дожидается. «И чего это,— думают,— он так долго говорил с батюшкой Серафимом?» А он, без шапочки, опять под ручку его ведет до самых саночек. Подсадил и еще раз в снег поклонился.

А архиерей, как только отъехал, говорит своим: «Великий угодник Божий. Правду про него говорили, что чудеса может творить». Но ничего про малинку им не сказал. Только всю дорогу молчал да крестился, а нет-нет и опять скажет: «Великий, великий угодник!»

А когда скончался батюшка, он и рассказал всем про малинку».

Дети, с широко раскрытыми глазами, молча переживали Божье чудо...

Из существующих в «Житиях» описаний можно приурочить это дивное событие к епископу Ионе (Василевскому), он был на Тамбовской кафедре с 29 марта 1812 г. по 26 апреля 1821 г.

Епископ поднимал его и просил встать, но преп. Серафим остался стоять на коленях и кланялся до тех пор, пока не скрылся из виду преосвященный, спешивший поскорее уехать, чтобы не утруждать старца Божия.

Об епископе Ионе сохранилось, действительно, предание (записанное у Левитского), что именно этому епископу преп. Серафим не открыл дверей затвора, когда тот пожелал видеть его, и даже был возле келии его. Настоятель предлагал снять дверь с крючков, но епископ Иона отклонил, говоря: «Как бы нам не погрешить». Это было в 1815 г. после престольного Успенского праздника, когда обычно приезжали епископы. Но в течение девяти лет своего епископства Иона не раз бывал в Сарове. И вот что рассказывает архимандрит Лютикова монастыря Феодосий об одном таком посещении преподобного епископом Ионою.

Нужно думать, что это было именно зимою; ибо 26 апреля 1821 года он уже уехал из Тамбова: ему многое наговорили в другую сторону об о. Серафиме. Архиерей послал за ним в пустыньку; преподобный трудился в это время на огороде. «Кто меня зовет?» — спросил о. Серафим. «Архиерей»,— ответил посланник. «Зачем я пойду к архиерею? Что я там буду делать? Не пойду». Посланный воротился и в точности передал слова его. Епископ Иона вторично посылает к о. Серафиму со строгим приказанием, что если он не придет сейчас, то его связанного и в кандалах он отправит в Тамбов.

Преп. Серафим, услышав это, спокойно сказал: «Ну вот стал еще стращать, что вышлет в кандалах, он и сам-то не попадет в Тамбов. Я — необразованный, а он — архиерей. Вот это дело

настоятеля, пусть он с ним и толкует, а я не поеду». Владыка в гневе, возвыся голос, сказал: «Он еще стал и пророчить! Хорошо! Мне теперь некогда, а по приезде в Тамбов я вытребую его указом». И отправился дальше по епархии.

В одном селе, близ города Темникова, ему был прислан указ из Синода. Прочитав его, епископ Иона передал ключарю и с улыбкой сказал: «Однако старец-то Серафим правду сказал, что в Тамбов-то не попаду; а полезно мне отправиться в Грузию».

На возвратном пути владыка сам пожелал быть у о. Серафима. Расставаясь, они взаимно просили друг у друга прощения и молитв. И при этом святитель с братскою любовью простился со старцем. (Житие. СПб. 1885 г., стр. 121—123).

Но пусть подробности все легендарны — плод народного творчества, однако, самая «легенда» ничуть от этого не слабее. В легенде обыкновенно народ выражает в своей форме, но совершенно верные вещи. Епископ Иона 26 апреля был переведен в Астрахань и 1 октября 1821 года — в Грузию.

...Пора было спать. Я крестила детей и уходила. Няня оставалась еще с ними, пока они не засыпали.

Может быть, и их посещал тогда из того мира «наш батюшка», Бог весть. Но что такие рассказы имели глубочайшее влияние на душу детей, это было мне очевидно и по последующей жизни. Об этом расскажу особо, когда-нибудь в другой раз».

На этом кончилось чудо о «малинке». Я после вкратце записал его.

«НЕ МОГУ НЕ ВЕРИТЬ»

В этой краткой заметке нет никакого «чуда», если только не считать чудом непрестающее воздействие на нас святых и по смерти своей, но я помещаю это здесь и ради прославления преп. Серафима, и вследствие глубоко важной истины, незаметно высказанной устами искренней девушки...

Это была в течение нескольких месяцев моя «воспитанница» и дочь той матери, которая сообщила и о чуде с малинкой. Звали ее Н-а. Вот, что рассказала ее мать.

«Однажды моя Н. говорит мне с досадой:

«Мама! Знаешь, я иногда страшно злюсь и на тебя, и на няню». «Отчего?» — спрашиваю спокойно, я уже давно привыкла к резкостям ее и ничему не дивлюсь, сама виновата,— не сумела воспитать, вот Бог и наказывает теперь.

«Оттого, что вы с нянькой сделали меня верующей».

Как я ни привыкла, но этого не ожидала и не могла понять, какую же беду ей причинили мы обе?

«Так, что же тут плохого?» — с болью в сердце спросила.— Не дай Бог, какое-либо кощунство скажет. И даже нагнулась, точно в ожидании пощечины.

«Не плохое, но мучительное».

Я опять ничего не понимала и молчала. Дочь продолжала:

«Как же? Ты подумай сама, вот я захочу сделать что-нибудь дурное, грех какой, или сделаю, но потом меня совесть мучит. А вот моя подруга делает все то же самое, что и я, и даже хуже, а ничуть не мучается. Я, говорит, ни во что это не верю и никакого греха нет».

Не зная, что бы ей ответить, я высказала первую пришедшую в голову мысль:

— Ну если и тебе хочется так же не верить, так и не верь. Кто мешает?

— Вот вы с нянькой и мешаете. Я бы и рада теперь не верить, да не могу уже!

— Почему? — все недоумеваю я, как глупый младенец, ведь, сама-то я всегда верила, и неверие мне было отвратительно, а вера — была моею жизнью и отрадой.

— Потому, что вы про преподобного Серафима так внушили нам, что и забыть нельзя. Да и я сама теперь знаю, что все это было, а главное, что был сам батюшка о. Серафим. А если был о. Серафим, значит все это и в самом деле так есть. О. Серафим врать никак не мог! Вот почему и говорю я тебе, что не могу не верить: хочу, а не могу, ничего не выходит. И мучаюсь сама, и на вас злюсь.

— И слава Богу! — сказала я,— лучше уж греши да мучайся, чем ко грехам прибавлять еще самое страшное — неверие».

Легкомысленная Н. как-то скоро успокоилась, и мы продолжали с ней разговор совсем о другом.

Где-то она теперь? Сохранила ли она прежнюю веру? А здоровье ее плохое: туберкулез с кровохарканьем давно. Близка и смерть, может быть.

— Я верю, что она не сделалась и не сделается отчаянной безбожницей,— говорю я,— потому что она очень добрая была и не гордая.

Помните, напоминаю я матери,— как она будучи сестрой милосердия, бывало, за углом избы снимала нижнюю рубашку и рвала ее на перевязки раненым, когда не хватало для них бинтов? Такие не могут быть безбожницами. Да и в самом деле, хочешь-не хочешь, а преп. Серафим был. Это уже несомненно. А был преп. Серафим — значит, есть все то, что он видел, и знал, и о чем говорил. Это Н-а сказала истинную правду. И глубокую мысль она в простоте своей сказала. А потому я уверен, что она — верующая. И преподобный Серафим и из того мира не оставит ее за такие милые и умные слова о нем.

После мы получили из России письмо от нее. Оказалось, что она столько пережила страшных вещей, что другой бы и голову, и жизнь потерял. А она вынесла все... И в решительный момент ее жизни ей явился во сне скончавшийся отец и указал явно один из трех выходов, сказавши:

«Муха! — так он звал ее при жизни,— послушай ты меня, хотя один раз в жизни!»

И предсказал ей, что́ ее ожидает в близком будущем и велел не давать согласия ни на первое, ни на второе предложение брака, а принять третье...

Она так и сделала. И теперь довольна и счастлива, несмотря на то, что туберкулез у нее уже во II стадии, кровохарканье увеличилось, а жить одну зиму пришлось им (ей и мужу) даже в хлеву с «буренушкой», их кормилицей; в такой бедности Бог спасает ее...

«...Но не думай, мамуся,— пишет она ей,— что я несчастна. Я довольна и не променяю своего М. (мужа) на самого богатого. И ты не горюй обо мне».

Когда я прочитал это письмо (оно хранится у меня и сейчас), то невольно у меня вырвалось:

— Верующая она!

И припомнилось мне сейчас поразительное сообщение, полученное мною из-за границы от одного человека о своей сестре.

«...Она служила в городе Н. в государственном учреждении. В церковь она боялась ходить, хотя была верующая. И лишь однажды в год, на страстной, ходила исповедоваться и причащаться.

И вот, что она сама рассказывала:

«Я на исповеди каюсь батюшке, старичку, что из-за страха подпасть под подозрение и потерять место, я не хожу в храм, а хотела бы ходить чаще.

— А вы и ходите,— говорит батюшка.

— Да как же? Заметят.

— А вы им скажите, что мол, ходите не для молитвы, а для наблюдения за другими. Я даже ужаснулась такого совета; не провокатор ли уже, думаю, Боже, что же это такое?

Но он смотрит на меня так спокойно и старчески кротко, что я сразу устыдилась своего подозрения и поверила ему».

Другие пишут о религиозных вещах без всякого стеснения [19].

Этому доказательство следующий рассказ.

«МОЙ ДЕНЬ»

В 1925 году мне пришлось провести месяц в Ницце у одних знакомых. Как раз в это время (в сентябре) родители получили письмо от своей дочери из Москвы. Фамилия их — Ш-кие. Содержание письма было настолько исключительное, чудесное, что оно ходило по рукам. Принесли его родители Ш. и к моим знакомым, здесь я и прочитал его. А через четыре года, по случаю смерти матери, приехала и сама автор этого письма. Я тогда опять на неделю попал в Ниццу, постарался увидеться с ней и лично расспросить о чуде; и она, с некоторыми маленькими дополнениями, подтверждала написанное. И теперь я воспроизвожу все по памяти, как на основании письма, так и по устному рассказу ее.

Ш-кая, живя в Москве, работала машинисткой в одном советском учреждении. Работы для печатания было чрезвычайно много. У нее от переутомления разболелись концы пальцев. Доктор предписал немедленное прекращение работы и необходимость, по крайней мере, двухнедельного отпуска. Отпуск дали. Но она не знала как исполь-

зовать его. Не было денег выехать куда-либо из Москвы, оставалось — отдыхать дома.

Между тем у нее родилось желание посетить Саров, помолиться у преп. Серафима (тогда его мощи еще были в монастыре).

В одной комнате с ней была поселена на жительство женщина — врач. Она была тоже глубоко верующая. Как-то вечером Ш. мечтательно стала размышлять: «Как хорошо было бы съездить к батюшке Серафиму, но беда — денег даже и занять не у кого».

— Ну, если батюшка захочет,— сказала докторша,— то и деньги будут.

И в тот же вечер приходит к ним знакомый доктор, узнает об их нужде, дает им взаймы денег и они едут через Нижний Новгород, Арзамас и в Саров. Это было в августе.

В монастыре все еще были полны вестью о только что пережитых впечатлениях от недавно совершившегося чуда и рассказывали о нем всем в утешение. А вместе с тем и показывали и самого исцеленного. Это был крошка-мальчик, 4—5 лет. Жаль, что я не спросил его имени.

Вот, что говорили в монастыре. На Кавказе, в Баку, жила одна интеллигентная семья, состоявшая из бабушки, родителей и больного ребенка. Он от самого рождения был расслабленный: не мог ни стоять, ни ходить. Лечение было бесполезно...

Между прочим, родители его увлеклись дурным делом — теософией. Православием, как и многие интеллигенты, не интересовались, а мо-

жет быть, и пренебрегали им по общей моде; душа же неземного жаждала; и они попали в сети вражии... Нужно думать, что за это они и были наказаны Богом в их ребенке. Но Милостивый Господь и наказывает лишь по любви, чтобы вразумить и спасти нас, грешных и самодовольных.

Однажды мальчик увидел во сне какого-то белого старичка, который сказал ему: «Приезжай ко мне в Саров и выздоровеешь». Ребенок рассказал сон бабушке, а та родителям. Они заинтересовались и стали расспрашивать у знакомых, что это за Саров.

Так они были далеки от церковной жизни, что не знали даже того, что известно почти всякому православному христианину. Скоро они, однако, узнали все о Сарове и решили испытать последнее средство. Собрали кое-как средства. Дорога от Баку, ведь, очень длинная до Сарова, не одна тысяча верст. И все вчетвером отправились к преп. Серафиму. Приехав в монастырь, они рассказали все монахам. Те сначала велели им отговеться (покаялись родители и в теософской прелести). А потом отслужили молебен преп. Серафиму. Но чудо не совершилось.

Монахи посоветовали им съездить на целебный источник преподобного. Послушались бедные родители, искупали больного, но он продолжал оставаться расслабленным. Воротились в монастырь. Еще служили молебны. Но все было бесполезно. Монахи недоуменно, как могли, утешали скорбящих: «И сам Господь не всех исцелял, когда жил на

земле». И родители стали думать уже о возвращении в Баку. Да и невозможно было оставаться в монастыре без конца. Обычно богомольцам разрешается жить дня 3—4, а они прожили уже много больше. Назначили, наконец, на завтра день отъезда...

Ночью мать видит сон. Является ей преподобный Серафим и говорит: «Дождись моего дня!»

Утром она рассказывает об этом и спрашивает, что значит «мой день»?

Монахи объяснили ей, что через несколько дней — это было в половине июля — будет день памяти святого, открытие его мощей (19 июля). Монахи поверили сну, поняв, что таких слов не могла бы придумать сама мать, если бы ей не сказал их сам угодник. И всю семью оставили ждать еще, до дня прославления преподобного. «Народу в Сарове,— рассказывала после Ш-кая,— неисчислимые тысячи! В России чрезвычайно чтут преподобного Серафима, за границей даже и представить этого невозможно».

...Наступил праздник. Началась всенощная. Люди стоят и в храме и вокруг него. Всем хотелось бы приложиться к мощам, но для одного этого потребовалось бы несколько дней и ночей простоять в непрерывной очереди. Поэтому мощи поднимались над народом и богомольцы рядами только проходили под ними, осеняемые благодатью Божией. Все спешили...

Понес и отец своего больного мальчика. Ребенок нопросил папу поднять его повыше, чтобы он

сам мог своими ручонками коснуться гроба. Отец исполнил просьбу...

Но помощи не было...

Не было ее и на другой день, 19 июля.

Опять жестокое разочарование. Печальные, они воротились в свой номер гостиницы и сели за стол покушать. Бабушка сидела на одном конце лавки, а мать с ребенком на другом... Молчали и думали об отъезде... «Только деньги понапрасну израсходовали»...

...Вдруг мальчик неожиданно говорит:

— Ну, иди!

Ребенок отпустил мать, затем выпрямился, к изумлению всех, по лавке и неуверенными шагами двигается к бабушке. Та его подхватывает со страхом, но ребенку хочется идти обратно к матери. Не веря своим глазам, она протягивает к нему руки и зовет к себе:

— Ну, иди теперь ко мне... иди, иди потихоньку!

А у всех уже слезы на глазах. Мальчик же радостно идет по лавке назад.

Испуганный отец хватает его, целует... Целует его мама, бабушка...

— Ну пройдись еще!

И еще прошел.

— Боже Милостивый! Чудо-то какое! Преподобный Серафим!.. Слава тебе!.. Довольно! Довольно! — сказал смущенный отец,— он еще слаб, как бы не повредить.

Ребенка усадили... Радости не было конца...

Мать тотчас бросилась к монахам и в рыданиях

рассказала о чуде. Бросились люди в номер и увидели мальчика здоровым... Мгновенно по монастырю разнеслись слова:

— Чудо! Мальчик пошел!

А его уже знала почти вся обитель. Умиленные, со слезами все смотрели на счастливую семью и исцеленного ребенка.

Отслужили благодарственный молебен... Ребенок стоял уже сам... Родителям, однако, нужно было уезжать домой, но монахи теперь просили и пожить; слишком велико было чудо и великое от него утешение богомольной скорбящей Руси. Тогда родители согласились оставить на время мальчика с бабушкой в монастыре; на это очень охотно пошел и он сам. Так и сделали.

И вот, через каких-нибудь 3—4 недели приехала в монастырь и Ш-кая с докторшей, и они обе своими глазами видели этого ребенка и говорили с ним.

Так совершил преподобный чудо в «свой день», в день канонизации его. Читая жития святых, очень часто замечаешь, что они особенно щедро раздавали благодатные дары своей милости именно в «свой день». Св. Георгий Победоносец спасает из плена в день праздника своего; Илья пророк посылает дождь 20-го июля.

Часты случаи, когда угодившие Богу люди призываются к вечной радости в дни памяти святых, имена коих они носили. Поэтому-то, православные и молятся особенно усердно в день памяти святых. Поэтому даже простые крестьяне, бывало, ездят

в соседние села — «на престол», они не знали как и почему, но сердцем ощущали радость, какую давали святые в «свой день», даже не по заслугам людей, а по своей любви и по благодати Божией.

...Где-то теперь мальчик?..

Между прочим, Ш-кую, когда она приехала в Ниццу, спросили: «Как же вы, верующая, и другие христиане служите в учреждениях безбожного правительства? Не приходится ли кривить душой?» Она ответила: «И там не все безбожники. А многие из них в душе способны еще возвратиться к вере. Конечно, нужно проявлять иногда и исповедничество, особенно, когда служишь в государственных учреждениях. Но мы спрашивали своих духовников-старцев, и они нам решительно запретили уходить, а благословили оставаться среди них, чтобы духовно воздействовать на желающих возвратиться к Богу и Церкви; только нам заповедуется быть кроткими среди них, терпеливыми, любезными. Вот, например, у меня главный начальник был верующий. А из одного места меня уволили за слишком явное проявление своих религиозных воззрений. Однако, узнавшие об этом, сослуживцы другого учреждения сочувственно относились ко мне и даже, видя мое спокойствие по поводу допущенной несправедливости, удивлялись и спрашивали: «Как это Вы, христиане, можете терпеливо переносить и горе, и бедность, и неправду? Вот мы, неверующие, не снесли бы этого?!»

— Так нам заповедует наше Евангелие, и

Господь сил дает. А набираемся мы их в церкви. Попробуйте вы походить и сами увидите,— отвечала я.

Кто улыбнется, кто наденет на себя личину неудовольствия. А кто и пойдет тайком: глядь, после встречаешь его рядом в храме».

Совершенно то же самое мне передавала в Сербии одна очень благочестивая старушка из аристократической семьи, прошедшая очень сложную духовную жизнь.

Нас за это называли «непротивленцами» и «толстовцами», но мы, под руководством духовников наших, не смущались этим, потому что хорошо знали, что иного пути спасения и нам, и России, как только через молитву, кротость и терпение, — нет!

ВЫКУПАЛ УГОДНИК

Этот рассказ кому-либо может показаться слишком незначительным для такого великого угодника, но человеческие мерки — не Божии, и мы не знаем, на кого что может подействовать. На одного — важное, на другого — мелочь. Закхей через смешное любопытство влез на смоковницу и спасся [20], а фарисеи и воскресением Лазаря соблазнились и решили убить его и Иисуса [21]. И апостол Павел говорит: «Всем бых вся, да всяко некия спасу» [22].

Данный рассказ я получил от очевидицы в рукописи. И буквально его спишу.

«Кажется, в лето объявления войны, я с Колей

(сын)[23] и учителем его были в Сарове. Долго там прожили. Н. (дочь) с мужем явились на несколько дней из Москвы.

Все решили искупаться в источнике преподобного. Но Федор * ни за что не соглашался, он был не то что не верующий, а равнодушный. Нужно было подходить под струю, и вода обжигала. Холодная была. Бассейна еще не было, чтобы окунуться. Бывало, дрожишь, спускаясь по ступенькам. А там три крана подряд. Вода по трубам идет из источника, а потом уходит в реку. Перекрестишься и, поворачиваясь под струей, с головою вся и обливаешься. Раз за себя, а потом другой за кого еще хочешь. Я всегда несколько раз обливалась. Огнем загорится тело. А радостно!

Все искупались. Федор — ни за что. А мужские купальни отдельно, хорошо отделанные были, устроены после прославления угодника. А когда я в молодости приехала сюда впервые, то был источник, от него желоб. И под желоб мы и подходили все: и мужчины, и женщины — раздеваясь вблизи на траве.

Источник этот был и до о. Серафима и назывался во имя св. апостола Иоанна Богослова. А о. Серафим всегда отправлял к нему. И исцеления начались при нем.

Н. (дочь) и говорит сопровождавшему нас знакомому монаху-гостиннику:

«Отец Игнатий! Федор мой не хочет искупаться,

---

* Так звали мужа Н., офицера.

что же делать?» А о. Игнатий ответил ей: «Попросите, Н-очка *, батюшку отца Серафима, он сам и Федора Николаевича выкупает».

Пошутили. Было весело.

Я ушла ко всенощной, а Коля, его учитель, Н., Федор отправились к знакомому доктору кататься на лодках. Покатались. Подъехали к берегу. Все встали и вышли из лодки. Последний Федор. И вдруг, а он, ведь ловкий,— лодка перевернулась. И Федор с головой в воду. Мелко было. Он сейчас же вскочил. С него текло. И таким пошел в гостиницу.

Раздели его монахи. Дали ему свою одежду, а его белье, сапоги — сушить. Потом портные — гладить. Все и узнали.

Напоили его чаем. И весь монастырь ликовал. «Сам батюшка выкупал непокорного».

И после еще долго радостно смеялись.

Еще припоминаю. Из нашего имения (верст 50 до Темникова, а от Темникова уже в Саров) мы — около 1901 г.— приехали в монастырь впятером: дети, няня, гувернантка Мина (кальвинистка, швейцарка) и я. Мина как раз к тому времени получила письмо с родины, что брату в Женеве будут делать операцию на головном мозге, долбить череп. Няня уговорила ее молиться преподобному и просить об этом и игумена. Мадемуазель согласилась.

Брат ее выздоровел на удивление всем.

Не помню даже была ли операция?

---

* Монахи знали детей чуть не с пеленок и привыкли называть их уменьшительными ласковыми именами.

Мина потом вышла за русского, приняв Православие.

Около 1912—1913 годов я была в Сарове с Колечкой (сыном) и его учителем, учеником Академии художеств. Учитель был неверующий, но жил в монастыре с удовольствием. Рисовал, гулял, катались на монастырских лошадях в лес. У монастырского доктора была большая веселая семья, там хорошо кормили всех наших. Еще я одну богомолку взяла. Она стирала белье, собирала ягоды и т. п.

Прожили довольно долго, а перед отъездом учитель, без всякого уговаривания его, отговел с Колечкой, исповедовался и причастился Святых Таин. С тех пор стал верить.

Там какая-то особая атмосфера, не надо и старцев.

Все села вокруг Сарова точно напитаны были отцом Серафимом. Бывало, пойдешь через Арзамас (60 верст до обители), а на полдороге всегда кормили лошадей. И чего только не наслушаешься?! Все крестьяне как-то особенно тепло и живо относились к о. Серафиму, считая его своим близким и величайшим угодником. И почти каждый из них знал о многих исцелениях от «водицы» и других чудесах. И угодник Божий вообще помогал им в житейских всяких невзгодах. Иногда совсем мелких. Он всем помогал как-то особенно щедро.

Или едешь через Темников с ночевкой в женском монастыре. И опять все жило о. Серафимом. Он всех привлекал к себе. Тысячи, десятки тысяч, ежегодно шли, ехали «к батюшке Серафиму».

И устные рассказы всегда бывали красочны. Все перезабыла.

Исцеления бывали ежедневно. Никто не удивлялся: «Так и должно быть». Редко записывали. И то не все, а вкратце.

О. игумен (И-он) не любил даже, чтобы записывали. Потом проверять станут. Бог с ними.

А молва народная — самая лучшая запись — разносила славу про Саровского чудотворца по всей России задолго еще до прославления. После смерти угодника сразу же все считали его святым.

Вот и все, что припомнила. Разве еще маленькая подробность. В 1909 году я с детьми была в Сарове и Дивееве. Там же одновременно находился и архиепископ Ф.[24] Он бывал у Елены Ивановны Мотовиловой *, тогда она еще жива была. И Е. И. рассказывала ему, что когда открыли гроб преподобного,— а ее поставили вблизи — то благоухание было такое же, какое бывало и в его келии и при его кончине от гроба.

А А. Ф. об этом мне рассказал. Сам он знает многое, что еще не напечатано и о чем ему рассказывали в Сарове, а особенно в Дивееве».

На этом воспоминания О-й кончились.

---

* Жены Н. А. Мотовилова, описателя дивных чудес и свидетеля дивного преображения его (известная беседа Н. А. Мотовилова и преп. Серафима «О сущности христианства»).

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ И ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ[25]

Событие, о котором рассказывается ниже, было устно сообщено нам в 1931 году, в августе, господином К., а потом и записано им. Этим письмом мы и пользуемся здесь.

Известно, что сам преп. Серафим из опыта знал, не раз говорил, что в Православной Церкви непорочно хранится вся полнота христианства. И что всего поразительнее и убедительнее, это его собственная высота и полнота благодати, которая в нем обитала в такой «силе» как в немногих даже древних святых. Достаточно вспомнить одну лишь беседу Н. А. Мотовилова с преподобным, во время которой он чудесно преобразился, подобно Господу на Фаворе, чтобы без малейшего сомнения утверждать, что Православие и доселе, действительно,— непорочно, живо, полно, совершенно. Но приведем и собственные его слова.

«У нас вера православная, не имеющая никакого порока»...

«Прошу и молю вас,— говорил он в другой раз нескольким старообрядцам,— ходите в Церковь грекороссийскую: ОНА ВО ВСЕЙ СЛАВЕ И СИЛЕ БОЖИЕЙ. Она управляется Духом Святым».

Но о том же свидетельствует и голос со стороны иного исповедания.

Вот как это было. «Переслал мне,— пишет К.,— один мой знакомый письмо на французском языке, в котором одна эльзаска просит его

прислать ей что-нибудь о Русской Православной Церкви; молитвенник или еще что-либо.

В ответ на письмо что-то послали ей и этим дело временно кончилось.

В 1927 году я был в этом месте и стремился познакомиться с ней, но ее не было тогда из-за летнего времени. И я познакомился лишь с ее свекровью, старушкою большого христианского милосердия и чистоты сердечной.

Она мне рассказала следующее. Их семья старого дворянского рода Эльзаса, протестантского вероисповедания. Надо сказать, в этой области Эльзаса, села смешанного вероисповедания: наполовину римо-католики, а наполовину — протестанты. Храм же у них общий и в нем они совершают свои богослужения по очереди.

В глубине алтарь римский, со статуями и со всем надлежащим. А когда служат протестанты, то они задергивают католический алтарь занавесом и выкатывают с боку свой стол на середину и молятся. Недавно в Эльзасе, в протестантском мире, было даже движение в пользу почитания святых. Это произошло после книги известного Саббатье о. св. Франциске Ассизском[26]. Будучи протестантом, он пленился образом жизни этого праведника, посетив Ассизи. Семья моих знакомых тоже была под впечатлением этой книги. Продолжая оставаться в протестантстве, они чувствовали однако неудовлетворенность им и, в частности, стремились к почитанию святых и к таинствам. Характерно, между прочим, для них одно обстоятельство.

Когда пастор обручал их, то они просили его не задергивать католического алтаря, чтобы хоть видеть статуи святых. Но мысль их искала истинной Церкви.

И вот однажды молодая жена, будучи больной, сидела в саду и читала жизнь Франциска Ассизского. Сад был весь в цветах. Тишина деревенская... Читая книгу, она каким-то тонким сном забылась. «Сама не знаю, как это было»,— рассказывала она после мне. И вот к ней идет сам Франциск, а с ним сгорбленный весь сияющий старичок, «как патриарх»,— сказала она, отмечая этим его старость и вообще благолепие. Он был весь в белом. Она испугалась. А Франциск подходит с ним совсем близко к ней и говорит:

«Дочь моя! Ты ищешь истинную Церковь — она там, где он. Она все поддерживает, а ни от кого не просит поддержки».

Белый же старичок молчал и лишь одобрительно улыбался на слова Франциска. Видение кончилось. Она как бы очнулась. А мысль подсказала ей почему-то: «Это связано с Русскою Церковью». И мир сошел в душу ее.

После этого видения и было написано письмо, упоминаемое вначале.

Через два месяца я снова был у них и на этот раз от самой эльзаски узнал еще и следующее. Они приняли к себе русского работника. Посетив его помещение и желая узнать, хорошо ли он устроился, она увидела у него иконочку и узнала в ней того старца, которого она видела в легком сне

с Франциском. В удивлении и страхе она спросила: «Кто он, этот старичок?» — Преподобный Серафим, наш православный святой,» — ответил ей работник. Тут она поняла смысл слов св. Франциска, что истина — в Православной Церкви».

ЗАВЕЩАНИЕ ДУХОВНИКУ

Однажды, духовник и священнослужитель Дивеевской женской обители, протоиерей Василий Садовский, обратился к преподобному Серафиму с вопросом о том, как часто допускать к причастию Святых Таин сестер? И в частности, как быть с теми, кто приходит на исповедь с повторными немощами? И преподобный ответил ему следующее.

«Послушание паче поста и молитвы, батюшка! Приобщаться Святых Христовых Животворящих Таин заповедываю им, батюшка, во все четыре поста и двунадесятые праздники, даже велю и в большие праздничные дни. Чем чаще, тем лучше.

Ты — духовный отец их, не возбраняй, сказываю тебе, потому что благодать, даруемая нам приобщением, так велика, что как бы недостоин и как бы грешен не был человек, но лишь бы в смиренном только состоянии всегреховности своей приступил к Господу, искупляющему всех нас, то хотя бы от головы до ног покрыт был язвами грехов, будет очищаться, батюшка, благодатию Христовою, все более и более будет светлеть, совсем просветлеет и спасется.

Вот, батюшка, ты им духовный отец, и все это я тебе говорю, чтобы ты знал».

«Как духовного отца сестер обители батюшка,— пишет о. В. Садовский,— назидал меня, приказывая быть всегда сколько возможно снисходительнее на исповеди, за что по времени меня многие укоряли, осуждали, даже гневались на меня и до сих пор еще судят. Но я строго соблюдаю заповедь его и всю жизнь мою сохранял.

Угодник Божий говорил: «Помни, ты только свидетель, батюшка, судит же Бог. А чего-чего, каких только страшных грехов, которые и изречь невозможно, прощал нам Всещедрый Господь и Спаситель наш! Где же нам человекам судить человека!..

Мы лишь свидетели, свидетели, батюшка! Всегда это помни: одни лишь только свидетели, батюшка!»

Здесь, как видно, нет ничего чудесного. Но я, прочитав несколько разных изданий «Житий» преподобного, лишь в одном, сравнительно давнем описании Дивеевского монастыря, нашел это замечательное завещание. И сколько мог я распространял его и в переписях, и в устных рассказах. А теперь заношу и сюда, в надежде, что кто-либо прочитает и воспользуется им. А для духовников такое завещание и теперь имеет чрезвычайное значение. Грехи ныне умножились, а люди ослабли. И не раз высказывал преп. Серафим подобные мысли.

«Когда же мы искренне каемся в грехах наших и обращаемся к Господу нашему Иисусу Христу всем сердцем нашим, Он радуется нам, учреждает

праздник и созывает на него любезные Ему силы, показывая им драхму, которую Он обрел паки».

«Итак, не вознерадим обращаться к Благоутробному Владыке нашему скоро и не предадимся беспечности и отчаянию ради тяжких и бесчисленных грехов наших. Отчаяние есть совершеннейшая радость диаволу».

«Кто приобщается, везде спасен будет, а кто не приобщается — не мню».

«Благоговейно причащающийся Св. Таин и не однажды в год, будет спасен, благополучен и на самой земле долговечен. Верую, что по великой благости Божией, ознаменуется благодать И НА РОДЕ ПРИЧАЩАЮЩЕГОСЯ. Перед Господом один творящий волю Его паче тьмы беззаконник».

Один человек из-за сознания своего недостоинства не хотел причащаться, начал падать духом, и чем более думал, тем более отчаивался. «Мне,— пишет он,— представилось, что по суду Божию за мое недостоинство я буду сожжен огнем или живой поглощен землею, как только приступлю к Святой Чаше». И он сокрушался. Прозрев это, преп. Серафим подозвал его в алтарь и сказал: „Если бы мы океан наполнили нашими слезами, то и тогда не могли бы удовлетворить Господа за то, что Он изливает на нас туне, питая нас Пречистою Своею Плотью и Кровью, которые нас омывают, очищают, оживотворяют и воскрешают. Итак, приступи без сомнения и не смущайся, только веруй, что это есть истинные Тело и Кровь Господа нашего Иисуса

Христа, которые даются — во исцеление от всех наших грехов"».

Исповедавши однажды офицера К., причем сам сказал его грехи, как будто они были совершены при нем, преп. Серафим по поводу смущения его идти к нему сказал: «Не надо покоряться страху, который наводит на юношей дьявол, а нужно тогда особенно бодрствовать духом и откинув малодушие помнить, что хоть мы и грешные, но все находимся ПОД БЛАГОДАТИЮ НАШЕГО ИСКУПИТЕЛЯ, без воли Которого не спадет ни один волос с головы нашей».

«Как всякой болезни есть врачевание, так и всякому греху есть покаяние».

Но однажды и нечто иное изрек преподобный о святом причащении.

Одну христианку, Е-ну, близкую ему духовную дочь, беспокоило то, что ее муж не исповедовался и не приобщился Св. Христовых Таин перед своею смертью *. О. Серафим по поводу этого сказал ей:

* Они были молодожены. Он неожиданно скоро заболел и стал чахнуть. «Предложить ему приобщиться Святых Таин Христовых меня удерживало опасение, как бы не испугать его печальною вестью о приближающейся кончине, а он, хотя был тоже весьма религиозным, вероятно, боялся испугать меня.

Когда он умер, мне казалось это карою Божию за грехи мои и моего мужа. Мне думалось, что муж мой будет навеки отчужден от жизни Божией.

И после похорон я доходила до отчаяния и, пожалуй, лишила бы себя жизни, если бы за мною не было строгого надзора».

Так прошло 10 месяцев страданий. Дядя ее, у кого, она воспитывалась, посоветовал ей ехать к Серафиму, а пути было около 500 верст.

«Не приобщился? Другой и хочет приобщиться, но почему-нибудь не исполняется его желание, совершенно от него независимо, такие невидимым образом сподобляются причастия через Ангела Божия».

Потом он приказал ей 40 дней ходить неопустительно на могилу мужа и говорить: «Благослови меня, господине мой, прости меня, елико согреших пред тобою и тебя Господь Бог простит и разрешит».

Кроме того в течение тех же 40 дней он велел ей брать из храма после службы пепел из кадила и, выкопав в могиле ямку, всыпать в нее пепел этот, прочитывая по три раза «Отче наш», Иисусову молитву, «Богородице Дево, радуйся» и один раз «Символ веры».

Елена все это исполнила. «И после этого я как будто совершенно переродилась, в душе моей водворилось такое спокойствие, какого после смерти мужа я никогда не чувствовала. С меня точно тяжелое бремя свалилось».

Значит, нужно разбирать кому часто причащаться, а кому не часто. Но главное, с каким настроением и сокрушением приступать.

В заключение о преподобном Серафиме перепишу всем известное чудо о последнем и самом дивном явлении ему Божией Матери со многими святыми. Слишком уж оно поразительно, несомненно и умилительно!

ЯВЛЕНИЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Поразительное это было чудо с преп. Серафимом. «12 раз уже явилась мне Царица Небесная»,— говорил он сам. А в этот раз была еще и другая свидетельница, как и у преп. Сергия — Михей. Недаром перед смертью преп. Серафим завещал положить ему на грудь именно иконочку явления Божией Матери преп. Сергию с Михеем.

Последнее известное посещение преподобного Саровского старца Богоматерию было в последний год жизни батюшки Серафима, как удостоверяет единственная свидетельница такого посещения дивная дивеевская старица Евдокия Ефремовна, в иночестве Евпраксия.

Чудесное событие последовало ранним утром в праздник Благовещения. Накануне этого дня, вечером Евдокия пришла к о. Серафиму по его приказанию. Святой Старец встретил ее словами: «А радость моя! Я тебя давно ожидал. Какая нам с тобою милость и благодать от Божией Матери готовится в настоящий праздник! Велик этот день будет для нас!»

«Достойна ли я, батюшка, получить благодать по грехам моим»? — сказала дивеевская сестра.

«Повторяй, матушка, несколько раз сряду: Радуйся, Невесто Неневестная! Аллилуиа! — приказал ей о. Серафим и продолжал: — И слышишь, то никогда не случалось, какой праздник нас с тобой ожидает!»

Евдокия начала было плакать, сознавая и

высказывая свое недостоинство, но преподобный стал утешать ее: «Хотя и недостойна ты,— говорил он,— но я о тебе упросил Господа и Божию Матерь, чтобы видеть тебе эту радость. Давай молиться!»

Сняв с себя мантию, о. Серафим надел ее на дивеевскую сестру и начал читать акафисты Господу Иисусу, Божией Матери, святителю Николаю, святому пророку Иоанну Крестителю и каноны — Ангелу хранителю и всем святым. Прочитав все это, он и говорит Евдокии: «Не убойся, не устрашись, благодать Божия и к нам является! Держись за меня крепко!»

Вдруг поднялся шум, подобный шуму леса в большой ветер. Затем послышалось пение. Дверь в келию отворилась сама собою, сделалось необычайно светло, благоухание наполнило келию. Старец упал на колени и, воздев руки к небу, произнес:

«О! Преблагословенная, Пречистая Дева, Владычица Богородица грядет к нам!»

Открылось шествие небожителей.

Впереди шли два Ангела, держа один в правой руке, а другой в левой по ветке, усаженной только что распустившимися цветами. За ними шли святой Иоанн Предтеча и святой апостол Иоанн Богослов в белых блестящих одеждах. Далее сама Царица Небесная. И за Нею попарно 12 святых дев.

Богоматерь имела на себе мантию, подобную той, какая пишется на образе Скорбящей Матери Божией, блестящую, необыкновенной красоты,

но какого цвета старица Евдокия не помнит. Мантия была застегнута под шеей большою круглою пряжкой, убранною крестами, чрезвычайно разукрашенною и сиявшею необыкновенным светом. Под мантией у Царицы Небесной было зеленое платье, перепоясанное высоким поясом, сверх мантии как бы епитрахиль, а на руках поручи, убранные как и епитрахиль крестами.

На голове Богоматери была возвышенная корона, украшенная крестами; прекрасные, чудные, сиявшие таким светом, что на нее нельзя было смотреть, как и на самое лицо Царицы Небесной. Волосы Ее были распущены и лежали на плечах. Ростом Она казалась выше всех дев. Святые девы — все необыкновенной, хотя и различной красоты — были в венцах, в одеждах разного цвета и тоже с распущенными волосами. Они образовали собою круг, Царица Небесная была в середине его. Тесная келия о. Серафима стала как бы просторнее, и весь верх ее наполнился огнями как бы от горящих свечей. Свет был какой-то особый, не похожий на дневной; он был светлее и более похож на солнечный.

Свидетельница этого видения, сестра Евдокия Ефремовна, при входе небожителей в келию о. Серафима, от страха замертво упала на пол и не знает, как долго была в таком состоянии. Царица Небесная изволила говорить со святым старцем. Уже перед концом видения, лежа на полу и придя в себя, она услышала, что Богоматерь спросила у преподобного:

«Кто это у тебя лежит?»

О. Серафим отвечал:

«Это та самая старица, о которой я просил Тебя, Владычица, быть ей при явлении Твоем».

Тогда Матерь Божия подошла к Евдокии и, взяв ее за правую руку, сказала: «Встань, девица, и не бойся нас. Такие же девы, как Ты, пришли сюда со Мною».

Евдокия Ефремовна и не почувствовала как встала. Царица Небесная повторила ей:

«Не бойся, мы пришли посетить вас».

В это время о. Серафим был уже на ногах перед Пречистой Богородицей, и Она говорила с ним столь милостиво, как бы с родным человеком.

Объятая великою радостью, дивеевская сестра спросила у о. Серафима: «Где мы? кто это? Я думала, что я уже не живая».

Тогда Царица Небесная приказала ей самой подойти ко всем явившимся небожителям и спросить их, как их имена и какова была их жизнь на земле?

Сначала старица Евдокия подошла к Ангелам и спросила их: «Кто вы?» Они ответили: «Мы — Ангелы Божии». Потом с тем же вопросом она обратилась к святому Иоанну Крестителю и апостолу Иоанну Богослову. И они сказали ей свое имя и свою жизнь.

Затем Евдокия подошла к св. девам, которые стояли по сторонам в том порядке, в каком вошли в келию. Это были великомученицы Варвара и Екатерина, первомученица Фекла и великомуче-

ница Марина, великомученица Ирина и преп. Евпраксия, великомученицы Пелагея и Дорофея, преп. Макрина и мученица Иустина, мученица Иулиания и мученица Анисия.

Все эти девы на вопросы Евдокии называли ей свое имя, свою жизнь и подвиги мученичества за Христа, сходные с тем, что написано о них в Четьих-Минеях и прибавили спрашивавшей: «Не так нам Бог даровал эту славу, а за страдание и за поношение. И ты пострадаешь!»

Между тем Богоматерь продолжала беседовать с о. Серафимом и что-то много говорила ему. Но из этой беседы дивеевская сестра могла расслышать лишь немногое. И вот, что она слышала хорошо.

«Не оставь дев моих дивеевских!» — говорила Царица Небесная.

О. Серафим отвечал: «О, Владычица! Я собираю их, но сам собою не могу их управить».

«Я тебе, любимче мой, во всем помогу! — сказала Богоматерь.— Возложи на них послушание, если исправят, то будут с тобою и близ Меня, а если потеряют мудрость, то лишатся участи сих ближних дев Моих, ни места, ни венца такого не будет. Кто обидит их, тот поражен будет от Меня, кто послужит им ради Господа, тот помилован будет перед Богом».

Потом, обратясь к старице Евдокии, Царица Небесная сказала: «Вот посмотри на сих дев Моих и на венцы их, иные из них оставили земное богатство и царство, возжелав Царства Вечного и Небесного, возлюбили нищету самоизвольную, возлю-

били единого Господа и за то, видишь, какой славы и почести сподобились. Как было прежде, так и ныне; только прежние мученицы страдали явно, а нынешние — тайно, сердечными скорбями, а награда им будет такая же».

Видение кончилось тем, что Пресвятая Богородица сказала о. Серафиму: «Скоро, любимче Мой, будешь с нами!»

И благословила его.

Простились со св. старцем и все святые; Иоанн Предтеча и Иоанн Богослов также благословили его, а девы целовались с ним рука в руку. А дивеевской сестре было сказано: «Это видение тебе дано ради молитв о. Серафима, Марка, Назария и Пахомия»[27].

Потом в одно мгновение все стало невидимо.

После преп. Серафим говорил, что видение продолжалось часа четыре.

По окончании его сестра Евдокия сказала: «Ах, батюшка, я думала, что я умру от страха и не успею попросить Царицу Небесную об отпущении грехов моих».

О. Серафим отвечал на это: «Я, убогий, просил о вас Божию Матерь и не только о вас, но и о всех любящих меня; и о тех, кто служил мне и мое слово исполнял, кто трудился для меня, кто обитель мою любит, а кольми паче вас не оставлю и не забуду.

Я — отец ваш и попекусь о вас и в этом веке и в будущем. И кто в моей пустыне жить будет, всех не оставлю, и роды ваши не оставлены будут.

Вот, матушка, какой благодати сподобил Господь нас убогих! Зачем нам унывать?! Мне таким образом уже двенадцатый раз было явление от Бога. И тебя Господь сподобил! Вот какой радости достигли! Есть нам почему веру и надежду иметь ко Господу! Побеждай врага — дьявола — и против него будь во всем мудра. Господь тебе во всем поможет! Призывай себе на помощь Господа и Матерь Божию, святых и меня, убогого, поминай».

Тогда Евдокия Ефремовна стала просить о. Серафима, чтобы он научил ее как жить и молиться?

Св. старец отвечал:

«Помни и говори всегда в молитве: Господи, какова будет смерть моя? Как мне, Господи, на страшный суд прийти? Как мне, Господи, ответ дать за мои дела? Царица Небесная, помоги мне!»

Благословив затем свою посетительницу, о. Серафим отпустил ее от себя, сказавши:

«Гряди, чадо, с миром в Серафимову пустынь!»

Из всего того чудесного видения останавливает, между прочим, внимание та подробность, что Евдокия пересчитала 12 дев по их именам, а некоторые имена огромному большинству почти неизвестны. Конечно, знают все про святую Варвару и святую Екатерину, но мало кто знает (в России, сербы и греки знают) «огненную» Марину (17 июня ее память), еще менее знают про преп. Макрину, сестру св. Василия Великого, слышали, быть может, про первомученицу Феклу. Ну, а что, например, знают про других: Ирину, Евпраксию, Дорофею,

Пелагею, Иустину, Иулианию, Анисию? Даже слышали ли мы про них?

А они явились и рассказали о себе.

Дивны дела Божии!

Но какие же мы ничтожные, грешные, ленивые, маловерные, пустые! Стыдно даже и вспомнить.

А как спастись?

«Думай,— говорит преп. Серафим,— о смерти, о страшном суде». То-то и дело, что не думаем. А, если и вспомним, то без страха.

Господи! Какими знаешь путями спаси меня, грешного.

Написав об этом явлении, теперь расскажу также о явлении Богоматери, бывшем недавно и ставшем известным мне.

«ЧИТАЙТЕ БОГОРОДИЦУ» *

В одном селе, недалеко от города Уфы, в 1910 году жила бедная семья, состоявшая из вдовы псаломщика, трех ее детей и бабушки.

Детей звали: Христина, Степан (попросту Степка) и Мария (попросту Манька). Старшей было около 10 лет, Степке — около 7 и Маньке — года 4. Мать их страдала пристрастием к вину и иным немощам, но бабушка была благочестивая и кроткая, терпеливица и богомольница. Она почти постоянно читала молитву: «Богородице Дево, радуйся»...

---

* Рассказ был сообщен мне лицом, которое принимало потом непосредственное участие во всем деле [28].

Не имея чем содержать детей, мать стала посылать их по миру, милосердный народ давал, что мог. Особенно щедро оделяли крохотную нищенку, четырехлетнюю Маньку, когда она с протянутой ручонкою, картавя, жалобно выводила под окнами: «Пода-йте бедным Хлиста лади» (Христа ради). А вечерами иззябшие, продрогшие дети возвращались домой, неся милостыню. Поевши, забирались на печь, изба-то была холодная. Да и печка уже по местам провалилась, но еще действовала.

И тут начиналось ученье. Бабушка, как могла, научила внучат самым главным молитвам, но особенно она убеждала их читать «Богородицу».

«Когда вам плохо будет, читайте, милые мои, горемычные, «Богородицу», и Она, Заступница, не покинет вас».

Так шли месяцы. Но вот померла и бабушка. За детьми мать не смотрела. И решила она освободиться от обузы. Собрала их как-то раз, одела в последние нищенские лохмотья и отправилась в губернию, чтобы рассовать полюдно по приютам или в чужие люди.

Дело было незадолго перед Рождеством. Зимы в Уфе сухие, суровые. До города не один десяток верст. Кое-где подвезут попутчики, кое-где пешком; добрались до города к вечеру. Остановились на постоялом дворе. На другой день мать начала обивать пороги по всем начальствам, начиная с губернаторши, которая заведовала детским приютом для мальчиков. Но все мольбы были

напрасны, везде было полно, а лишних не хотели брать.

Тогда мать решилась на крайнее средство. Оставив ребятишек на каком-то углу, она сказала им, чтобы ее здесь подождали, «скоро приду». А сама, бросивши их, скрылась и ушла обратно в свое село. Постояли, постояли дети и, не дождавшись мамы, стали бродить по городу, ища ее. Иные встречные спрашивали: «Кто вы? Что делаете?»

— Маму ищем...

Прохожие понимали, что дети брошены и торопились проходить далее, какая кому охота возиться с чужим горем? У всякого и своих забот довольно. Кто-то жалостливый купил им по калачу, и они погрызли их. Наступал уже вечер. Холод пронизывал через детское тряпье до костей. А у маленькой Маньки обувенка была совсем сношенная, и пальчики, нежные, еще младенческие, стали замерзать. И она заплакала. За нею другие... Тогда Манька вспомнила завет бабушки: читайте «Богородицу». И предложила всем читать ее. И бедные малые дети стали повторять с Манькой Архангелово приветствие Деве:

«Богородице Дево, радуйся! Благодатная Мария, Господь с Тобою!»

Сколько они времени повторяли эту радостную молитву, Бог весть. Но она была услышана. В своих бесцельных блужданиях и поисках мамы они дошли до церкви Успения Божией Матери.

«А церковь эта,— говорила мне очевидица, —

как раз почти против нашего дома, который мы снимали в аренду. Я же в это время была больна и лежа в постели читала книгу о молитве Иисусовой, о кавказских пустынниках [29] и так перенеслась туда мыслью, что даже мне казалось, будто я ощущаю запах фиалок. А муж и сын уехали на охоту в лес на несколько дней. Вдруг я слышу какой-то шум в доме, громкие голоса прислуги и ничего не понимая, звоню в стоявший возле постели звонок, но меня никто не слышит. Звоню сильнее, наконец входит горничная. Я спрашиваю, в чем дело. И мне она объясняет, что пришли с улицы какие-то нищие дети и не знает, куда их деть. А Абдул (так звали кучера татарина) говорит: «В полицию их оборванцев!» Но И. О. (повариха) стала защищать от Абдула: «Нужно,— говорит,— доложить барыне».

Я «с гор Кавказа» сразу слетела в зимнюю стужу Уфы и приказала привести детей к себе. Входят они, бедные, испуганные, оборванные, замерзшие, маленькие. Вижу, что не до рассказов им. И лишь спросила:

— Откуда вы?

Они назвали свое село.

— А кто вас к нам привел?

— Тетенька в черном.

— Какая тетенька? — спрашиваю.

— Не знаем.

Горничная и повариха, стоявшие тут же, рассказали мне, что дети в кухне уже говорили им, будто какая-то высокая тетенька в черном платье, без шубы, а в одной лишь черной шали, которою

Она накрывала лицо, вышла из Успенской церкви, взяла детей за руки, перевела через улицу, отворила калитку и с черного хода втолкнула в кухню, а Сама исчезла.

«Мы же никого не видели, кроме них», — сказала горничная.

А когда спросили их и узнали о тетеньке, то Абдул выбежал на улицу, но никого не видно было. Абдул уже сбегал и в сторожку, но сторож говорит, что церковь закрыта и заперта».

Тогда мне сразу мелькнула мысль: «Тетенька, вышедшая из запертого Храма, была Сама Богородица».

Но я отложила расспросы на будущее, а велела тотчас же уложить детей спать, так как они перемучились и иззябли, а потом — приготовить им ванну, белье, оставшееся от наших детей, и пищу. А по телефону позвонила епископу Н. [30], прося его приехать, слишком уже необычное выходило дело.

Абдул принес прямо в кухню солому и дети повалились спать. На другой день прибыл и владыка. Детей уже помыли, накормили и приодели. Владыка сам стал их расспрашивать обо всем. Подтвердил, что, действительно, псаломщик такого-то села скончался, оставив сиротскую семью. Когда же речь дошла до их похождений по Уфе, то дети рассказали, что они замерзая, стали читать с Манькой «Богородицу» и подошли к церкви. Из нее в это время вышла «тетенька в черном», взяла их за руки и привела сюда.

Владыка тотчас же послал за сторожем, и тот

снова подтвердил, что храм был заперт, службы никакой не было и никакой «монахини в черном» быть не могло. Но дети настаивали, что «тетенька вышла из церкви». Владыка перекрестился и отослал сторожа.

А я стала просить владыку устроить двух девочек в женский Уфимский монастырь, Степку же я обещалась упросить губернаторшу поместить в приют. Так и случилось.

Владыка тотчас же поехал к игуменье, та согласилась и просила привести детей показать. А в это время случилось, что у казначеи монастыря заболел опасно брат, купец, и она за молитвой дала обещание: чтобы он выздоровел, она возьмет на воспитание сиротку.

— Вот и кстати! — сказал владыка.— Сама Божия Матерь и здесь устраивает одну, а другую уж вы, матушка, благоволите взять в ваш монастырский приют.

Игуменья согласилась. И на другой день я повезла обеих девочек в монастырь. Христину устроили в ремесленную школу, Степку — в приют.

Подробностей было немало других, я кратко сообщаю более существенное.

Манька скоро освоилась с положением и иногда даже позволяла капризы. Тогда ее вводили в чулан, где были сохранены нищенские их платья, и говорили:

— Смотри, хочешь опять ходить по миру?

Но бойкая девочка отвертывалась и, поджавши губки, тихо уже говорила:

— И не визю, и не слисю (и не вижу, и не слышу)...

Но капризы кончались. Лишь иногда, по старой привычке, она ходила по келиям и тянула:

— По-да-йте Хлиста лади.

Но и от этого отучили. Скоро ее одели в черный подрясник. Она быстро научилась всем монастырским обрядам и манерам: кланялась игуменье в ноги, другим делала поясные поклоны с касанием пола и т. п. А уж ко времени революции она прислуживала при архиерейских службах как жезлоносица. Потом мы должны были уехать из Уфы, что сталось с детьми, не знаю.

— А как мать? — спросил я.

— Детей мы постарались отделить от нее, с ее согласия они были усыновлены кем-то. А фамилию им дали новую — Мерзлые. Мать после приходила проведовать их, ей помогали ради детей, особенно казначея. А когда Маньке предлагали пойти к матери, то девочка надувала губки и молчала. Да и мать бы не взяла, она рада была, что устроила несчастных сирот. Царство Небесное бабушке».

Пусть никто не удивляется, что Божия Матерь является и так называемым «грешным людям». Ведь один Бог без греха. А Господь спасает всех. И грешников.

Преп. Серафим сказал чудные слова: «Бог являет нам Свое человеколюбие не только тогда, когда делаем доброе, но и когда оскорбляем и прогневляем Его. Как долготерпеливо сносит Он наши

беззакония! И когда наказывает, то как благоутробно наказывает!» И затем он ссылается на святого Исаака Сирина. «Не называй Бога правосудным,— говорит преп. Исаак,— ибо в делах твоих не видно правосудия... * Он более благ и милостив»

Где Его правосудие? Мы были грешники, и Христос умер за нас.

Спустя много лет, когда я уже была беженцем в Париже, на наше убогое трехсвятительское подворье[31] пришел прихрамывающий старик, прося приюта. Оказалось, он был братом той казначеи, которая приняла сиротку Маньку; а теперь мы приняли к себе ее брата; но не того, за которого она давала обет, а другого. Он пожил у нас пока не устроились денежные дела его за границей.

Затем, около 1948—1949 годов, на морской курорт в Риге (куда я определен был после вызова, уже из Америки) приехала лечиться бывшая послушница Уфимского женского монастыря, теперь уже врач. Она еще хорошо помнила историю с Мерзлыми. И рассказала про детей следующее.

Христина вышла замуж и живет хорошо. Мария оказалась не на высоте. Про Степку она, кажется, не знает. Сама она остается в девстве, как и в монастыре.

Поучительно из истории больного брата казначеи, что за сделанное добро Бог награждает других родных.

---

* Т. е. нас Господь не наказывает, как бы надлежало по Его правде и по нашим грехам, а милует и прощает.

Дивно, что раскрывается история спустя почти сорок лет!

СОН ДОКТОРА М-НА

В 1925 году мне пришлось лечиться у одного известного в США, потом в Париже, доктора М. Курс лечения был долгий, и мы о многом переговорили. Рассказывали о нем самом, что сначала он был неверующим, как и нынешние доктора и естественники. Но потом у него смертельно заболела любимая жена. Товарищи-врачи объявили лечение безнадежным. Тогда он ночью стал горячо молиться: «Господи, если Ты есть, спаси жену мою!»

Утром с приятелем, доктором, который пришел собственно для того, чтобы убедиться в смерти больной, пошел в комнату жены. А она оказалась почти здоровой; скоро поправилась и совсем. И теперь живут благополучно. Доктор сделался верующим. А после даже состоял членом приходского совета в парижской церкви. И вот, что он сам рассказывал мне на одном сеансе у него: «Я видел замечательный сон о патриархе Тихоне. Будто находился я перед каким-то огромным полем. Вдруг слышу чей-то голос: «Сейчас пойдет мимо Пресвятая Богородица».

«Боже! — подумал я,— окаянный и грешный я человек. Как я смею увидеть Богородицу!» И на меня напал страшный ужас. А в это время вдалеке послышался какой-то необыкновенный гром, величественные звуки. Я понял, что это идет Царица

Небесная. И от страха упал на землю, боясь как бы мне, грешнику, не увидеть Ее лица и не умереть. Гром, или иначе сказать, какой-то торжественный шум, гул, приближался все ближе ко мне. И вдруг я опять услышал голос: «Вот идет Божия Матерь за душою патриарха Тихона, со святителем Василием Великим, который много помогал ему при жизни в управлении Церковью».

Шум пронесся дальше. Сон кончился. Я в страхе проснулся, с ясной памятью о необыкновенном видении. Утром я еду к митрополиту Евлогию [32] и рассказываю ему все. И между прочим спрашиваю: «А причем тут Василий Великий»? — «Да как же! — объясняет митрополит,— ведь патриарх Тихон до монашества назывался Василием Ивановичем Белавиным и носил имя в честь святителя Василия Великого».

Доктор, конечно, и не подозревал, что патриарх в миру был именинником на Новый год, в день св. Василия Великого [33], и потому он не мог бы придумать во сне того, чего не знал. Ясно, что сон был сверхъестественным уже по одному этому признаку, но еще более поразился и доктор, и митрополит, когда на следующий день газеты принесли известие, что 25 марта, на Благовещение Божией Матери, ночью скончался в Москве святейший патриарх Тихон. Значит, доктор видел сон во время самой его кончины. И теперь он чтит его как угодника Божия.

Достойно примечания, что, значит, наши святые, имена которых даны нам при крещении,

пекутся о своих одноименниках не только, когда те носят их имена в миру, но даже и тогда, когда они постригаются в монашество и им дается новое имя, новый покровитель (преимущественно инок, хотя и необязательно); прежний наш небесный Ангел, как обыкновенно говорится, не перестает промышлять о порученном ему при крещении человеке. Да это так и должно быть, ведь иночество есть житие покаянное. Покаяние есть возобновление благодати крещения, следовательно, пострижение есть тоже обновление и усиление благодати крещения. И потому и новый иноческий покровитель только присоединяется к основному небесному попечителю, данному Богом при крещении.

8. ИМЯ БОЖИЕ

СПАСЕНИЕ ОТ УТОПЛЕНИЯ

Я хочу рассказать случай из своей жизни, как я был спасен от смерти и ничем иным, как только именем Божиим. Я пять раз тонул в воде. Первый раз, когда мне было, вероятно, еще 4 или 5 лет. Мама полоскала белье в речке, на плоту. Мы с братом вертелись около нее. Михаил был старше меня на 2 года.

— Мама! Мы хотим искупаться!

— Подите, спроситесь у отца.

Дом наш был близко. Отец разрешил, мать

с нами будет. Миша, держась за плот, зашел дальше от берега; я, как ниже его ростом, стал рядом с ним, ближе к берегу. Мама шумно полоскала, то окунала белье в воду, то ударяла вальком. А мы, держась ручонками за доски плота, увеличивали шум еще больше болтанием ног. Мама стояла лицом к реке, а мы — по правую сторону плота, так что она не смотрела на нас. Тут вдруг мне пришла тщеславная мысль: «Хотя я и меньше Миши, а вот смогу зайти в воду дальше него». Для этого я отпустил правую руку, пододвинулся к брату, держась левой рукой. Потом сзади его протянул правую руку, чтобы ухватиться за плот дальше его. Доставши нужное место, я отпустил левую руку, но в это время соскочила и правая ручонка, и я камнем — в воду. Там, где старшему брату было по шею, мне было уже по нос, а дальше — с головою. Брат продолжал, видно, болтать ногами и не подозревал беды. Мать делала свое дело. Что уже случилось дальше мне не известно. Помню лишь, очутился я в люльке; оказывается, меня уже откачивали. Сколько я пробыл в воде, не знаю; и спросить теперь некого: все умерли. Может, брат сказал матери или она сама заметила мое исчезновение — не знаю. Она кинулась в воду, стала искать меня. Река наша тихая и мелкая. Сразу вытащили меня, но я уже был без сознания и не дышал. Сейчас же домой. И уж кто их с отцом научил; но как-то они начали откачивать воду из моих легких. Откачали. Я же совершенно не помню и никогда не помнил, что я чувствовал, когда

тонул. Будто бы просто в ту же секунду меня точно не стало, ни мук, ни сознания,— не помню.

Другой раз, уже лет 8—9, я купался один. Свободно уже плавал через речку. Она была шириной саженей пять-шесть; это тогда мне казалось много. Я поплыл, но за сажень или две до противоположного берега вдруг судорога свела мне обе ноги, и они, точно плети, опустились вниз. Но руки еще действовали. Я очень испугался, но не потерял присутствия духа и с большим усилием доплыл все же до берега, работая только руками. А берег был почти отвесный. Здесь отдохнул. Судороги кончились, и я обратно переплыл речку благополучно.

Обыкновенно, когда мы начинали купаться, наученные родителями, всегда крестились, хотя, конечно, более механически, по привычке, но и то — слава Богу.

Третий раз плыл по глубокой реке Вороне (впадает в Хопёр, а Хопёр — в Дон) и мне захотелось попробовать глубину реки. Опустился вниз. Но река здесь была так глубока, что я едва коснулся ногами дна, а дышать мне уже невыносимо хотелось. Я стал очень быстро выбираться наверх. Но еще через секунду я наглотался воды и пошел опять вниз. Но в этот момент я с усилием выскочил на поверхность. Остался жив.

Четвертый раз, уже семинаристом, провалился сквозь новый лед на только что замерзшей реке Цне. Тут меня спасла шинель, которая распустилась зонтом на льду над провалом, и я осторожно выполз. Рядом была теплая изба на столбах, где

женщины зимою полоскали белье; я вбежал туда. А возле, на горе, стояла и семинария наша. Помню, женщины благодушно смеялись надо мной.

Но вот пятый случай был самый страшный. Группа наших родственников, и все молодежь, человек восемь, отправились летом погостить у брата, священника о. А.[34], в село Доброе Лебяжинского уезда Тамбовской губернии. Он был моложе меня года на два, но когда я еще был студентом академии, он окончил семинарию и скоро сделался священником. От нашего села до Доброго нужно было ехать верст двести, частью по железной дороге, а частью на лошадях. Погостили мы весело, около трех недель. Собрались возвращаться обратно. Вдруг за два-три часа перед отъездом начался вблизи пожар. Избы за три-четыре до дома брата загорелась хата одной бедной вдовы. А рядом, через две-три сажени, начинался ряд соломенных построек соседей.

Известно, как легко сгорают в России целые деревни. Забили в набат. Сбежался народ с ведрами воды. Примчалась пожарная команда. И началась работа! Особенно отличился высокий лавочник, управлявший «кишкою»; он чуть не головой всовывался в окна пылавшей хаты и поливал ее изнутри, а народ баграми старался развалить и разобрать избу по бревнам. Мы же с братом и еще несколько человек стояли с ведрами воды на соседних соломенных крышах и тушили летевшие и падавшие огненные «галки». От жара едва можно было стоять. И к тому же солнце еще палило. Но все же общими усилиями удалось

ограничить пожар этой одной вдовьей хатой, село спаслось, слава Богу!

Мы, все вспотевшие и мокрые от воды (нас иногда лавочник тоже поливал из «кишки» вместе с крышами, чтобы они не вспыхнули от жара), вернулись к брату. Уже пора было ехать, и две повозки стояли, дожидаясь нас.

Наскоро умывшись и выпив чаю, мы простились, помолились и решили ехать.

«Ну, вот я вам все деревенские удовольствия доставил,— шутил брат-священник,— даже и пожар случился».

Мы посмеялись. Можно было смеяться: не дошло до нас самих...

Про бедную вдову никто и не подумал тогда, себялюбивые мы люди.

Вдруг нам с младшим братом Сергеем [35] пришла блаженная мысль: искупаться перед отъездом в реке, а ехать все равно нужно было мимо нее. Река Ворона протекала как раз возле Доброго. Тут она была шириною, пожалуй, саженей сто, а может быть, и сто пятьдесят. Огромная плотина большим полукругом останавливала воду для стоявшей здесь мельницы. Сказано — сделано. Мы поспешили к реке, до которой от брата было больше полверсты ходу по селу. А лошади должны были тронуться через несколько минут за нами следом. Подойдя к реке и раздевшись, мы вдруг решили с братом переплыть реку, держа всю нашу одежду в левой руке, а плыть на спине. Наскоро скрутивши все: и сапоги, и одежду, и фуражки — в комок и перевя-

завши поясом, мы собрались уже входить в воду; а берег с этой стороны был очень отлогий. В эту самую минуту (так уж Бог послал) к тому же месту подошел местный крестьянин поить свою лошадь. Увидев нас со связанным бельем, он с удивлением спросил нас попросту, по-деревенски: «Чевой-то вы, ребята, задумали?» «Переплыть хотим реку»,— сказали мы задорно. Тщеславие — вечный враг людей: нам, мол, не впервой. Да и вправду сказать, пловцы мы были изрядные. Но крестьянин (он-то лучше нас знал ширину реки и риск нашего озорства) недоверчиво качал головой: «О-й, ребята! Неладное затеваете». Но нам еще больше хотелось доказать «этому простаку», какие мы ловкачи. И, по обычаю перекрестившись, мы стали входить в воду, держа в левой руке одежду. Мужичок, видя, что нас уже не остановить, сказал печально: «Ну, спаси вас Христос».

Мы дошли до глубины, перевернулись на спины и поплыли. А крестьянин, посмотрев на нас некоторое время, дернул свою лошадь и поехал обратно домой. Мы остались одни в воде. На берегу уже не было никого, кто бы мог в случае нужды подать нам помощь. Сначала все шло хорошо, но скоро заметили, что мы все делаем полукруги. Оказывается, когда гребешь одной рукой (левой мы держали над водой белье), то невольно делаешь уклоны от прямого направления в сторону гребущей руки. От этого путь наш еще больше удлинился. Однако мы проплыли немного больше половины реки; тут я почувствовал, что моя левая

рука ослабела и выпустила белье в воду. Плохо дело. Но это еще беда не велика: только все измочится и больше ничего. Гляжу, и у брата Сергея белье тоже в воде. Плывем молча. Тут и ноги мои совсем устали, и я не только не в состоянии ими отталкиваться, но даже не в силах ими шевелить: мышцы ослабели. Ноги потихоньку стали опускаться вниз. Хочу вздохнуть полной грудью — не могу, не в состоянии: сдавило грудную клетку, не хватает воздуха. И вдруг меня осенила мысль: утону. А белье, набирая все больше и больше воды, стало погружаться вниз. Там были и деньги на оплату дороги для восьми человек, «на машине». Что делать? «Сергей! — кричу,— плохо дело. Я больше плыть не могу!» «Я тоже устал»,— сказал брат. И перевернувшись грудью к воде, подобрал намокшее белье под шею, прижал подбородком и поплыл тихонько дальше, гребя уже обеими руками.

Он оказался сильнее меня. Я же не в состоянии был двинуться дальше ни на аршин. Оставалось лишь поддерживать себя руками, чтобы не утонуть совсем, и не дать погрузиться на дно одежде. Где же спасение?

И, к стыду своему, я должен сознаться, что я в этот страшный момент не вспомнил о Боге, а всегда был верующим. Страх смерти и жажда жизни сковали мне все, кроме ужаса перед гибелью. И я отчаянным голосом завопил: «Караул! Тону!» Гляжу, подбегает к берегу «стражник», сельский полицейский. Видит, что я тону; но как

помочь? Возле него — лодка, но она привязана к столбу на замок. Он вынимает из ножен саблю и начинает рубить кол ниже замка. Но скоро ли саблей перерубишь толстое дерево! В это время из сада другого священника села Доброго, о. Вишневского, услыхали крик. Отвязали свою лодку и быстро наискось поплыли ко мне, но это было очень далеко слева, по длинной диагонали, успеют ли? Все же мне стало легче; лишь бы дождаться помощи. Пожалуй, продержусь. Как раз в этот же момент наши подводы подъехали к реке, и брат-священник услышал мой «караул». Мгновенно, еще на дороге по селу, он стал набегу сбрасывать свои шляпу, рясу, подрясник, сапоги, а рубашку уже сбросил с себя в самой реке. И бросился спасать меня, рискуя жизнью. Остальные родственники подняли крик и стоны.

Одна сестра, как безумная, вбежала, как показалось мне, в воду, и, подобно курице, у которой выведенные утята поплыли по воде, со стоном бегала вдоль берега из одной стороны в другую, крича не своим голосом мое имя: «Ва-а-ня-! Ва-а-ня!»

Должно быть, Сергей уже был в то время на берегу. Да мне и не до него. Гляжу, лодка плывет все ближе и ближе. Ну, думаю, спасусь. А сестра все вопит: «Ва-а-ня!» И бегает.

Тогда я собрался с силами и изо всей силы закричал ей: «На-а-дя! На-а-дя!» «Что-о?!» — остановилась вдруг она, точно придя в себя. «Ду-у-ра!» — вдруг неожиданно вырвалось у меня это

слово: слишком уж безумным казалось мне мотание ее в воде. Лодка подплыла. Я ухватился за нее одной рукой; вскарабкаться уже не было сил, да и опасно: перевернешь лодку. Брат уже был на берегу. Одежду подняли в лодку. И мы тихонько дотянулись до берега. Сергей отдыхал и выжимал воду из белья. Я лег на землю, чтобы отдышаться. Мое белье тоже выжали. Но из фуражки моей получилось нечто бесформенное. Подводы с родными, обогнув длинный полукруг плотины, остановились против нас. На глазах у сестер были еще слезы от горя, ужаса и досады на наше безумное предприятие. Но все понемногу стали нас бранить. Мы, виноватые, молчали. Надели выжатое белье. Вместо фуражки брат дал мне свою священническую шляпу, которую подобрала его жена, провожая родных по селу. Стыдливо мы простились и тронулись в путь. Надя, старшая из сестер, сидела со мною в одной телеге и не могла все успокоиться, нет-нет срывала на мне свою пережитую муку и ужас. Был уже вечер... Мы въехали в лес. Повеяло прохладой. Нам в мокрой одежде стало холодно, как бы еще не простудиться.

«Сергей, а Сергей! — кричу я на другую подводу,— давай слезем, холодно, пройдемся лучше пешком». Он тоже слез. Мы пошли сзади. Потом увидели сбоку большое березовое бревно, взвалили его на плечи, чтобы скорее согреться, и так мы прошлись порядочно, пока не высохла одежда. Ехали ночью. На нашу станцию К-в [36] была, согласно уговору, выслана за нами лошадь. Часть

родственников слезла в Т., а остались лишь мы — два брата и все сестры.

«Мы уже маме не будем говорить, что произошло»,— сказала Надя. Мы всегда боялись строгости мамы; да и не хотелось огорчать ее, бедную: у нее и без того было больное сердце. «А как же шляпа?» — спросил я. «Ну скажи, что картуз слетел в воду и намок, а Александр (брат-священник) дал шляпу». «Ну и смешной же ты в ней,— рассмеялась сестра,— обыкновенная рубашка и поповская шляпа на голове». Нам всем стало весело. Мы со смехом сели на крестьянскую высланную подводу и тронулись домой.

...Стоял знойный июльский день. Дома нас встретили с радостью, рассказам не было конца: и про пожар говорили, и про шляпу. Умолчали лишь о самом главном, о том как тонул.

После я не раз вспоминал об этом спасении. И всякий раз мне припоминался мужичок с лошадью и его благословение нас именем Божиим: «Спаси вас Христос!» Я верю доселе, что это оно, имя Господне, спасло нас от явной смерти. Чудно имя Господне!..

Во славу Божию расскажу еще несколько случаев, «маленьких», но тем более удивительных, ибо Бог дивен и в великих, и в малых делах.

ПРОПАВШИЙ КАНОННИК

Дневник последнего угодника Православной Церкви, славного и по чудесам, и по жизни своей

батюшки о. Иоанна Кронштадтского * напечатан еще не весь. Одна из ближайших учениц его, Г. Н., уже после смерти о. Иоанна показывала рукописи епископу Ф. [37] и кое-что оттуда он рассказывал мне.

...Отец Иоанн вставал обыкновенно очень рано, часа в три ночи, чтобы приготовиться, как нужно, к богослужению: и в особенности, чтобы прочитать положенные правила к св. причащению: он каждый день служил Божественную литургию.

«Однажды,— сделал он заметку в дневнике,— я хотел читать правила. Ищу канонник **, который обычно лежал у меня на определенном месте, и никак не могу найти. Долго искал и вдруг опомнился: я в это время забыл о Боге».

Батюшка, как и всякий глубокий молитвенник, имел непрестанную память Божию.

«И сказал я, обращаясь к иконам: Господи Боже и Творче мой! Прости меня грешного, что я ища тварь, забыл о Тебе, Творце мира. И сию же секунду, как только я призвал имя Творца, вспомнил, куда я положил пропавшую книгу».

«БЕЗ МОЛИТВЫ НАЧАЛ» [38]

Подобный только что описанному случай я лично наблюдал в Оптиной пустыни, где я гостил в 1913 году во второй раз.

---

* Под известным заглавием «Моя жизнь во Христе».

** Книга, в которой собраны многие каноны, нужна для причащающегося.

Меня поместили с одним иеромонахом, студентом Казанской Д. академии, о. А., в скиту.

Как-то, выходя на литургию, мы забыли взять ключ от дверей и захлопнули ее за собой, она механически заперлась и чтобы ее отворить, нужен был особый винтовой ключ, для того чтобы вытянуть запор. Что делать? Не разбивать же стекла в окне? А мы спросим о. эконома,— говорю я,— нет ли у него подходящего другого ключа.

После литургии рассказали эконому, о. Макарию, о нашей оплошности. Он был человек молчаливый и даже немного суровый; да в экономы и в монастыре нельзя выбирать мягкого и любезного. Слишком расточал бы добро обительское.

Ничего не сказав, он взял связку ключей и пошел к нашему жилищу. Но оказалось, что сердечко подобранного им ключа было меньше, чем горлышко нашего замка. Тогда он поднял с пола маленькую хворостинку, отломил от нее кусок, приложил к сердечку ключа и стал вертеть. Но сколько он ни трудился, все напрасно, ключ беспомощно крутился, не вытягивая запора.

«Батюшка! — говорю я ему,— вы, видно, слишком тоненькую вложили хворостинку? возьмите потолще, тогда туже будет». Он чуточку помолчал, а потом ответил: «Нет! Это не от этого. А от того, что я без молитвы начал». И тут же истово перекрестился, произнеся молитву Иисусову: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного».

Начал снова крутить с тою же хворостинкою, и замок сразу открылся.

После я и на своем, и на чужом опыте много раз проверял, что употребление имени Божия творит чудеса даже в мелочах; и не только сам пользовался и пользуюсь им доселе, но и других, где можно, тоже тому же учу.

Вот другой пример.

Был я на одном съезде христианской молодежи в Германии[39]. Начали устраивать церковь.

Молодой человек А. А. У. по прозвищу «Шушу» (сокращенно Шура — Шурович — Александр А-ч) развешивал иконы на стене. Здание было каменное. Ударит он молотком по гвоздю, а он и согнется — на камень попал. Вижу я неудачу его и говорю: «Шу-шу! а вы бы перекрестились да сказали бы: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа!» — вот тогда у вас дело пойдет». Он поверил. Смирился. Ведь молодому-то не так это и легко. Перекрестился, упомянул имя Божие, наставил гвоздь в другое место, ударил молотком и попал в паз. И дальше вся работа пошла удачно.

Рассказал я этот случай как-то недавно в кругу знакомых. Спустя несколько дней, вдова К., недавно потерявшая мужа — страдальца, глубокого христианина, рассказал мне: «Пришла я после вашего рассказа домой, ложусь спать, а у меня давно уже бессонница. Нервы расстроились, видно, и вдруг вспомнила, Вы велели поминать имя Божие даже и в малых вещах. И сказала я: «Господи!

Дай мне сон!» И даже не помню, кажется, сию же минуту и заснула. А до этих пор долго мучилась бессонницей».

ИСКУШЕНИЕ

А теперь я расскажу, так сказать, «обратный» случай: как опасно жить и даже говорить без имени Божия.

В самом начале моего монашества я был личным секретарем архиепископа С., который в тот год был членом Синода и потому жил в Петрограде. Кроме этого я был еще «очередным» иеромонахом на подворье, где жил архиепископ. Еще на мне лежала обязанность проповедничества. Благодаря проповедничеству я стал казаться «знающим», и ко мне иногда простые души обращались с вопросами.

Однажды после службы подходит ко мне простая женщина высокого роста, довольно полная, блондинка, со спокойным лицом и манерами и, получив благословение, неторопливо говорит: «Батюшка! Что мне делать? Какое искушение-то со мной, мне все "вержется" *».

— Как так? — спрашиваю.

«Ну, вот стою я, например, в церкви, а с потолка вдруг ведро с огурцами падает около меня. Я хватаюсь собирать их. Ничего нет. А я неловко повернулась, когда кинулась за огурцами, да ногу

---

* Ложно, мечтательно представляется в глазах.

себе повредила, видно, жилы растянула. Болит теперь. А то диакон, известно, выходит из алтаря вратами, а вержется, будто его через иконостас кто бросил. Страшно, лежит... Дома по потолку кошки какие-то бегают, головами вниз. И всякое такое». И все это она рассказывала спокойно, никакой неврастении, возбужденности и чего-либо ненормального даже невозможно было и предположить в этой здоровой тулячке. Муж ее, тоже высокий и полный блондин, со спокойным улыбающимся лицом, служил пожарным на Балтийском судостроительном заводе. Я и его узнал потом, и он был прекрасного здоровья. Жили они душа в душу, мирно, дружно. Ясно, что здесь причины были духовные, сверхъестественные. Неопытный, я ничего не мог понять, еще меньше мог что-либо сделать и даже не знал, что бы хоть сказать ей. Я спросил, чтобы продлить разговор: «А с чего это у тебя началось?»

«Да вот как. Сижу я в квартире (пожарным казенные дома дают; и отопление, и освещение, и жалованье хорошее; нам с мужем хватало; детей у нас нет и не было — Бог не дал: Его святая воля). Сижу у окна за делом, да и говорю сама себе: как уж хорошо живется: все есть, с мужем ладно! И вот после этого из иконы, а красный угол передо мной был, вдруг выходит Иван Предтеча, как живой, и говорит мне: «Ну, если тебе хорошо, так за это чем-нибудь отплатить нужно, какую-нибудь жертву принеси!» Не успела я от страха опомниться еще, а он опять: «Вот зарежь себя в жертву!»

И исчез. А на меня, батюшка, такой страх напал, такая мука-мученическая схватила меня, что я света белого невзвидела. Сердце так защемило, что дыханья нет. Умереть лучше. И уже, как без памяти бросилась я в кухню, схватила нож и хотела ударить себя в грудь им; уж очень сильная мука была на сердце. Уж смерть мне казалась легче. Ну, и сама опять не знаю, как случилось, но нож точно кто выбил из рук, он упал на пол. И я в память пришла. Вот с этого времени и начало мне представляться разное. Я теперь и иконы-то этой боюсь».

Выслушав, я удивился, первый раз в жизни пришлось узнать такое от живого человека, а не из «Житий».

«Ну, что же я тебе могу сказать? Ведь я не чудотворец. А вот приходи сегодня вечером к службе, исповедуйся, завтра причастись Святых Таин. А после обедни пойдем к тебе на квартиру и отслужим молебен с водосвятием. А там дальше, что Бог даст. Икону же, коли ты ее боишься, приноси ко мне».

Она покорно и тихо выслушала и ушла. Вечером принесла икону св. Иоанна Предтечи. Как сейчас ее помню, вершков 8х5 величиной, домашняя фотография в узенькой коричневой рамочке.

Взял я ее, поставил в своем переднем углу. После богослужения она исповедовалась у меня. Редко бывают люди такой чистоты в миру; и грехов-то собственно не было, однако она искренне в каких-то мелочах каялась с сокрушением, но

опять-таки мирно. Вообще она была здоровая не только телом, но и душой. На другой день причастилась, а потом мы пошли к ней на квартиру. Я захватил с собой все нужное: и крест, и Евангелие, и кропило, и требник, и свечи, и кадило, и ладан — а епитрахиль (без чего мы не можем совершать служб) забыл дома. И уже на полдороге к ней вспомнил. Что делать? «Ну,— думаю,— не возвращаться же?»

Говорю спутнице: «Ты дома, дай мне чистое полотенце, я благословлю его и употреблю вместо епитрахили. Так нам разрешается по церковным законам, в случае нужды. Только ты после не употребляй его ни на что в доме. Или пожертвуй его в церковь, или, еще лучше, повесь в переднем углу, над иконами, это тебе в благословение будет».

Так и сделали, когда пришли.

Квартира — самая обыкновенная комната, чисто выбеленная; везде порядок. В углу — иконы с лампадкой. Муж был на службе. Отслужили мы молебен, окропили все святой водой; полотенце она тут же повесила над иконами. Угостила меня чаем. И я ушел.

Дня через два-три я увидел ее в церкви подворья и спросил: «Ну, как дела?»

— Слава Богу! — говорит она,— все кончилось.

— Ну, Слава Богу,— ответил я. И даже не задумался, что совершилось чудо, а скоро и забыл совсем. И никому даже не хотелось почему-то

рассказывать обо всем происшедшем, только своему духовному отцу и все открыл, и то для того, чтобы спросить его, почему это все с ней случилось.

Когда он выслушал все, то без колебания сказал мне: «Это от того, что она похвалилась. Никогда не следует этого делать, а особенно вслух. Бесы не могут переносить, когда человеку хорошо, они злобны и завистливы. Но, если еще человек молчит, то они, как говорит, св. Макарий Египетский, хотя и догадываются о многом, но не все знают. Если же человек выскажет вслух, то узнав, они раздражаются и стараются потом чем-либо навредить: им невыносимо блаженство людей».

— Ну, а как же быть, если и в самом деле хорошо?

— И тогда лучше молчанием ограждаться,— как говорил преп. Серафим. Ну, а уж если и хочет сказать человек или поблагодарить Бога, тогда нужно оградить это именем Божиим сказать: Слава Богу или что-нибудь иное. А она сказала: «Как хорошо живется!» Похвалилась, да еще не прибавила имени Божия, бесы и нашли доступ к ней, по попущению Божию. Вот и преп. Макарий говорит: «Если заметишь что доброе, то не приписывай его себе, а относи к Богу и возблагодари Его за это».

После из-за этого случая мне многое стало ясно в языке нашем. Например, в обыкновенных разговорах люди всех стран и религий, а особенно христиане, весьма часто употребляют имя Божие,

сами даже почти не замечая этого: «Боже, сохрани!»... «Бога ради»... «Бог с вами»... «Ах, Господи!»... «Да что это такое, Боже мой?»... «Ой, Боже мой» и т. п.

А самое частое употребление имени Божия — при прощании: «С Богом!»

Отчего все это? — оттого что люди опытно, веками, коллективным наблюдением заметили пользу от одного лишь употребления имени Божия. Но особенно достойно внимания отношение к похвалам нашего русского простого, а в сущности мудрого человека.

Когда вы спросите его: «Ну, как поживаешь?» Он почти никогда не похвалится, не скажет «хорошо» или «отлично». А сдержанно ответит что-либо такое: «Да ничего, слава Богу», и непременно прибавит это «слава Богу».

А другие еще благоразумно скажут, если все благополучно: «Милостив Бог, а как вы?» — «Спаси Христос»,— говорят и доселе.

Или: «Бог грехам терпит».

Или совсем просто и обычно: «Помаленьку, слава Богу». И повсюду слышишь осторожность, смирение и непременное ограждение именем Божиим.

...Завяз воз в грязной котловине. Лошаденка из сил выбивается... Иной безумец и бьет ее несчастную, и бранится отчаянными словами. А благоразумный крестьянин дает ей отдохнуть, приободрит, погладит. Потом подопрет воз плечом мужицким, махнет для приличия кнутом и крикнет: «Э-э,

ну-ка, родимая! С Богом!», и глядишь, выкарабкались оба...

Читал я у одного из современных писателей рассказ о силе имени Божия. То было в немецкую войну. Переводили на позицию пушки. Прошел дождь. Дорогу развезло. Тяжесть неимоверная. Несколько пар лошадей... Пушка завязла в выбоине... Солдаты бьются, мучаются, сквернословят, хлыщут лошадей. Ни назад, ни вперед... И чем бы кончилось это бесплодное мучение и людей, и лошадей, Бог весть. Но в это время подошел к этому месту один благообразный пожилой мужичок. Этот почтенный старичок сначала ласково приветствовал солдат, потом во имя Божие пожелал им успеха.

Погладил лошадь... А потом, когда лошади и солдаты немного отдохнули, он предложил попробовать двинуться еще раз и так ласково обратился к солдатам. Они — кто к лошадям, кто к пушкам, и старичок тут же.

«Ну-ка, милые, с Богом!»

Солдаты гикнули. Лошади рванули — и пушка была вытянута. Дальше уже легко было.

Вот какова сила имени Божия!

И сколько таких случаев! Только мы слепые, не замечаем. Но хорошо, что хоть говорим языком. И это одно нередко ограждает нас от вражией силы.

Между тем в новое время стали стыдиться употребления этого спасительного имени. И нередко слышим или горькую жалобу на тяжкое житье,

или наоборот, легкомысленные похвалы: «Превосходно!»

А иногда и безумные речи: «Адски хорошо!», или с употреблением «черного» слова. И тогда страшно становится за этого человека. И жалея его же, хочется поправить его. «Да что я, по привычке»,— ответит. Тем хуже! Прежде другие привычки были, добрые, спасительные, богослужебные. А иногда услышишь хвалу. Тогда я или сам добавляю, или говорящего попрошу добавить: «Скажите: слава Богу!»

«А почему?» — спрашивает.

Вот и расскажешь ему такую историю. Иной и примет во внимание...

Не помню, рассказал ли я той женщине о причине ее бед. Вероятно, рассказал. Но история ее имела некоторое продолжение, притом весьма далеко от Петрограда, в Валаамском монастыре, где никто и не знал и не слыхал об этом событии. Тем более это удивительно.

Но об этом я поделюсь в особом последующем рассказе.

9. ЮРОДИВЫЙ

В этом рассказе будет два чудесных случая, а третий более всего необыкновенный — сам юродивый.

В тот же год, как случилось это искушение с женою пожарного, мне летом нужно было съездить в Валаамский монастырь по нескольким

делам сразу: нужно было показать православный дух одному спутавшемуся студенту университета, увлекавшемуся прежде теософией, йогами и прочее. А затем — повидать одного моего давнего знакомого, несчастного безрукого И. Ф. Л., которого по моей просьбе приняли на проживание в эту обитель. Но я от него получил очень тревожное письмо. Нужно было снова что-то предпринимать насчет него.

Третье дело повидаться с Владимиром, тогда тоже спасавшемся в монастыре. Но главное — безрукий.

Прибыв в монастырь, я прежде всего увиделся с ним. Это был человек с обожженной кожей, непомерно чувствительный, самолюбивый, раздражительный, несчастный...

Увидев меня и едва поздоровавшись, он сразу выпалил мне, махая одной рукою, оставшейся целою (и то без пальцев, кроме одного большого).

«Куда хотите, убирайте меня отсюда, только здесь я не останусь и дня. Ни за что. Это не монахи, а диаволы. А если не возьмете, я лучше в море брошусь, а здесь уж жить не стану!»

«Морем» на Валааме зовут Ладожское озеро из-за его величины.

Я постарался, как мог, успокоить его, обещал устроить куда-нибудь в другое место; а еще и сам не знал, куда бы. Разные уже монастыри мы перепробовали с ним и нигде он не уживался. Иногда я посылал ему ежемесячное пособие,

чтобы он мог как-нибудь существовать. Но и это было недолго: опять — какая-нибудь ссора. И, как вечный жид, он опять должен был двигаться на другое место. Я к этому уже привык...

Увиделся я с Владимиром. Боже, какое это было утешение! О нем — после.

...Наступил вечер, зазвонили к вечерне. Я пошел в церковь. После богослужения, когда почти все монахи уже ушли из храма в трапезную на ужин, я подошел к мощам преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, и на коленях стал молиться им о безруком: «Что мне с ним дальше делать?» А у меня была иногда мысль: взять его к себе и жить вместе. Об этом я даже спрашивал своего духовника. Но тот отклонил мое желание, по видимому столь благочестивое.

Вспомнился мне и святой Евлогий, бывший египетский каменщик, взявший безрукого нищего к себе и кормившего его. Но духовник отказал. Я спросил у него, почему. «Я бы не выдержал»,— смиренно сослался он на себя, чтобы не сказать прямо мне об этом. И я тогда не взял. А теперь вот не знал, куда же деть порученного мне несчастного? В моем распоряжении, как архиерейского секретаря, было две комнаты. «Вот одну бы и отдать безрукому... Или опять не брать его и теперь?..»

С этими двоякими мыслями я стоял у раки мощей и просил преподобных указать мне, как поступить: взять ли к себе на совместное житие

или же, как бывало, посылать ему из моего жалованья на житье где-нибудь в миру?

Помолившись и не получив никакого внутреннего ответа, я, однако, почему-то успокоился в душе. Поцеловав крышку гробницы (мощи святых почивали под спудом, а не на вскрытии), я направился к выходу. В храме уже почти никого не было. Церковник тушил лампады. В притворе я увидел какого-то мирянина, будто бы с любопытством рассматривающего живопись. Перед ним, с правой стороны, был изображен Ангел, державший в руке свиток. На нем (на свитке) в беспорядке, а не по алфавиту, были написаны отдельные заглавные буквы, означавшие начало собственных имен. Например: А — означало Александр или Алексей, П — Петр и т. д. На левой стороне притвора был такой же другой Ангел, с таким же свитком, но с другими буквами. Смысл их был такой. Один, правый Ангел, записывал в «Книгу жизни» имена входящих в храм вовремя; а другой отмечал раньше времени или без причин выходящих из него.

И вот, перед правым Ангелом я и увидел богомольца, почти лицом касавшегося свитка, как бы чего-то разбирая. Лица его я хорошо не видел. Голова его была покрыта кудрявыми нерасчесанными волосами нежного льняного цвета и обличала интеллигентность происхождения. Одет он был в поношенное пальто серого цвета. Может быть, ему было лет 25—30.

Полагая, что это новоприезжий богомолец, не знающий еще порядков обители, я подошел к нему сзади, ласково тронул его рукой и сказал: «Брат, вероятно, вы не знаете, что здесь можно богомольцам мужчинам идти в монашескую трапезу на ужин? Пойдемте, я вас проведу»... Но он, не оборачиваясь ко мне и продолжая попрежнему смотреть на свиток, даже дотрагиваясь до него пальцем, ответил: «Нет, вот ты смотри, что здесь написано!» Я мгновенно взглянул, и конечно, кроме случайных букв: А, П, Г, Н и других, ничего там написано не было. Но не успел я еще сказать это, как мой собеседник уже продолжал: «Вот видишь: если так читать,— и он прочертил тонким пальцем слева направо,— то к себе взять; а если наоборот читать, то копеечку дать».

«...Господи! — пронеслось в моей голове,— да ведь он прозорливый, я же только сию минуту тайно молился именно об этом, и он узнал... Кто же он такой?» И мне захотелось с ним говорить, говорить... Но нужно было идти ужинать. И я чуть не насильно схватил его и повлек в трапезную. А после, думаю, поговорим. Он покорно пошел со мною, и как-то нежно и в то же время загадочно улыбался...

За трапезой он продолжал что-то потихоньку говорить. И тут я заметил, что речь его особенная: то он произносит какие-то бессмысленные слоги, то неожиданно вставит между ними совершенно ясную фразу. И все улыбается... А

глаза — голубые, смотрят очень умно. «Юродивый!» — пронеслась мысль. А он между тем, как бы продолжая прерванный разговор о «написанном» у Ангела, дал мне понять, чтобы я лучше не брался за рискованное дело: брать на себя подвиг не по силам...

После вечерней трапезы нужно было идти опять в храм на вечернее правило; а потом полагалось сразу ложиться спать, так как вставать к утрене нужно было в половине второго или в два часа утра. Я надеялся поговорить с юродивым завтра. Но на другой день у него был сильный припадок лихорадки; температура поднялась высокая; а он по-прежнему улыбался детской улыбкой и ласково смотрел на меня. Лежал он на койке в общей богомольческой палатке. А я неделикатно позволял себе все же утруждать его разговорами на разные темы: слишком уж необыкновенный для меня был случай. И в первый раз тогда видел юродивого и притом — подлинного, благодатного подвижника, а не самочинного мечтателя.

И вдруг, совершенно неожиданно, когда у меня и на уме не было, он сам заговорил о вышеописанном «искушении». «...А я знал одну женщину...— и опять ряд каких-то слогов без смысла,— у нее и кошки по потолку бегали, и огурцы на пол падали... враг-то, враг-то»... И снова слоги, слоги... И вдруг, смотря мне прямо в глаза, сказал: «А ты думаешь, что большое дело сделал?.. Ну, теперь у нее нет мук, но зато

нет и подвигов... А если бы она решилась вытерпеть, из нее бы вышла мученица, венец бы получила!»... И опять набор слогов...

Я, как пораженный, молчал. Откуда он это знает? И даже не осмелился спросить. Бог святым все открывает чудным образом.

Юродивый в Петербурге никогда не бывал и о женщине той, конечно, не знал и не слышал.

После я рассказал о нем кое-кому из старцев, оказалось, они его и ранее знали уже: «Это юродивый из Олонецка».

Мне еще хотелось иметь радость общения с ним, но он, к моему горю, как-то сразу исчез с Валаама. И я вместо того ангела, должен был остаться с вечно раздраженным безруким. Что же? Видно, и мне нужен был какой-нибудь «подвиг». Еще долго мне придется устраивать И. Ф. Л. И лишь в 1917 году Господь передал его в другие, более смиренные и ласковые руки.

На этот раз я устроил безрукого опять на ежемесячное пособие. Но года через два попытался, после очередной его неудачи, взять все-таки к себе. И мы с ним «выдержали» лишь две недели: больше ни у того, ни у другого не хватило смирения и терпения. И опять разошлись.

10. ОТЕЦ ИСИДОР

СОЛЬ ЗЕМЛИ

Вот теперь и о нем расскажу. Удивительный был этот человек [41]. Даже и не человек, а ангел на земле... Существо уже богоподобное. Воистину «из того мира». Или как Пресвятая Богородица сказала о преп. Серафиме: «Сей от рода нашего», т. е. небесного.

Об о. Исидоре, сразу после смерти его в 1908 году, было написано одним из его почитателей, известным автором книги «Столп и утверждение истины» свящ. Павлом Флоренским, «житие» его под оригинальным и содержательным заглавием «Соль земли, или житие Гефсиманского старца о. Исидора» [42]. А напечатано оно было еп. Евдокимом, бывшим тогда ректором Московской академии, в его журнале «Христианин», впоследствии — обновленцем[43].

В том-то и величие истинных святых Божиих, что они, по богоподобию своей любящей души, не различают уже (хотя, вероятно, и знают) ни добрых, ни злых, а всех нас принимают.

Как солнышко сияет на праведных и грешников и как Бог дождит на «благие и злые» (Мф. 5, 45) [44], так и эти христоподобные люди, или земные ангелы, своею ласкою готовы согреть всякую душу. И даже грешных-то нас им особенно жалко. Недаром и Господь даже Иуду почтил доверием, поручив именно ему

распоряжение денежным ящиком. И дивно у святых! Это и влечет особенно к ним грешный мир.

Впервые я познакомился с ним еще студентом академии. Хотя о. Никита (см. «Прозорливый») и благословил меня на иночество и предсказал мне, что я буду удостоен даже епископства, но не знаю уже как и почему, только у меня опять возник вопрос о монашестве. Вероятно, нужно было мне самому перестрадать, выносить решение, чтобы оно было прочнее. И в таком искании и колебании прошло года три-четыре. По совету своего духовного отца я и направился к отцу Исидору, которого тот знал лично. Батюшка жил в Гефсиманском скиту[45], вблизи Сергиевского посада, рядом с Черниговской пустынью, где раньше подвизался известный старец Варнава[46].

В «Гефсимании», как обыкновенно называли этот скит, жизнь была довольно строгая, установленная еще приснопамятным угодником Божиим митрополитом Филаретом Московским. Женщинам туда хода не было, за исключением лишь праздника «Погребения Божией Матери», 17 августа. Здесь-то, в малюсеньком домике и жил одиноко о. Исидор. Когда я прибыл к нему, ему было, вероятно, около 80 лет. В скуфеечке, с довольно длинной седой бородой и с необыкновенно ласковым лицом, не только улыбающимся, а прямо смеющимися глазами — вот его образ.

Таким смеющимся он всегда выходил и на фотографиях.

Кто заинтересуется жизнью этого несомненно святого человека, тот пусть найдет его житие «Соль жизни». Там много рассказано о нем. Я же запишу, чего там еще нет.

Когда я пришел к нему и получил благословение, он принял меня, по обычаю своему, тепло и с радостной улыбкою. Страха у меня уже никакого не было (как тогда на Валааме). А если бы и был, то от одного ласкового луча батюшки он сразу прошел бы как снег, случайно выпавший весною. Направляясь к о. Исидору, я все обдумал и решил рассказать ему всю свою жизнь, открыть всю душу, как на исповеди, и тогда уже спросить его решение: идти ли мне в монахи. Одним словом, как больные рассказывают врачу все подробно. Но только что хотел было я начать свою «биографию» (о цели своей я уже сказал ему), как он прервал меня: «Подожди! Сейчас не ходи. А придет время — тебя все равно не удержишь».

Вопрос сразу был исчерпан. И без биографии. Им, святым, стоит посмотреть — и они все уже видят. А Бог открывает им и наше будущее.

Я остановился: рассказывать больше нечего было. Монахом придется быть. Осталось лишь невыясненным: когда. И спрашивать опять нечего, сказано «придет время». Нужно ждать...

А о. Исидор тем временем начал ставить маленький самоварчик, чашек на пять-шесть.

Скоро он уже зашумел. А батюшка беспрерывно что-нибудь говорил или пел старческим дрожащим тенором. Он рассказывал мне какое у нас замечательное (у православных) богослужение, такого нигде в мире нет. Вспомнил при этом, как он послал по почте германскому императору Вильгельму наш православный ирмологий. Кажется, после ему за это был выговор от обер-прокурора Синода. Потом принимался петь из ирмология: «Христос моя сила, Бог и Господь»... (4 ирмос 6-го гласа).

Я после долгое время спустя, стал понимать, что не случайно пел тогда старец: он провидел и душу, и жизнь мою; и знал, что моя единая надежда — Христос, Господь и Бог мой...

Самоварчик уже вскипел. Появились на столе и чашки. Батюшка полез в маленький сундучок (такие бывают у новобранцев-солдат) и вынул оттуда мне гостинцев: небольшой апельсин, уже довольно ссохшийся. Разрезал его, а там соку-то совсем уже мало было. Подал его мне, потом вынул стаканчик с чем-то красным: «А это нам варенье с тобой... Маловато его здесь». А там было всего лишь на палец от дна. «Ну, ничего,— весело шутил он,— мы добавим». И тут же взял графин с красным квасом, дополнил стаканчик с клюквенным вареньем доверху и поставил на стол, все с приговорками: «Вот вам и варенье»!

Так мы и пили чай с квасом. И опять запоет что-нибудь божественное. «Христос —

моя сила» — несколько раз принимался петь, видимо, желая обратить мое внимание именно на веру в Господа, на Его силу в моих немощах.

Теперь-то я уже понимаю, что и сухой апельсин, и варенье с квасом, и это песнопение — находятся в самой тесной связи с моей жизнью. Тогда же я не догадался искать смысла в его символических словах. Очевидно, чего не хотел он, по любви своей, сказать мне прямо, то открывал в символах. Так и преп. Серафим делал. Так поступал и батюшка о. Нектарий Оптинский.

Выпили мы чаю. Он рассказал, что у него есть ручная лягушечка и мышки, которые вылезают из своих норок в полу, и он их кормит из рук. А потом обратился ко мне с просьбой-желанием:

— Хотелось бы мне побыть у преп. Серафима *.

— Да в чем же дело?

— Денег нет.

— А я вот летом получу деньги и свожу вас. Хотите, батюшка?

Так мы и условились: как получу деньги, то напишу ему и приеду за ним.

С тем и уехал я домой на каникулы. Летом получил деньги и сразу написал о. Исидору, предвкушая радость общения с ним, да еще

---

* Тогда уже он был прославлен.

с таким великим угодником! Со святым — и к святому... Но в ответ неожиданно получил странное, чужое письмо, подписанное каким-то Л-м, просившим у меня помощи и жаловавшимся отчаянно на свою злосчастную судьбу. На мой же вопрос (о монашестве) вверху письма старческой, дрожащей рукой, но очень красивым, почти каллиграфическим почерком была приписана им лишь одна строчка: «Заповедь Господня светла, просвещающая очи»... (слова из псалма царя Давида. Пс. 18, 9). Прочел внимательно письмо... и ничего не понял. «Вероятно,— думалось мне,— у батюшки не хватило денег и на чистую бумагу, чтобы написать письмо, и он сделал надпись на чужом письме. Но почему же он не ответил о поездке к преп. Серафиму? Странно»...

Проведя каникулы, я отправился в академию. На пути я решил снова заехать к о. Исидору, узнать, поедет ли он к преподобному в Саров. При встрече я сразу спросил его об этом.

— А ты мое письмо-то получил? — спросил он.

— Получил, да вы там ничего почти не написали. Я не понял.

— Как же, вот этому человеку, от которого я тебе послал письмо, и нужно помочь. Преподобный-то Серафим не обидится на меня; а деньги, что для меня приготовил, ты на него израсходуй.

— А где же он?

— Да в Курске живет, в письме-то и адрес его написан.

— В Курске? — спрашиваю,— значит, туда ехать нужно?

— Вот и съезди туда, разыщи его да помоги устроиться ему. Он — несчастный, безрукий. И письмо-то пишет левой рукой.

Тогда я понял, почему почерк письма был неровный, неуверенный.

— Ему руку-то на заводе оторвало.

Я получил благословение немедленно отправиться в Курск, где родился преп. Серафим... Долго подробно рассказывать...

Где-то на краю Курска, в Ямской слободе, у женщины-нищей, у которой, кроме пустой хаты и подслеповатого котенка, ничего не было, и нашел себе приют несчастный Л... У нищей была внучка, шестилетняя Варечка. Бедные, бедные... как они жили!.. Можно было судить уже по котенку: все ребра у него были наперечет... Но какие обе кроткие! Святая нищета!.. И не роптали... Так и котенок: смотрит вам в глаза, и лишь изредка жалобно замяукает, когда вы едите, «и мне дайте». А посмотришь на него, он стыдливо зажмурит глазки свои, точно и не он просил, и опять молчит кротко... А человек ест себе в полное удовольствие... Вот и в миру такая же разница и бывает... А избушка-то ветхая, сырая; до потолка головою достаешь... И у такой-то нищей нашел себе пристанище другой бездомный, безрукий, несчастный... У богатых

ему не нашлось ни места, ни хлеба. Недаром и нас Господь наказал, не видели мы скорбей, а теперь и самим пришлось смотреть из чужих рук...

Познакомились. Потом пошли собирать помощь по богачам: задумали с ним «лавочку» открывать. Мало набрали: нас больше принимали, должно быть, за жуликов. Ничего не вышло...

— Поедемте к о. Исидору, посоветуемся...

Простился я со святыми нищими, и опять — в Гефсиманию. А характер-то у безрукого был отчаянный; и у меня смирения нет... Не один раз мы с ним ссорились в дороге... Наконец доехали. Было уже начало октября. В Москве выпал снег. Было холодно...

Подходим мы к келии о. Исидора. Я вошел первый; скинул галоши. Л. в сенях обивал свои сапоги от снега.

— Батюшка,— воспользовавшись случаем, пока я был один,— какой он трудный, Иван Федорович-то!

— Трудный? — спокойно переспрашивает ласковый о. Исидор,— а ты думаешь, добро-то делать легко? Всякое доброе дело трудно!

В это время вошел и И. Ф. Л. Мы только что, перед входом, раздраженно о чем-то говорили с ним. Но как только он увидел о. Исидора, с ним произошло какое-то чудесное превращение: он улыбался радостно, сделался милым и с любовью подошел к «батюшке»,— так

и он называл его. О. Исидор ласково благословил его:

— Садись, брат Иван, садись,— спокойно и любезно батюшка указал на стул.

И. Ф. молча сел, улыбаясь.

— Ах, брат Иван, брат Иван! — грустно, сострадающе-ласково сказал о. Исидор,— как тебя Бог смирил, а ты всё не смиряешься.

Здесь можно, хотя бы кратко, сказать о несчастном Ив. Ф. Сначала он был машинистом на Московско-Курской железной дороге. По-видимому, из-за своего крайне неуживчивого характера он там не смог работать. Потом поступил он на завод к одному еврею, в Киеве. Тот предложил начать работу на второй день Пасхи. И. Ф. согласился, хотя другие не желали... Во время работы он увидел, что приводной ремень может соскочить с махового колеса. Желая поправить его на ходу, он неосторожно приблизился и был втянут машиной. Ему оторвало правую руку совсем, порезало спину, а на левой руке остался лишь большой палец да половина указательного. Едва не скончался... Суд определил ему: или пожизненную пенсию от хозяина, или единовременное пособие. Он, конечно, согласился на второе. Но скоро все прожил; и остался и без денег, и без рук... Во всем остальном он был человек очень крепкий, высокий и красивый. И лишь ранняя лысина (ему было тогда около 30 лет) еще более открывала его большой лоб.

По разным местам долго скитался калека;

и уж не знаю, как попал он в Гефсиманский скит, к о. Исидору. А батюшка особенно примечал людей несчастных, выброшенных из колеи жизни, как говорят, «потерянных»... Какой-то бывший московский адвокат, исключенный за нехорошие дела из корпорации, хотел покончить с собой; но был пригрет батюшкой и спасался с ним. Всякие бедные, нищие из Сергиевского Посада встречали в нем покровителя... Нередко он в неурочное время ходил к ним, чтобы утешить, как-нибудь помочь. Ему за это делались выговоры от игумена; но он продолжал делать свое дело милосердия. Зимой из рук кормил замерзавших воробьев...

Вот к нему-то, как к солнцу теплому, и привел Бог несчастного калеку. И с той поры И. Ф. так привязался к батюшке, что, можно сказать, собственно им и жил.

— Я — всем лишний,— говорил он после,— только один батюшка любил меня.

И это, по-видимому, была правда. Любить его, при несмиренном характере, было трудно; а у нас тоже терпения не хватает, ибо любви нет. А о. Исидор был — сама любовь. Поэтому и грелся около него несчастный; поэтому и всякие слова его принимались Иваном Ф. совершенно легко: «как тебя Бог смирил»... Скажи это я — была бы буря злобы, упреков, ссора. Но когда эти слова были сказаны от любящего сердца о. Исидора, то И. Ф. ни слова не промолвил;

только наклонил голову покорно и улыбаясь молчал...

Я удивился: как же он только минуту назад без удержу ссорился со мною, а сейчас с улыбкой молчит. «Какое же укрощение зверей! — подумал я,— преп. Серафим кормил медведя, а не знаю, легче ли бывает утихомирить иного человека...»

Батюшка ласково подошел к нему и тихонько стал гладить его по лысой голове. Тот наклонился еще ниже и сделался совсем кроткою овечкою. Не знаю, как он удержался тогда от умиленных слез. Хорошо бы он и поплакал, еще легче было бы ему, еще больше он смирился бы, и благодать Божия еще более согрела бы и укрепила его бедного... Но и увиденного было мне достаточно, чтобы удивляться великой силе любви о. Исидора.

Потом мы говорили о том, что делать нам с И. Ф. Батюшка особенного ничего не сказал; дал лишь нам заповедь: «Как-нибудь уж старайтесь, хлопочите; Бог поможет вам обоим во спасение».

Это и было «особенное». Ему нужно было, чтобы у несчастного калеки был какой-нибудь попечитель, тем более, что батюшке скоро предстояло уже и умирать. И тогда И. Ф. остался бы опять одиноким. А для меня нужно было упражнение в заповеди Божией о любви к ближним. Ап. Павел говорит, что весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого

себя (Гал. 5, 14). И тогда я понял, что означала коротенькая надпись, сделанная тонким и прекрасным почерком о. Исидора на письме И. Ф., посланном мне летом: «Заповедь Господня светла, просвещающая очи...»

Так мало-помалу раскрывался ответ о. Исидора о моем монашестве. Я думал преимущественно о форме, а он — о духе. Я полагал, что вот приму постриг, надену иноческие одеяния и будто главное уже сделано. А батюшка обращал мою душу к мысли об исполнении заповедей Божиих, о следовании закону Господню. А этот закон у царя Давида в указанном псалме 18 сравнивается с светом солнышка, озаряющего всю вселенную, и как он укрепляет душу, умудряет простых, веселит сердце, просвещает очи, «пребывает во век».

Вот почему заповеди, а не монашество, «вожделеннее золота... слаще меда» (ст. 11).

«И раб Твой,— говорит Господу царь Давид,— охраняется ими», а не одеждами черными; и «в соблюдении их — великая награда» (ст. 12).

Вон куда повертывал мои мысли батюшка, опытно исполнявший заповеди Божии. А мы, молодые студенты, увлекались другим — не скажу карьерой будущего, нет, но — мечтаниями о горячей любви к Богу, о подвигах святости, о высокой молитве. А до этого-то нужно было еще долго исполнять заповеди Божии. И только исполняя их на деле, научишься всему. И прежде

чем возноситься за облачные выси созерцания, молитвы, святости, человек, пробующий исполнять заповеди Божии, должен увидеть сначала самого себя, свои немощи, свое несовершенство, свои грехи, развращенность воли своей до самых тайников души. Вот что значит — заповедь Господня «просветит очи». И об этом в том же псалме Псалмопевец говорит по своему опыту: «Кто усмотрит погрешности свои? От тайных моих очисти мя». И от задуманного зла удержи раба Твоего, чтобы оно не возобладало мною. Тогда я буду непорочен и чист от великого развращения (ст. 13—14).

И только пройдя этот путь борьбы, открывающийся лишь через исполнение заповедей, человек достигнет и высшего: молитв и богоугодного созерцания; и войдет в общение с Господом, прознав предварительно и свою беспомощность с одной стороны, а вместе с тем и через это — и твердость упования только на Господа Избавителя. Так и поет царь — праведник: «Да будут слова уст моих и помышление сердца моего благоугодны пред Тобою, Господи, твердыня моя и Избавитель мой» (ст. 15). И теперь, испытав не в мечтании о святости, а на действительном опыте осуществление самых начальных букв алфавита добра, т. е. в исполнении заповедей Божиих на Иване Федоровиче, я сразу увидел себя: кто же я таков.

«Какой он трудный», — вырвалось у меня признание. Но не один он был трудный, а я прежде

всех был сам «трудный» для добра... А мечтал о монашеской святости. О! далеко еще до цели. Да я тогда и не понял еще себя; я все винил другого, а не себя. И только чем дальше, тем больше раскрывалось «великое развращение» души моей, как поет царь Давид. Не говорю уже о «тайных моих»... И постепенно приходил я к опытному выводу: один Господь «твердыня моя и избавитель мой». Не так я думал о себе раньше. И еще более стал мне понятным ирмос 6-го гласа, который не раз напевал мне о. Исидор старческим голосом: «Христос моя сила, Бог и Господь»...

И теперь мне предстояло упражняться в «законе» и через И. Ф.

«Как-нибудь уж старайтесь, хлопочите во спасение обоих».

И еще 11 лет пришлось мне стараться. Много всякого было... Но не о нас, немощных, речь. Поэтому вернусь к дивному старцу Божию. Должно быть после этой встречи его не видел уже. Так он и запечатлелся в моем сознании — смеющимся, ласковым... Он уже был «из того мира». Это был христоподобный сын любви. Воистину «соль земли».

Вероятно, года через два-три мне удалось опять попасть в Гефсиманию. И там я узнал несколько подробностей о смерти батюшки. Но об этом — особо.

СМЕРТЬ ПРАВЕДНИКА

Один из близких учеников и почитателей батюшки о. Исидора, молодой послушник, исполнявший у него иногда обязанности келейника, вот что рассказал мне: «Перед смертью батюшка позвал нас, близких, к себе, простился со всеми нами, дал нам наставления, а потом и говорит: «Ну теперь уходите, я буду умирать. И святые не любили, чтобы кто-нибудь наблюдал таинства смерти».

Так и сказал: «святые». Батюшка был сам святой. Мы ушли. Через час постучались к нему. Ответа нет; мы вошли... Он уже скончался, сложив на груди руки. Лицо его было спокойное... Похоронили его на общем кладбище и на кресте сделали простую надпись о рождении и кончине батюшки (4 февраля 1908 года).

«Святые не любили»... Как он сравнивал себя с ними? Очевидно, имел на это право. И преп. Серафим говорил Елене Васильевне Мантуровой, когда она испугалась предложения батюшки умереть ей вместо брата, Михаила Васильевича: «Нам ли с тобою бояться смерти, радость моя? Мы будем с тобою во Царствии Пресвятыя Троицы».

Да, святые уже достигли совершенства в любви, как сказал о любви апостол Иоанн: «Любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он. В любви нет страха,

но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви» (1 Ин 4, 17—18).

Значит, и преп. Серафим, и батюшка о. Исидор достигли высоты любви. И как просто говорил мне о. Исидор о прославленном уже тогда Саровском праведнике: «Преподобный-то Серафим не обидится на меня»...

Так мы говорим лишь про подобных или равных себе.

Замечательно и другое обстоятельство в кончине батюшки. Он скончался 4 февраля, и в этот день совершается память его покровителя, преп. Исидора Пелусиотского. Значит, его святой одноименник и покровитель в иночестве призвал к себе, в горние селения, батюшку в день своей небесной славы. И подобные совпадения смерти совершенно неслучайны. «Жития святых» отмечают их довольно часто.

Праведники и по смерти живут — говорит слово Божие (Притч. 10, 14, 25). Мне не известны чудеса блаженного батюшки, но сила одного имени его велика и по смерти. И все с тем же И. Ф. Л.

Лет восемь спустя мне снова пришлось устраивать его на новое место, на этот раз в том же городе Т., где и я служил тогда. Мы здесь встречались часто, не меньше раза в неделю, и очень редко было, чтобы мы не спорили и не раздражались. «Да, я — всем лишний. Надоел всем... Жить не стоит... Брошусь в воду или под

поезд... И вы не любите меня... Келейника своего П. любите больше, чем меня».— «Послушайте, И. Ф., ну что же я поделаю, если я такой дурной?» — «Да-а! Должны любить. Сами ученые, знаете». — «Но по крайней мере хоть не говорили бы о нелюбви моей, еще труднее от этого любить вас!» — «Да-а, а вон батюшка о. Исидор любил».— «Да ведь батюшка-то был ангел, а я — человек. Он — небо, а я земля. Куда же мне с ним равняться».— «Нет, раз он связал нас, значит, вы должны любить. А вот вы не любите. Лучше мне уйти от вас».— «Ну вот и уходите, на что я дался вам? Раз я такой дурной, так и ищите себе хороших».— «Да! Батюшка мне велел не уходить от вас до самой смерти».— «Ну, в таком случае уж терпите меня, а не ухудшайте дела постоянными упреками в нелюбви моей».— «Да, я знаю, что только один батюшка Исидор любил меня,— говорил уже тише И. Ф.,— если бы не он, мне бы и жить нечем было, он только и держит меня на жилочке, а то бы покончил с собой».

Потом мы или мирились, или прощались в раздражении, а через неделю повторялось что-либо подобное: о любви батюшки и о моей худости. Так было до 1917 года. Приближалась революция. Мне предстояло переселение на юг. Приходилось расставаться и с И. Ф. на годы, а может быть и до смерти, кто знает?.. и угодник Божий позаботился о калеке: передал его в другие руки.

Однажды И. Ф. в очередное воскресенье пришел ко мне в приподнятом, радостном настроении.

— О. В.,— называет он меня,— давно я собираюсь сказать вам, я хочу жениться.

— Жениться? — удивленно спрашиваю я,— да кто же за вас пойдет при вашем характере?

— Нашлась такая.

— Кто же, такое чудо?

— Работница с морозовской мануфактуры.

— А она хорошо знает вас?

— Да, знает.

— Удивляюсь. Ну попросите ее прийти ко мне, хоть посмотреть.

А в то время мною было заведено общенародное пение и проповеди. Ходили почти одни рабочие, работницы — вообще «простые» люди. Среди них была и невеста. Но я ее, как и других, лично не знал. Приходит она, девушка лет 30—35. Лицо самое обычное, но сразу видно, что очень тихая.

— Как вас зовут? — спрашиваю.

— Зовите меня Катей.

— Вы решаетесь выходить замуж за И. Ф.? А вы знаете его? Ведь у него характер очень трудный.

— Знаю.

— Как же вы решаетесь?

— Да уж очень жалко его мне. Ведь он всему свету лишний.

— Но выдержите ли вы?

— Бог поможет.

— Ну, тогда Бог вас благословит.

«Такая тихая выдержит»,— думал я, глядя на эту добровольную мученицу. Скоро они повенчались. Я был у них на обеде.

Наедине спрашиваю ее, как живут.

— Да что же. Разбушуется он, а я молчу. Он и стихает.

Потом настала революция. Я был переведен в другой город[47]. Катя была оставлена о. Исидором заменить меня[48]. И несравненно много лучше, она-то сумеет исполнить заповедь Божию о любви...

Иной раз вспомнишь о Кате и придет на память рассказ Чехова «Кухарка» или еще что-нибудь.

Одного пропойцу, попрошайку, действительный статский советник отправил на свою квартиру дрова колоть. Ему это не понравилось. А кухарка, придя в сарай, говорит: «Ах, несчастный!» Заплакала, глядя на него, да дрова при нем все и переколола, а деньги от барина ему отдала. Так раз, другой, третий... Перестал ходить «бывший студент», он же и «статистик». Спустя года два он и барин встречаются у кассы Большого театра. Вспомнили один другого; бывший попрошайка прилично одет.

— Получили место?

— Да, получил.

— Вот видите, что значит трудиться. Это я вас спас?

— Нет, ваше превосходительство, не вы, а кухарка ваша.

И он рассказал ему историю спасения. Стыдно стало.

«МИША!»

Прошло уже много лет после революции. В 1927 году мне нужно было поехать в один монастырь, в Сербии, где и хотел пожить в уединении. В монастыре были только настоятель, иеромонах и прислуга. Настоятелю, русскому архимандриту, видимо, не очень-то хотелось брать на «шею» лишнего человека, хотя я просил себе дать только запущенный полуразрушенный домик, обещая его отремонтировать за мой счет. «Там у меня сложено кое-что из припасов. Да и ремонт дорог», — сказал он. Невольник — не богомольник. Видно, нужно назад возвращаться. Перед отъездом, сидим ужинаем при свете лампы. Заговорили, между прочим, об одном праведном монахе, о. Макарии (Розанове). Одно время я даже жил вместе с ним у архиепископа С. Тогда он уже был безнадежно больной (белокровие). А скоро и скончался в Ялте. Это было смиреннейшее существо. Казалось, обидеть его никак невозможно. Он был, как дитя, о которых сказал Господь: «Если... не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18, 3). Между тем история его жизни, была довольно сложная. Он был лучшим

учеником Рязанской Духовной семинарии. Но к концу семинарии, кажется, под влиянием близкого родственника, потерял веру, и потому, окончив семинарию, решил отправиться в Юрьевский университет, куда тогда разрешали поступать и семинаристам. Но на пути его встретился блаженный батюшка Исидор.

О конце жизни о. Макария и рассказал мне подробно о. настоятель. Оказывается, Бог привел его принять последнюю исповедь от отца Макария в Ялте. А в частных разговорах батюшка рассказал ему и чудесный случай из своей жизни, определивший всю его дальнейшую судьбу.

«Отправившись в Юрьев, Розанов остановился в Москве, осмотрел достопримечательности и отправился на Николаевский вокзал, чтобы ехать в университет. И не помню уже, кажется, чуть ли не в поезде ему пришла мысль: «Не съездить ли еще, кстати, и в Сергиевскую лавру?» Ему не нужны были ни преп. Сергий, ни монахи. Это все — «суеверие»... А просто посмотреть исторический памятник, место осады поляками, интересные постройки старых времен... И только. Но неожиданно началась в душе борьба: «Не поеду... поезжай... нечего делать... поеду». И уже, кажется, прозвонил второй звонок, когда Розанов хватает свой, довольно скромный семинарский чемодан и выбегает из вагона. Поезд уходит. А он торопливо направляется на соседний Ярославский вокзал, берет билет до «Сергиева» и едет.

Осмотрел все в лавре... Ему посоветовали сходить еще и в «Вифанию», в обитель, созданную митрополитом Платоном. Там «очень интересной архитектуры храмы, красивое место» и т. п. Розанов пошел... Пути — всего три версты отличною дорогою, между прекрасным лесом, полями, озерами... Тишь да гладь, да Божия благодать... Время стояло чудное: сухая солнечная осень — был конец августа. Идет студент университета, наслаждаясь Божиим миром, и совсем не думая о Боге. На полпути, вблизи Гефсимании, он вдруг слышит сзади себя голос: «М-и-ш-а!» А Розанова звали Михаилом. Он идет не оглядываясь, мало ли Миш на белом свете. А его здесь решительно никто не знает: он в первый раз в этих местах... А сзади опять: «Ми-и-ша! Ми-и-ша! Остановись». Тогда он оглянулся на всякий случай — кого это зовут? И вдруг видит, что какой-то седой старец-монах в островерхой скуфеечке машет ему рукою и кричит: «Остановись, Миша!»

Удивленный Розанов остановился... «Кто же знает здесь мое имя!? Странно!» Подходит старец, в первый раз видит Миша такое лицо. «Незнакомый, а знает имя... Что за чудеса?!» Но не успел он и задуматься над таким «непонятным феноменом», как подошедший монах сказал ему: «Здравствуй, Миша!» Тот поклонился из вежливости и спрашивает: «Откуда Вы знаете мое имя?» А батюшка о. Исидор — это был он —

говорит ему: «Миша тебе дорога не в университет, а в академию! И поезжай, поезжай с Богом в Петроград. Там тебе воля Божия укажет путь и дальше».

Окончательно выбитый из колеи «естественных законов» Миша вступил уже в разговор с батюшкой... А потом вернулся обратно в Москву и поехал в Петроград... Выдержал испытания и стал студентом академии»...

На этом кончился рассказ о. настоятеля... Из других источников я раньше еще знал следующее. В академии с Розановым случилась одна страшная история, которая так перевернула его душу, что он решил идти в монахи. Но чтобы окончательно решить вопрос, он направился к «своему» батюшке, о. Исидору, вместе с инспектором, архимандритом Ф. О. Исидор благословил его на иноческий путь... А когда они ехали обратно в Петроград, то в окне вагона им обоим совершенно явно виделся бес в образе пса, что-то грозя и неистовствуя. Студент пришел в трепет. Но видение летело вместе с ними. Тогда духовник предложил ему уткнуться головой в его колени и не смотреть в окно... Через некоторое время бесовское видение исчезло...

Миша постригся в иночество с именем Макария... И отличался не только смирением, поразительною кротостью в отношении к людям, но и — глубокою молитвою и постничеством... В последнем подвиге он даже не соблюл меры: «перепостился».

«Неправильно я понял святых отцов,— сказал он моим знакомым,— и надорвался; теперь уж не поправить дела. Вот умираю и знаю — по своему неразумению, без руководства жил...» Все, кто знали его «Макаром», говорили о нем всегда с тихою серьезностью, а иные с улыбкою, как говорят о детях. И все думали: «святой»...

Да, он сделался праведником. Пусть «перепостился», это человеческое. А воля Божия привела его к святости.

Я уезжал от о. настоятеля в другой монастырь. А через несколько дней домик, который просил себе для жилья, неожиданно загорелся: кажется, коптили в нем ветчину. Погибли и припасы кукурузы, и свиные туши...

ИЗ ДРУГОГО МИРА

1. ЧУДО В СЕРБИИ

Я много раз рассказывал об этом событии в частных разговорах и проповедях. А теперь хочу записать это на память другим.

Приблизительно в 1927 или в 1928 году я хотел укрыться в отдельном монастыре в Сербии[49]. Для этого я направился в «Студеницу» — монастырь, построенный св. Симеоном, отцом святого Саввы, просветителя сербского. Через несколько дней меня перевели оттуда в скит св. Саввы, находящийся в 9-ти километрах от монастыря. Это место было необыкновенно уединенное, в высоких горах, в глубоком ущелье, далеко от всяких селений, в глухом лесу. По ночам я нередко слышал вой каких-то диких зверей, а редкие проезжие через горы, недалеко от монастыря, даже днем, выезжая в лес, нередко кричали: «о-го-го», пугая возможных волков. Не раз я видел змей. Вот тут-то и был маленький скит, построенный по преданию самим св. Саввою. Он состоял из небольшой церковки, в которой помещалось всего человек пять-десять, а в алтаре и того меньше. Слева к церкви примыкал двухэтажный деревянный домик. Вот и все постройки. Немного повыше в гору журчал из-под земли источник чистой холодной воды.

В этом скиту и жил я около полугода с одним лишь монахом сербом, отцом Романом. А до него здесь укрывался старый иеромонах о. Гурий. Оба эти монаха заслуживают того, чтобы о них донеслась память и до потомков.

Я и расскажу сначала об этих тружениках.

Отец Роман был женат и имел семь человек детей. Оба они с женой были совершенно здоровы, но все их дети умирали в течение нескольких дней или жили не больше года. Родители невольно задумались об этом и пришли к заключению, что нет воли Божией на их дальнейшую брачную жизнь; и решили идти в монастырь, оставив мир. Так они и сделали. Но чтобы испытать себя, способны ли к безбрачной жизни, они поступили в этот мужской монастырь св. Симеона в качестве рабочих: он — кучером, она — кухаркой. Нужно заметить, что сербские монастыри последнего времени были хотя и многочисленны по количеству, но в них жило мало монахов; поэтому они нуждались в посторонней рабочей силе.

Определившись на службу в монастырь, Роман с женою были помещены в одну комнату, в которой они и прожили около трех лет безбрачно, в целомудрии, как брат с сестрой. И лишь после этого они приняли на себя подвиг иночества: жена уехала в женскую обитель, верстах в двухстах от этого монастыря, а он остался здесь. Не знаю, сколько времени прожил он в самом монастыре, но я застал его уже в скиту св. Саввы. Это был человек выше среднего роста,

необыкновенно худой, но крепкий и как говорят, жилистый.

В скиту были и огород, и небольшой сад, и маленький виноградник, и незначительное поле пшеницы. Над всем этим и трудился в полном уединении о. Роман. И нужно отметить, что он отличался необыкновенною жаждою к труду. Рано утром мы служили с ним небольшие правила, а по праздникам и литургии. После правила и легкого постного завтрака, он торопливо бежал куда-нибудь на работу. А я оставался в скиту и за сторожа, и за повара. Впрочем, наша пища и моя поварская работа были крайне просты и скудны. О. Роман оставлял мне немного картофеля и пшена. После я сам подкупал рису и постного масла. Картофель, по совету о. Романа, я не чистил, т. к. крупный оставлялся им на Великий пост и раннюю весну, а мелкий трудно было чистить и не стоило, т. е. мало бы оставалось его в пищу.

О. Роман привел меня к источнику и показал как обращаться с картофелем: налил в ведро воды, всыпал картофеля, промыл его в трех водах и поставил вариться. Потом я прибавлял пшена или риса и выходил у нас суп. В скоромные дни мы кушали и брынзу (овечий сыр).

Времени у меня оставалось довольно много, и я писал объяснения праздников и т. п. К вечеру о. Роман возвращался с работы, и мы ужинали. К праздникам я пек еще просфоры, но, должен сознаться, они почти

всегда были у меня неудачными: тесто очень плохо подходило — недостаточно в кухне было тепла.

В скиту не было никакой живности, кроме кошки с котенком, которые охраняли домик от небольших лесных крыс, с пушистым большим хвостом, для лазания по деревьям. Однажды предложили нам взять из монастыря корову для молока или хотя бы козу, но мы решительно отказались, т. к. это доставило бы нам много лишних забот и хлопот. Почти каждое воскресенье, а особенно по большим праздникам, мы с о. Романом ходили на литургию, за 9 верст, в монастырь, сначала нам нужно было спускаться с гор около 4 верст, а потом, перейдя быструю речонку, идти уже ровным местом до монастыря. Эта речонка называлась Студеницей от очень студеной холодной воды, по ее имени и монастырь св. Симеона, расположенный около этой речки, тоже назван был «Студеницей».

В один из таких праздников, кажется, в день св. Ильи (но сейчас за это точно не ручаюсь), и случилось чудесное событие. Но я о нем буду говорить позже, а сейчас расскажу о другом иеромонахе, жившем в скиту до о. Романа, отце Гурии. Ему в то время было больше семидесяти лет, но он был очень крепкого сложения и худой, роста очень небольшого. Вот он и привел меня в первый раз в скит к о. Роману. Подойдя к плетневой ограде скита и указав мне обходную дорожку к дверям домика, сам он с необычайной

легкостью перескочил через плетень. Познакомив меня с о. Романом, он указал мне бывшую свою комнату, где жил прежде. Меня необычайно удивила библиотека, в которой, кажется, насчитывалось до пятисот книг. Между ними было несколько редкостных экземпляров, например: «Досточтимые сказания», с изречениями древних отцов, и другие. Конечно, все книги были религиозного содержания, ими я и пользовался все время пребывания в скиту.

Другой раз о. Гурий провожал меня в скит с довольно тяжелой ношей: мне прислали по почте посылку более двадцати фунтов, и батюшка хотел мне облегчить путь, хотя бы до реки Студеницы, т. е. около пяти верст. Мне, как более молодому по возрасту, стыдно было, что старец несет тяжесть, а я иду налегке. Поэтому я дорогой обратился к нему с просьбой: «Батюшка, дайте теперь я понесу посылку, ведь она для меня послана, а кроме того это будет мне как бы эпитимией за мои грехи». О. Гурий возразил на это: «Нет я еще понесу, а уж об эпитимиях должен думать больше я: у меня столько грехов, что если бы я тело свое разрезал по кусочкам, его не хватило бы на эпитимии». И тут я узнал и понял, почему он, будучи иеромонахом, не служит в монастыре никогда как священник, хотя он никогда не был судим и осужден церковной властью. По собственному сознанию своей греховности он сам решил не прикасаться

к святыням, к богослужению и особенно к литургии. «Я наложил на себя,— говорил он,— обет за грехи мои: никогда не надевать на себя иерейского епитрахиля или благословлять когонибудь».

В монастыре он исполнял обязанности чтеца в храме за богослужением; а в трапезной подавал братии кушания, как последний послушник. И то и другое он делал с необыкновенной простотой и смирением, будто так и нужно было. И более молодые монахи так привыкли к этому, что обычно обращались с ним повелительно, как старшие с младшими. А он не только не подавал виду, но действительно нисколько не огорчался таким отношением к нему остальной братии. После трапезы все уходили по келиям, а он должен был убирать трапезную. Между прочим, он в церкви читал необычно медленно, с расстановками, осознавал каждое слово.

Мне этот пример напоминает дух древнего времени. В своей долгой жизни я еще не видел другого примера, чтобы духовные лица добровольно отказывались от своих обязанностей и от высоты священнослужения, ничем к тому не побуждаемые или наказуемые...

Конечно, он давно уже скончался. Царство ему Небесное! За его покаяние да простит ему Господь грехи... Чем он был грешен, ни он не нашел нужным рассказывать, ни я не осмелился расспросить. Да и неважно это, грешить нам стало уже естественно, а вот покаяться — дело

очень редкое и заслуживающее того, чтобы я записал его в поучение нам самим и потомкам.

Об о. Романе еще я вспомнил, что во время войны с немцами он провел всю войну на фронте: сражался, отступал на о. Корфу... И возвратился в монастырь.

А теперь я перейду к рассказу о самом чуде.

Это было летом, вероятно, в начале июля. Так как я и о. Роман по праздникам ходили почти всегда на службу из своего скита в монастырь, то и на этот раз мы поступили так же. Но неожиданно для меня о. игумен попросил меня отслужить после литургии молебен о дожде, так как сам он должен был в этот день ехать на монастырский хутор по делам. Конечно, я согласился. Тотчас после литургии я, о. Роман и некоторые другие монахи отправились на гору, где обыкновенно служились подобные молебны при засухе. Путешествие оказалось весьма трудным, так как гора была очень высока, а подъем — крутой. Мне для облегчения была дана верховая монастырская лошадь. Я и прежде почти никогда не ездил верхом; поэтому подниматься на крутую гору для меня было совсем трудно. Но все же через час мы поднялись на нее, хотя до самой вершины было еще с полверсты. Но наша остановка была приурочена к мосту, где был колодец. Считалось, что если уже в этом колодце не было воды, то значит засуха была велика и продолжительна. Над этим колодцем совершался

молебен с водоосвящением и освященную воду потом выливали в пустой колодец.

Когда мы достигли этого места, там было сравнительно мало народа, или, как называли сербы, мало «селяков». Мы начали облачаться в священные одежды. Но народу было все-таки мало, и мы решили ждать. Да и духовенство еще не все подошло. Чтобы занять время, я начал проповедь на сербском языке. Мои слушатели, нагнув головы, отнеслись к слову, по-видимому, без особой охоты. Я понял это так: «Ведь мы пришли не слушать проповедь, а молиться о дожде». Поэтому я очень быстро закончил свою речь. Но духовенство еще не подошло, и я должен был ждать. Естественно, мысли в душе моей остановились на предмете будущего молебна: «Зачем я сюда пришел? Ведь не для того же, чтобы совершить требу и спокойно потом спуститься в монастырь, будто я сделал что-то полезное... Ведь и не для проповеди же сюда поднялся... Все мы собрались сюда с одним желанием: получить от Бога милость, одождить иссохшую землю на огромном пространстве вокруг! Или, сказать иначе, мы пришли за чудом!»

А дождя не было уже около месяца. Посевы стали гибнуть. И в этот день небо было чистое, безоблачное. Мысли мои потекли дальше: «Да заслуживаем ли мы чуда? И почему оно может быть? Стоявшие вокруг меня монахи по своей жизни достойны ли чуда? — Не знаю. А может

быть, среди селяков есть богоугодные люди? Или за их горькую нужду и гибнущий труд сжалится над ними Господь, как отец над бедными детьми, и даст им хлеб насущный?» Эта мысль казалась мне наиболее понятной: они, эти простые люди, действительно, более нас заслуживают милости Божией. И их скорбное молчание и сердечные просьбы более благоугодны Богу, чем наши речи и даже молитвы. Ведь недаром Псалмопевцем сказано, что Бог посылает пищу «птенцам врановым»[50], в голоде вопиющим к Нему... Себя самого я не считал достойным ожидаемого чуда; разве, может быть, Господь призрит не на меня лично, а на мой епископский сан... И вдруг в моей душе пронеслась быстрая мысль, как будто кто-то произнес ее совершенно ясно: **«Молись во имя Сына Моего!»** Тотчас вспомнились мне слова Спасителя на прощальной беседе с учениками: «Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст Вам. Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите, и получите, чтобы радость ваша была совершенна» (Ин. 16, 23-24).

И я здесь забыл о всех присутствующих и о самом себе, стал молиться о дожде, прося Отца Небесного во имя Господа Иисуса Христа; разумеется, молился молча.

В это время духовенство поднялось в гору сокращенным, но более трудным путем, по прямой линии. Подобрался и народ, хотя и не очень много. Начали молебен. Освятили воду

и вылили ее по обычаю в глубь колодца. Народ начал расходиться, духовенство опять стало спускаться прежним путем. Небо продолжало быть ясным, и только кое-где медленно плыли светлые облака. Я сел на лошадь. Но спускаться вниз по горе оказалось труднее, чем подниматься на нее; и я вынужден был слезть с коня и вести его под уздцы. Приблизительно через час мы были в монастыре. На небе не было никакой перемены; даже и не думали об этом. Сделали свое дело и забыли о нем.

В трапезной нам подали обед. После него мы взяли из монастыря хлеба на неделю — как обычно это делали,— попросили еще брынзы (соленый овечий сыр), нагрузили все это на молодого осла и стали собираться обратно в скит. Было уже приблизительно около шести часов вечера. Осел шел впереди нас: он хорошо знал эту дорогу. Не спеша мы следовали за ним; дошли до Студеницы (4 версты). К моему удивлению, совершенно незаметно для меня небо когда-то успело покрыться серыми сплошными облаками, шедшими из-за гор навстречу нам. Вдруг меня пронзила мысль: «Неужели Господь даст нам дождя и сотворит чудо?» Но я сам боялся поверить этому. Так прошли мы еще с полчаса. Стали подниматься по горе вверх. Небо стало темнеть; но осел шел по тропинке уверенно вперед. В густом лесу тьма сгущалась все сильнее и сильнее. И вдруг я ощутил в воздухе сырость, шедшую сверху, с облаков. Не веря еще самому себе,

я сказал о. Роману: «Батюшка, а ведь, пожалуй, дождем пахнет?» Молчаливый о. Роман ответил: «Дай Бог дождя!» Мы шли все дальше за ослом. Вдруг вдали послышался глухой отзвук грома. Теперь уже нам было ясно, что с тучами надвигается гроза, а с нею, конечно, и дождь. В лесу стало так темно, что мы почти не видели своих собственных ног. Сверкнула молния, раздался гром, и мы увидели свою тропинку на несколько метров вперед. Потом тьма снова объяла нас; и только привычный ослик шел твердо впереди нас, как вожатый. Молнии стали блистать чаще и чаще, как бы освещая нам путь. И я сказал о. Роману: «Господь зажигает нам на небе будто спички и указывает дорогу». Воздух сделался холодным. Мы прошли по горам еще около трех верст. Здесь дорога раздваивалась: один путь, более длинный и пологий, шел направо, в обход оврага; другой — прямо, круто поднимаясь вверх, к скиту. Мы хотели направиться по более удобной дороге, направо. Но осел заупрямился и никак не соглашался идти этим путем. И мы вынуждены были повиноваться ему. Когда дошли до середины оврага, ослик круто повернул вверх к скиту. Сверкала молния, и гром гремел уже почти непрерывно. Отец Роман говорит мне: «Ну, владыка, если хотите остаться сухим, бегите один вверх, а мы придем после». Так я и сделал. Минут через десять я подходил к крыльцу нашего скита. И тут дождевая капля глухо упала на землю; за ней другая, третья... Полил дождь.

Но я уже был в безопасности. Минут через пять пришел и батюшка о. Роман с осликом, но уже весь мокрый.

Дождь лил всю ночь и с избытком напоил жаждущую землю...

2. ПЛАЧУЩИЕ И МИРОТОЧИВЫЕ ИКОНЫ

Кто не слыхал или не читал рассказов о плачущих иконах Божией Матери? Мне самому пришлось видеть два таких случая.

Когда я был еще профессорским стипендиатом СПб. академии (1907—1908 гг.), меня попросили прийти в одну семью для служения молебна. Это были мои знакомые: вдова фельдшера, неожиданно рано скончавшегося, и ее сын, которого по моей рекомендации приняли в СПб. духовное училище. Жили они, кажется, на Обводном канале. Когда я вошел к ним в комнату, в углу, перед иконой Божией Матери, я увидел зажженную лампаду; под иконою — большая тарелка, на нее капала непрестанно какая-то маслообразная жидкость бесцветного вида и без запаха. Сочившаяся жидкость впитывалась в вату, которую вдова раздавала знакомым, не объявляя, по смирению, о необыкновенном событии церковным властям. Икона была величиной вершков 10x6. Задняя сторона ее была пропитана насквозь каким-то миром, чего прежде не было. Я отслужил перед нею молебен и возвратился в академию.

После я не бывал в доме этой семьи. А вдова и не очень удивилась, когда явилось мироточение: чудеса верующим людям казались делом естественным.

Другой случай был в скиту св. Саввы, о котором я рассказывал выше. В маленьком алтаре скитской церковки, с левой стороны, в полукруглой небольшой нише, была икона какого-то святого, перед которой совершалась проскомидия. Меня, с первых же дней служения литургии, удивило, что из стен сочилась вода. Не зная чем это объяснить, я стал вытирать мокрое место, под которым я скоро заметил совсем другое изображение. Икона была написана не масляными, а водяными красками, которые легко смывались. Я стер весь первый слой, а на втором открылось совершенно отчетливо совсем иное изображение: было нарисовано какое-то молодое лицо в белой одежде, без опоясания, нижний край этой одежды был надорван вверху. Не помню сейчас, было ли написано или я сам догадался, что там изображен был Иисус Христос, риза Которого раздирается еретиками, как об этом говорится в стихире в память Вселенского (1-го) Собора: «Кто Твою, Спасе, ризу раздра?» — «Арий» — «Ты рекл еси».

Не помню сейчас (прошло уже почти 30 лет с того времени), но, кажется, около головы были изображены заглавные буквы: ИС. ХС. (Иисус Христос). А может быть, под изображением были написаны указанные выше слова об Арии. Во

всяком случае, мне совершенно понятен смысл этого изображения. Но, вероятно, позднейшему иконописцу совсем непонятно оно было, и он решил нарисовать на этом месте какого-то святого.

Но это неважно, важно то, что когда я смыл верхнее изображение, то вода тотчас же перестала сочиться, не возобновляясь после в течение шести месяцев, которые я там прожил. Объяснить эту перемену естественным образом я не могу, иначе как чудом. Но я и не старался это делать, потому что, как и вдова фельдшера, не удивлялся и не удивляюсь чудесам: невозможное для человека, возможно Богу,— сказал Сам Господь Иисус Христос. А где Господь, там чудеса не только возможны, но и необходимы. Поэтому Церковь и поет по праздничным вечерням: «Кто Бог велий, яко Бог наш? Ты еси Бог, творяй чудеса». Всевысочайшее чудо, прежде всего, сам Бог. И после Его все чудеса малы и незначительны.

3. ОБНОВЛЕННАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Здесь уместно вспомнить о чуде обновления икон. Как мы все помним, в первые дни после революции во многих местах нашей Руси обновлялись иконы. Одну из таких я видел в Карпатской Руси[51], у кого-то из русских беженцев. Иконочка была небольшая, вершков пять

высоты и три-четыре ширины. Изображение, вероятно, Божией Матери, наискось с правого угла до противоположного левого было темное, а с другой стороны совсем светлое и ясное. Это я видел.

4. ЯВЛЕНИЕ ИЗ ЗАГРОБНОГО МИРА

1

То, что я пишу здесь, несомненный факт: лицо рассказывавшее мне это, живо и сейчас. Старушка глубокой старости, ей уже 90-й год. Она живет в моем архиерейском доме в Ростове. Она монахиня. Была женою вице-губернатора. Он был глубоко верующий и богословски образованный человек. Знает кроме русского языка еще четыре. Конечно, без сомнения, искренняя. Я знаком с ней и с ее семьей (я был у них домашним учителем двух их детей с 1907 года) уже почти 50 лет. А событие — совершенно исключительное.

Они были владельцами имения в Волынской губернии. У них было двое маленьких детей: Колечка и Нина, постарше. Ее муж нашел прекрасную глину и задумал построить фарфоровый завод. Вложены были огромные средства, но дело рухнуло. Имение должно было пойти на продажу «с молотка». В таком безвыходном положении ее покойный муж (умер в 1920 году)

почти пришел в отчаяние. Она тоже не знала, что же теперь им делать.

И однажды отдыхая в постели (интересная живая подробность: «Я лежала поперек постели»), «вдруг я слышу в соседней комнате, кажется, в столовой, чьи-то шаги. Я встаю и иду туда. И вижу в белой одежде умершую Прасковью Дмитриевну, мою старую знакомую. «Прасковья Дмитриевна, — говорю я, — это вы?» Но она ничего не отвечает на этот мой вопрос и сразу говорит (далее я передаю как мне запомнилось, но ручаюсь за верность). «У вас очень тяжелое положение, но не унывайте. Мы (так и сказано) не можем допустить этого. Пусть Сёма (Семен Николаевич, муж рассказчицы) тотчас же едет в Петербург к Николаю моему (так звали ее сына Николая Николаевича Левашова, бывшего тогда «генералом особых поручений» при военном министре, генерале Куропаткине) и скажет ему от моего имени устроить все дело. А Колю не отдавайте никому» (было уже предложение от дедушки, отца рассказчицы: отдать мальчика ему для усыновления, с обещанием воспитать его.— М. В.).

И потом Прасковья Дмитриевна точно растаяла. Тут же пришел С. Н., и я рассказала ему все, что было. Он сразу совершенно поверил всему и тотчас же выехал в СПб.!»

Далее я опускаю подробности хлопот. Но кончилось тем, что С. Н. назначен был уездным предводителем дворянства (он был родом из древней дворянской фамилии) и председателем

уездной земской управы. В это время приехал дедушка из Саратова с другим знакомым, богатым купцом из Самары, и они откупили имение. А чтобы у С. Н. был собственный имущественный ценз, часть имущества записали на него.

Дело завода внимательно рассмотрели и поручили другим лицам. Положение их не только не рухнуло, но даже улучшилось.

Кстати, благодаря этому переходу ее мужа в г. Житомир, мне пришлось познакомиться с их семьей.

Старушка жива еще и сейчас.

2

Об этом явлении я просто перепишу письмо протоиерея П. С.

«Приблизительно в 1895—1896 году, в приходе Сретенской церкви г. Ельца, настоятелем которой был дед моей жены, протоиерей о. Петр Гаврилович Цеховцев, один из уважаемых священников города. С ним и произошел следующий случай, рассказанный самим протоиереем.

Жена нотариуса г. Ельца, Надежда Антоновна Пустевич, заказала заупокойную литургию по случаю смерти отца своего мужа, бывшего в сане диакона. На литургии присутствовал и ее муж, сын покойного, который был неверующим. В церкви он был «из приличия». В середине литургии он показался расстроенным и даже плакал. Когда о. Петр после литургии приехал к Пустевичам

на дом, то к нему обратился хозяин с вопросом: «Батюшка, почему вы во время службы оглянулись направо и даже немного посторонились, будто давая дорогу кому-то?» Отец Петр ответил: «Мне показалось, что кто-то подошел и стал рядом». Пустевич же сказал: «Действительно, около вас стоял мой отец в диаконском облачении и сослужил с вами, как мне показалось».

Через несколько дней Пустевич сидел в гостиной у себя и читал газету, а жена его в это время была в столовой и пила чай. Вдруг она видит, что из гостиной выскочила испуганная и взъерошенная кошка. Думая, что кошку выгнал муж, она пошла в гостиную и спросила у мужа: «Что случилось и почему кошка выскочила отсюда такая испуганная?» На это он отвечал, бледный и взволнованный: «Сейчас приходил отец... Сидя на диване и читая газету, я почувствовал, как пружина в диване подалась вниз и будто кто-то сел рядом со мной, и повернулся в ту сторону и увидел, что это был мой отец».

После этого Пустевич стал верующим.

Из этого видно, что свидетелями случившегося были не только люди, но даже и животное. Значит, живые заняты поминовением умерших, а умершие пекутся о живых. Умерший о. диакон, очевидно, болел душой о неверии сына и, по произволению Божию, помог преодолеть ему неверие.

Все вышесказанное написано мною со слов моей жены, внучки о. протоиерея Цеховцева, Инны Михайловны Соболевой.

Протоиерей Петр Соболев».

3

Следующий случай я узнал от внучки известного польского магната Радзивила. Она рассказала эту историю моей знакомой, а та передала мне. И как я запомнил, так и напишу, только короче.

Дед Радзивил к концу своей жизни писал книгу против веры в Бога. Однажды он прогуливался по прекрасному парку около своего дворца, куда строго запрещалось входить посторонним. На этот раз он встретил какую-то бедную женщину, собиравшую сухие сучья. Раздраженный владелец резко обратился к ней, как смела она войти сюда. Но она со слезами рассказала князю, что у нее умер муж и у нее нет средств, чтобы затопить печь и сварить что-нибудь для детей. Тронулось сердце князя, вынул он кошелек и отдал вдове, что там было. Не помню уж, на другой ли день или в тот же самый, когда он работал над своей книгой, вошел в его кабинет какой-то человек в рабочей одежде, неизвестный ему.

— Кто вы такой? Как осмелились войти сюда?

— Я — муж той женщины, которой вы

оказали милость. Пришел поблагодарить вас за это.

И тут же явившийся исчез. И, кажется, он явился в другой раз к князю.

Князь вызвал прислугу и спросил ее, кто входил к нему в кабинет и как смели пропустить его. Но они удостоверили его, что никого не было во дворце. Умерший явился князю вторично и сказал ему: «Бог есть, и за все придется давать ответ!» И опять исчез. Тогда князь уже понял, что это было действительное явление из иного мира.

Он тотчас же разослал приглашение своим родственникам прибыть к нему. Когда они съехались, князь рассказал им все совершившееся, а также о своей книге. Велел затопить камин и сжег при всех свой труд против веры.

Вот все это и рассказала мне в Париже его внучка. Это было приблизительно в 1850 году.

4

Ниже помещаемую маленькую заметку я слышал только вчера от племянницы умершей: «Тетя Оля умерла в молодости, лет тридцати. Она была очень религиозной. После ее смерти о ней много молились. Ее приятельница, человек слабоверующий, стала говорить нам, зачем мы все так много молимся о ней. «Неужели так это нужно?» — говорила она. Но скоро она рассказала про свой сон: «Является тетя Оля

и говорит ей: «Почему ты восстаешь против молитв за нас? Они нам нужны. Очень нужны. Мы нуждаемся в них!»

И с того времени и она начала молиться за умершую».

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Я получил письмо из Москвы. Автор его, между прочим, пишет: «Недавно я возвращалась с работы (вероятно, в трамвае.— М. В.) и тихонько шептала молитву и вдруг почувствовала никогда раньше не испытанное ощущение близости с Богом. Оно было в груди, распирая ее. И я ощутила заполненность своей жизни, отсутствие страха ко всему. И даже — не интерес, а «интересность» жизни. Так длилось минуту-две. И потом ушло незаметно и бесследно. Когда ушло, я подумала: какой прекрасной может быть самая серая жизнь при условии, если в груди человека живет подобное чувство!»

Читатель, задумайся, что это такое...

ЕЩЕ О ЯВЛЕНИЯХ

Сейчас я гощу у известного в России ученого и знаменитого хирурга, архиепископа Луки[53], в Крыму. Им написана книга «О духе, душе и теле» (143 стр.) и оттуда я нахожу нужным выписать ряд фактов.

...Мария де Тило, жившая в Лозанне, в 6 часов утра услышала стук в дверь, и кто-то вошел в черном, окутанный, точно вуалью, белой прозрачной тканью. Кошка, бывшая в комнате, выгнула спину, шерсть ее поднялась, и она страшно шипела и дрожала. Через некоторое время Мария де Тило узнает, что одна из ее лучших подруг, о которой она, однако, не думала в момент появления призрака, умерла от острого перитонита в Индии.

Очень важен тот факт, что и животные видят призраки. Это доказывает, что призраки — не галлюцинация больных людей, а несомненный факт.

Мадам Телешова в 1886 году находилась в своей гостиной, в СПб., со своими пятью детьми и собакой Мусташ. Вдруг собака сильно залаяла, и все присутствующие увидели маленького мальчика лет 6, в рубашке, в котором они узнали Андрея, сына своего молочника, о котором они знали, что он болен. Призрак появился у печи, прошел над головами присутствовавших и исчез через открытое окно. Все это длилось секунд пять. Мусташ не переставал лаять и бегать вслед за движениями призрака. В этот момент маленький Андрей умер.

За три месяца до смерти митрополита Московского Филарета ему явился во сне его

покойный отец и сказал: «Помни 19-е число!» Митрополит умер 19 ноября.

М. К. видела, что в кресле вблизи нее сидит старая мегера с бледным морщинистым лицом и пристально смотрит на нее. Кошка, словно обезумевшая, бросилась быстрыми прыжками к двери. М. К. в страхе закричала о помощи, вошла ее мать. И призрак исчез. М. К. видела его минут пять. Как ей говорили, в этой комнате повесилась старая женщина.

Прибавлю к этому подобный случай из записей моей семьи. Моя сестра умирала во флигеле дома, в котором жил старший брат. Он задремал, сидя на диване. В час ночи он проснулся и ясно почувствовал какое-то дуновение возле своего лица и поцелуй на щеке. В этот момент умерла сестра.

Интеллигентный узбек К., видный член бывшего Ташкентского городского самоуправления рассказал о необыкновенном происшествии в своей жизни.

Через год после смерти его отца, ему приснилось, что он скачет на коне по пустынной и бугристой степи. На одном из бугров он вдруг увидел свою сестру, давно умершую. Она гневно спросила его, почему он не молится об отце. Подвела его к глубокой черной яме, толкнула его туда и сказала, что он в ней пробудет 40 дней. Вскоре после этого К. был

арестован и посажен в тюрьму. На допросе жандармский офицер показал ему два письма за его подписью, в которых был обращенный к Бухарскому эмиру призыв к восстанию против русских и излагался план его. К. признал, что подпись — как это утверждали и эксперты — его, но письма и подпись написаны не его рукой. Однако доказать это он ничем не мог. И было несомненно, что его повесят. В отчаянии он горячо молился Богу о спасении. И вспомнив свой сон, стал молиться и об упокоении своего отца.

Так прошло около месяца. И вот однажды, во время молитвы, он уснул. И во сне услышал голос: «Сделай три своих подписи на отдельных листках бумаги, сложи их и посмотри на свет». Проснувшись, К. исполнил это и увидел, что подписи не совпадают одна с другой. Повторив это много раз, он убедился, что полного совпадения подписей никогда не бывает. Он потребовал новой экспертизы. И оказалось, что подписи на обоих уличающих его письмах, совпадают вполне. На этом основании эксперты признали подписи поддельными. И в дальнейшем было выяснено, что письма были поддельными — и написаны врагами К. с целью погубить его. Он был оправдан и освобожден в 40-й день после ареста. Это был срок, назначенный ему в первом сновидении сестрой, когда она толкнула его в черную яму.

6

Во время первой империалистической войны профессор физики П., материалист, жил летом в украинской деревне. Вечером, когда он сидел на крыльце, хозяйка хаты подошла к воротам, чтобы впустить корову. Вдруг она точно остолбенела, всплеснула руками и вскрикнула: «Петро!» И упала в обморок.

После она рассказала профессору, что увидела своего сына, бывшего на войне, улыбающимся, радостным. В этот день он был убит.

5. О СВЯТИТЕЛЕ НИКОЛАЕ

Можно многое рассказывать об этом великом чудотворце. Часть запишу.

«ПОГРОЗИЛ»

Это мне рассказала бывшая безбожница. Она летом поехала в село на дачу. Священник сообщил ей следующее.

Крестьянская семья. Муж — колхозник. Жена — благочестивая нищелюбица. За это ее особенно не любил муж: «Дармоедов кормишь». Однажды нищий старик попросил милостыню. Не успел он далеко отойти, как подъехал муж. Рассерженный, он повернул лошадь вслед за стариком. Но странное дело: чем быстрее он ехал за

нищим, тем дальше он уходил. Так и не мог он догнать его, удивляясь этому. Вдруг тот повернулся назад и погрозил пальцем. И исчез. Ясно, что этот старик был не нищий, а св. Николай. Колхозник немедленно повернул лошадь и подъехал к храму. Шла служба. Он направился к батюшке и все рассказал ему. Он попросил позволения обратиться к народу, чтобы все это рассказать всем. Но батюшка на это не согласился. Тогда колхозник вышел из храма и все рассказал. Вероятно, потом он стал верующим, но я об этом в рассказе бывшей безбожницы не помню.

ОБРУЧЕНИЕ

Это было лет семьдесят-восемьдесят назад в г. Саратове. Рассказывала мне жительница этого города, ныне еще живая старушка 90 лет.

Вице-губернатор этого города Н., хотел отпраздновать свое обручение с невестой. Был канун зимнего праздника св. Николая чудотворца. Ко всенощной по всему городу спешил народ к храмам. В это время по городу на лошадях мчались жених с невестой и званые гости на ночной танцевальный бал в загородный помещичий дом, верстах в 12 от Саратова. Погода стояла отличная.

Только православный народ, идя в храмы, печально помахивал головами: под такой праздник люди куда-то мчатся.

...Веселый бал продолжался часов до трех утра. Гости стали разъезжаться. На первых санках сели жених с невестой, за ними ехали остальные. Погода, казалось, не предвещала ничего опасного. Но вскоре разыгралась страшная вьюга. И гости потеряли дорогу. Сначала кучер, а потом и жених пошли искать путь, и оба пропали. Невеста, легко одетая, замерзала, поэтому она отправилась наугад.

Что же сталось? На другое утро железнодорожный сторож нашел ее в бессознательном состоянии на рельсах. Отправили ее в больницу. Оказалось у нее отмерзли пальцы на руках и ногах, и их пришлось ампутировать; но ноги долго еще зловонно гнили. Жених отказался от нее; а после она вышла за другого.

«УДЕРЖИ МУЖА»

В 1925 году мне пришлось поехать из Парижа в Лондон на торжество 1600-летия 1-го Вселенского Собора по приглашению Англиканской (Епископальной) церкви, в числе делегации из четырех человек: митр. Евлогия, прот. С. Булгакова [54], проф. нашего Богословского института С. Безобразова [55] и меня. Были там и восточные патриархи.

Во время пребывания в Лондоне семья Ампелоговых почему-то пригласила меня (я был в епископском сане) и прот. Булгакова в гости.

Их было четверо: муж, высокого роста, скромная жена и двое девочек лет двенадцати и десяти. Обе были в розовеньких платьицах: в этот день в школе был годовой акт, на котором раздавали дипломы об окончании учебного года и награды отличным ученицам. Младшая, между прочим, получила похвальный лист за хорошее влияние на класс. Но главное — дальше.

У них на стене висела большая икона святителя Николая (вершков 15x12), с большой лампадой. Она обратила мое внимание, и я спросил о ней, почему они особенно чтут святителя? И хозяйка рассказала следующее. Родом они из Сибири. Муж вел чайную торговлю. Однажды ему по делам торговли срочно нужно было выехать куда-то по железной дороге. А она в это время была беременна. Приближалось время родов. Но дело не терпело, и они простились. Вдруг перед кроватью, на которой лежала она, появился свет и явился св. Николай: «Удержи мужа!» И исчез... Она попросила воротиться не успевшего еще уехать мужа и стала умолять его остаться. О видении она умолчала, т. к. он мог подумать, что она была в бреду: с беременными, говорят, бывают необыкновенные осложнения. Она усиленно ссылалась на опасность родов. Муж наконец согласился остаться. И что же? Поезд, на который он так спешил, сошел с рельсов. Были жертвы...

В ТРЕБУХЕ ЛОШАДИ

Это — странное заглавие, но оно — было. Рассказ об этом явлении пишет известный Н-с[56]. Я читал его сам в 1925 или 26 г. в Ницце, во Франции, в собственной рукописи. А Н-су рассказала все сама участница события, сестра милосердия, по имени Варвара (фамилию забыл), помощница старицы-княжны Дондуковой-Корсаковой, которых я лично знал. Специальностью их была забота о заключенных в тюрьму: об освобождении от наказаний, о болящих в тюрьмах и т. п. С этими просьбами они шли к митрополиту Антонию Санкт-Петербургскому[57]; а он уже хлопотал перед Государем.

Княжна была худая и очень высокого роста, Варвара была ниже среднего женского роста и нехудая. Когда умерла княжна, ее дело продолжала Варвара. От нее-то и слышал Н-с и записал все с ее слов. И эта же рукопись попала в руки его родственницы за границу, моей знакомой; она и дала мне прочитать ее. Может быть, мелочи и забыл, но пишу верно.

На Обуховском заводе в Петербурге был простой рабочий. Фамилии его не знаю. Он страдал пьянством и его выгнали с работы. Начал голодать.

«А вы, господа, не знаете, что такое голод?!» — говорил он после сестре Варваре. И он решился добывать пищу воровством. В одном месте сушилось белье, никого не было вблизи.

Он подкрался и что мог украл. Если не ошибаюсь, припоминаю, что перед подобными делами он обращался к святителю Николаю — помочь ему.

Но украденное скоро было проедено и пропито, а «голод не тетка», говорит пословица. И рабочий снова обратился к этому промыслу. Но на этот раз его постигла неудача. Вора заметили и (кажется четверо) бросились за ним в погоню. Его ждала жестокая расправа. Впереди виднелся лесок, и он побежал туда, думая как-нибудь там скрыться. Погоня приближалась. Он увидел околевшую лошадь. У него мелькнула мысль скрыться в ней. Думать было уже некогда, погоня была совсем близко и не укроешься в небольшом лесу. И вот вор, не долго думая, бросился в требуху: грязь, вонь, черви, но ему не до того... Погоня, никак не подозревая такого укрытия, пробежала мимо, дальше. Вора они так и не нашли. Ушли. Все стихло. Вор вылез. И вдруг перед ним засиял свет сильнее солнца, и в нем явился святитель Николай... Далее я пишу как помнится (прошло уже 30 лет. — М. В.), точнее, как передавал сам вор.

— Ну, хорошо ли тебе было тут? — спросил святитель Николай.

— Плохо!

— Вот то-то! Так Богу и мне очень неугодны дела твои. Брось воровать, чтоб тебе не было чего хуже!..

Святитель исчез.

Рабочий скоро нашел себе дело. И перестал пить. Но скоро сорвался опять. И однажды утром он спрятался под Тучков мост и ждал жертвы. Подходила какая-то «барыня с сумочкой» (так он рассказывал сам), и вот выскочил он из-под моста и вырвал сумочку. Но уже было поздно. Обессиленный голодом и страдавший уже чахоткой, он беспомощно упал и не мог уже встать. А барыня добрая была. Она говорит: «Ты тут полежи, а я приведу извозчика». Скоро с ней подъехала лошадь и больного отвезли в больницу. Не помню, был ли над ним суд, но его перевели в тюремную больницу. И, видимо, конец был близок.

Вот тут-то он и встретил сестру Варвару и попросил ее привести священника — приготовить его к смерти, что она и сделала. Больной скончался. Это все он рассказал Н-су и тот записал... Слава Богу, скончался, бедный, в покаянии.

ИКОНОПИСЕЦ

Я был ректором Тверской Духовной семинарии [58]. И храм наш расписывали опытные художники под руководством академика. Один из них рассказал мне про себя маленькое событие.

Он жил в Киеве. Звали его Николаем. Работы никакой не мог найти. Хозяйка, у которой он снимал комнату, требовала уплаты, а у него и есть было нечего. И он рано уходил из дома и поздно возвращался, чтобы хоть не показываться ей на

глаза. Нередко он захаживал на толчок в поисках работы.

На этот раз он встретился там с товарищем — художником. И тот спрашивает его, не поможет ли он ему, у него работы много, а заказчица одна требует скоро написать икону. «Очень рад. Какую икону?» — «Святителя Николая».

Так святой одноименник выручил его из беды.

6. ПРОЗРЕЛ ЧУДЕСНО

Четыре дня тому назад А. Л., у которого я гощу сейчас, рассказал мне в разговоре о слепоте своей следующий известный ему факт.

В г. Алма-Ате жил четыре года слепой священник. В храме там есть частица святых мощей — пальчик св. великомученицы Варвары. Никакое лечение не помогало. Он обратился к Божественной помощи, отслужили молебен, приложили к глазам мощи, и он сразу прозрел.

Теперь архиепископ сам безнадежно слепой на оба глаза (глаукома), думает как бы ему съездить в Киев и помолиться св. великомученице Варваре, не исцелит ли Бог и его за ее молитвы? Но, может быть, прозрение нам и не нужно? Слепой по необходимости глубже вдумывается во внутреннюю жизнь свою, что важнее всего: «Царствие Божие внутрь вас есть», — сказал Господь (Лк. 17, 21).

7. ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ ЧУДЕСА

Предисловие

Их было немало. Некоторые случаи я уже не могу припомнить, хотя заглавия еще остались. Об иных я писал в других местах, теперь их повторю — это не беда. Да и лучше эти случаи собрать в одно, потому что они касаются веяний из того мира. А кое-что я вспомню здесь короче, чем в других местах, чтобы только указать на них.

Предупреждаю читателя (если Бог даст это), что я не имею права считать себя каким-либо «святым» человеком, сподобившимся особенной милости Божией, я довольно часто вспоминаю свою греховность — увы — доселе! а запишу для того, чтобы хоть один человек укрепился в вере при содействующей благодати.

Из Ветхого Завета вспоминается ослица Валаамова, с которой Бог сотворил великое чудо — она остановила пророка, ехавшего для проклятия избранного народа и заговорила с ним человеческим голосом. Из Нового Завета вспомнил правого разбойника, Закхея, гонителя Савла и множество других грешников. А читателя прошу, помяните меня, грешного.

В ДЕТСТВЕ

Я болел опасно воспалением легких. Мать дала обет Богу, если я останусь живым, то

она со мною отправится на благодарственное богомолье к св. Митрофану Воронежскому. Я, слава Богу, выздоровел. Вероятно, мне тогда было года полтора-два. Об этом наша семья знала. Но вот конец этого паломничества мать рассказала моей сестре (она и сейчас еще живет под Москвой, вдовою), а она мне лишь два года тому назад.

Мать стояла в храме св. Митрофана. Мимо нее проходил какой-то старец-монах. Я, младенец, вертелся возле матери. Он благословил нас, а обо мне сказал: «Он будет святитель!» И мать мне никогда об этом не говорила. А перед смертью завещала положить мою фотографию (передавала та же сестра) в гроб.

Царство ей Небесное! И этому неизвестному старцу!

Так и сбылось, слава Богу.

Кстати, она «понедельничала» за детей (постничала), но от нас всегда это скрывала. Собственно она воспитала и обучила всех 6 детей (троих в высших учебных заведениях и троих же — в средних). Спаси ее, Господи!

НЕ БОЙСЯ!..

После того прошло много-много лет. Почти до старости, я не помню явных чудес. События Промысла Божия были (и не мало), но я сейчас пишу о чудесах «из того мира». После я буду писать и о Промысле в жизни моей, что тоже

необычайно. Запишу не в историческом порядке, а как вспомнится.

Это было в маленьком Сербском монастыре во время эвакуации из России (я уже был епископом), приблизительно в 1922—1923 годах, в монастыре «Радовашница».

Сознавая свою греховность, я стал бояться иконы святого Архангела Михаила, стража славы Господней. Михаил с еврейского языка значит — «кто как Бог»! И потому он изображается на иконах с огненным мечом в правой руке и щитом в левой. Бывало, подойду к его иконе, а смотреть на него боюсь. Сколько времени продолжалось это, не помню, но, кажется, не менее двух недель, если не больше. Я не знал, как выйти из этого мучительного состояния. И однажды случилось следующее (не ручаюсь за подробности)...

Я стоял в храме (а может быть, и не в храме). Впереди — Господь Бог, но Он был невидим, хотя я точно знал, что Он там — впереди. Я в трех-четырех саженях дальше. А вот между Богом и мною и стоял Архангел Михаил с мечом.

Все это я видел, конечно, не глазами, а внутренне, не ясно. Вдруг между Архангелом и мною, слева, появляется Спаситель Иисус Христос в обычной одежде, как рисуют Его на иконах, голубого и красного цвета. Архангел мгновенно исчезает. Я даже не обращаю на это внимания. А Иисус Христос говорит мне: «Не бойся! Я твой Искупитель!»

И с того момента страх у меня пропал.

Я это тогда же приблизительно записал. Кстати, не помню, раньше или позже, эти же самые слова встретил в «псалмах» св. Ефрема Сирина. Иногда мне приходит даже мысль, не взял ли я их оттуда? Пишу это, ибо не хочу лжи, особенно в таком деле, да помилует меня Господь!.. Но событие это, как помню, было. Не умолчу о нем.

НА ТРОИЦУ

То было в сербском монастыре «Петковица». («Петки» по-сербски — «пятница», а «пятница» с греческого слова «параскеви», подготовительный день к субботе; и есть мученица и преподобная Параскева, частица мощей ее была в этом сербском монастыре «Свята Петка»). Монастырь стоял в 30 километрах от г. Шабац. Он находился в распоряжении русских монахов (20—25 человек нас собралось здесь, в 1923, кажется, году). Службы мы там совершали «по уставу» довольно полно.

На праздник Пятидесятницы, после литургии, как известно, отправляется вечерня с тремя большими коленопреклоненными молитвами святителя Василия Великого. Но по уставу должно бы перед нею прочитать (как и всякий день) 9-й час. Но в мирских храмах (тоже всякий день) его обычно спускают, у нас же его всегда читали. Начали читать и на этот раз. Я в

облачении, конечно, и с букетом цветов в руках, почему-то вышел из алтаря и стал на клиросе (как помню)...

9-й час чтец спокойно читает речитативом. Я же, и тоже спокойно, под его спокойное чтение думаю совсем об ином: смотрю на цветы и, по обычаю, дивлюсь: вот живое чудо! Говорят чудес нет? А в моих руках — чудо Божие, цветы. Как и отчего эти цветы? Совершенно не понимаю! В ботанике говорят, что цветы своим цветом привлекают насекомых и тем оплодотворяют растения. Не спорю. Хотя для меня это кажется крайне односторонним, неполным. А красота? Неужели она не имеет другого назначения?

Но и не в этом дело, не в вопросе «для чего», а в ином вопросе «отчего?», как это произошло и происходит? Совершенно непостижимо мне...

И не мне одному. Вот в 1954 году ко мне, в Ростове[59], обратился профессор университета по кафедре именно ботаники. В первую войну с немцами Варшавский университет был переведен в Ростов-на-Дону. И с ним эвакуировался и этот профессор. Всего он прослужил 40 лет. Организовал здесь ботанический сад (кажется, на 172 гектарах). И вышел недавно на пенсию. После этого (а вероятно, в душе и раньше) он стал заниматься религиозными вопросами. И обратился ко мне с письмом, чтобы я порекомендовал кого-нибудь ему для руководства в религии. Я тогда не смог указать

авторитетного и способного помощника ему и поехал сам. В разговоре я, между прочим, спросил его: понимает ли он, почему розовые цветы бывают и красные, и желтые, и белые?.. Он спокойно помотал головой и говорит:

— Нет!

— А почему на цветах «анютины глазки», на лепестках, бывают еще маленькие кружочки: то фиолетовые, то с желтыми ободочками, то с белыми?

— Нет! — И потом добавил: — Я не понимаю, почему и корни есть? И почему они такие?..

Так и я смотрел на цветы в праздник Святой Троицы, как и всегда, так и теперь, как на непостижимое уму явление: факт — вижу, а понимать ничуть не понимаю...

Девятый час спокойно читался. Ни в каком экстазе, как видно и сейчас, я не был. И вдруг случилось еще более непостижимое.

В цветах, но не в самих цветах, а лучше сказать, через цветы, причем, цветы нисколько не помешали, «материя» ничуть не задержала духовного мира, духа: как это? Не могу объяснить, но явившееся ни мало не зависело от цветов, а было из «особого мира»...

И вдруг (впрочем постепенно, незаметно, как бы «легко») «явился» Бог. Я повторю: ни в каком экстазе или истерии я решительно не был ни прежде, ни в этот момент, ни даже после... Не человекообразно, а именно невидимый, но истинно существующий Дух «явился». Сравню,

если бы «ожил» окружающий нас воздух. Потом одно мгновение я ощутил, что Бог — Троица и Один! Не спрашивай, читатель, как? Что такое? Я объяснить никак не могу. Но это факт! Так было минуты две...

НА МОЛИТВАХ

Многое, непостижимое уму, испытывалось мною. Однажды я записал: «Отныне для меня нет дороже слов как Отец и Святой Дух». И тогда при произнесении их я заливался сладкими слезами или совсем прекращал молитву — не мог! Сил не хватало говорить. Так же при слове «Бог», «И рече Бог», «Христос», «Богородице»...

При чтении Евангелия — иногда.

Между прочим, поэтому я любил (накануне Рождества Христова, Богоявления, Пасхи) служить в домовой церкви один. Это повторялось почти каждый год.

А однажды, в первый год монашества, я на молитве почувствовал, как будто кто сказал: «Больше сейчас не молись»! Я чувствовал, что близок к смерти, или сердце разорвется! И при всем этом я искренне вижу себя, как и есть, грешником! Да и от сознания грехов тогда плачу... И это, я знаю, не от меня, не от ума, а от благодати, от Бога. Это для меня — такой же факт, как я вижу эту книгу.

Одно время у меня встал вопрос: удалить ли от себя некоего сотрудника или же потерпеть? Ум говорил одно, а христианская любовь другое. И в этом недоумении я написал письмо Святейшему Патриарху. Он ответил мне в том смысле, что и правда должна быть с любовью, и любовь с правдой. Написал я второе письмо с более подробным разъяснением. Он мне ответил. Теперь уж позабыл что. И я продолжал колебаться.

Однажды я лег спать в 3 часа утра, дел было много. И только я лег в постель и потушил электричество, как в это мгновение (я нисколько еще не засыпал, это я точно знаю) около стола спальни, перед окном комнаты, с левой стороны от входа, в полутемноте (светилась малюсенькая электрическая лампочка) увидел полутемную фигуру Божией Матери (без Младенца Иисуса Христа), сидящей на стуле в смиренной позе с нагнутой направо головой.

И ТАКАЯ ОНА БЫЛА СМИРЕННАЯ!

И этим она указывала путь смирения мне. Это длилось минуты три. Я был спокоен. Написал патриарху, он ответил мне: самому решать вопрос. А через месяц или два тот человек сам подал просьбу об отставке.

ПАРАКЛИСИС

Этим греческим словом называется молебен Божией Матери (напечатан в часослове: «Многими содержим напастьми»), поемый в скорбях.

Однажды, это было в Крыму (около 1917 г.), у меня сложились очень трудные обстоятельства и я не видел исхода из них. Поэтому я открыл часослов и начал читать параклисис Богородице. И не успел я прочитать еще и половину канона, как пришли люди и все выяснилось совершенно благополучно.

Случай, по-видимому, очень простой, но для меня он был неожиданным, чудесным. И потом молился я очень немного, минут пять. Милостива Царица Небесная!

ОЖИВШИЙ МЕРТВЕЦ

Это я читал в Оптинской пустыни, вероятно, в рукописи. Дело было в 1913 году, вероятно. Я приехал, кажется, туда во второй раз и меня поместили в скит для отдыха.

Накануне Успения, часов в 10 утра, приходит ко мне из монастыря благочинный, о. Феодот. Чинно помолился и поздоровался со мной, спросил как мое здоровье. Вообще как чувствую. А я подумал про себя: «Как светский человек начинает разговор». Потом он перешел к главному предмету.

— Батюшка (так называют в монастырях

только игумена, а прочих — отец такой-то) просит вас сказать завтра проповедь за поздней.

— Нет, нет! — отвечаю.

«Почему?» — «Я приехал сюда отдохнуть. Да и чему я буду учить вас, монахов?» Долго мы пререкались. Наконец я говорю, чтобы отделаться от о. благочинного:

— Ну, я спрошу о. Нектария (старца).

— Хорошо, хорошо! — согласился о. Феодот и ушел в монастырь, а я направился к старцу (он жил в скиту, в «хибарке», где жили и о. Амвросий, и о. Иосиф).

Не буду подробно описывать беседу (см.: «Оптина») с о. Нектарием, но он благословил говорить.

Обычно найти тему для проповеди мне не доставляло затруднения. Но на этот раз, с самого обеда до всенощной, я не мог остановиться ни на чем. Пошел ко всенощной в монастырь, надеясь, что услышу какую-нибудь мысль из богослужения. И действительно, или в стихирах на литии, или на стиховнях мелькнула мысль:

«СРОДНОГО ПРИСВОЕНИЯ НЕ ЗАБУДИ, ВЛАДЫЧИЦА!»

И мысли побежали одна за другой. А в заключение мне припомнился чудесный случай из жития святителя Тихона Задонского, кажется, я о нем вычитал рукописи в библиотеке скита...

В Задонском монастыре жил на покое святитель Тихон. Однажды, в Великом посту, на него напала тоска. И он написал своему духовному

другу Кузьме (а фамилию забыл) в г. Елец (в 30 верстах от Задонска), чтобы он приехал и утешил его. Кузьма был подьячим (судейская должность) и старостой какого-то храма. Приближалась Страстная неделя и Пасха. Хлопот много по церкви. Но главное, тронулся лед под г. Ельцом и путь к Задонску был прерван. Но Кузьма был послушен святителю. Оставив все другие дела, он решился перейти реку по льдинам... Так и сделал. Явился к угоднику Божию... Тот даже подумал: «Не приведение ли это?» Но Кузьма прочитал стих из псалма: «Да воскреснет Бог». Они стали беседовать.

В это время рыбак принес пойманного язя. Шла шестая неделя поста, рыба не полагается — кроме Благовещения и Входа в Иерусалим. Но келейник, ради гостя, пошел спросить святителя, не купить ли?

Св. Тихон подумал и сказал: «Вход-то будет, а Кузьмы-то у нас не будет». И благословил купить рыбу. Келейник сварил уху, а рыбу хотел подать отдельно. Владыка налил гостю и себе. Но Кузьма вдруг сильно заплакал.

«Что ты плачешь? — утешает теперь гостя святитель,— я сам ведь ем». И он хлебнул несколько ложек. А Кузьма все плачет.

— Чего же ты плачешь?

Вот тогда гость и рассказал чудесную историю. Напишу ее как запомнилась.

«Когда я был еще мальчиком, здесь, в монастыре, игуменом был о. Варсонофий. Он хороший

был человек, любил читать акафист Божией Матери, но страдал винной болезнью. И однажды нетрезвый скончался. Братия не знала, по какому чину хоронить его. И отправили послов, спросить архиерея. От Воронежа до Задонска 90 верст. Но архиерей выехал в это время в Острогожск, кажется, на освящение храма, верст за 60. Послы получили разрешение похоронить по монашескому обычному чину и поехали назад. Это заняло несколько суток.

Когда стали усопшего облачать, он вдруг ожил и сел в гробу. Все были в ужасе.

— Я, кажется, умер? — спрашивает он окружающих.

— Уже три дня,— ответили ему.

И вот, что он рассказал про себя.

Когда я умер, то надо мною был суд. И за грехи мои я присужден был на муки... И меня уже начали опускать вниз. В это время послышался с неба голос: «За молитвы его матери возвращается в жизнь на покаяние!»

А потом тот же голос говорит:

«Это место будет прославлено одним Моим угодником!»

— Вот этот угодник и есть ты, владыка святый! — захлебываясь в слезах, сказал Кузьма.

Святитель Тихон упросил его никому об этом не говорить до смерти. Игумен прожил после этого 40 дней и каждый день исповедовался. А потом и окончательно умер.

ВИДЕНИЕ СВЯТИТЕЛЯ ПИТИРИМА ТАМБОВСКОГО

Вчера архиепископ Лука (у которого я сейчас гощу), рассказал мне следующий факт из жития святителя Питирима, который до пострига в иночество носил имя св. Прокопия Декаполита.

Но св. Питирим и после пострига молился усердно св. Прокопию. И однажды он явился епископу Питириму совершенно явно и сказал ему: «Я всегда внимаю твоим молитвам ко мне!»

АНГЕЛЫ

П. Н. М-н[60] рассказал мне про своих детей следующее.

В их семье был обычай приходить перед сном грядущим в спальню девочек, чтобы попрощаться с ними и перекрестить их. Дверь отворялась бесшумно. И однажды, тихо войдя в комнату, он услышал разговор между ними.

— Они придут к нам?

Отец подошел к ним и спокойно спрашивает: «Про кого вы говорите? Кто придет к вам?»

— Ангелы,— совершенно спокойно ответили они.

— Они приходят к вам?

— Да! — спокойно отвечали дети.

«Я,— говорил мне В. Н. А.— больше не стал расспрашивать их, перекрестил их и тихо вышел».

Мать детей, урожденная Б-я[61], была святой жизни.

Этот случай был рассказан мне в 1920 году.

«МАНЬКУ ВЗЯЛИ»[62]

В одной бедной семье заболела девочка. Звали ее попросту Манькой. Немного старше ее была сестренка (имени не помню). Вдруг она обратилась к матери с восклицанием:

«Мама, мама! Маньку взяли Ангелы». Больная в тот момент умерла. Это мне было рассказано в 1923 году.

КАДЕТ

Я был законоучителем в заграничном кадетском корпусе (1924—1925 годах). Был духовником учеников. Однажды после причащения приходит кадет Иванов, лет 15, — первый ученик в роте (так там назывались классы). Он заявляет мне, что после причащения стал чувствовать себя «весом легче».

Я выслушал его, но объяснить это не мог. А он уверял меня, что это чувствовал.

Никто подобных вещей не говорил ему, сам он это придумать не мог. Значит, это было непосредственное восприятие какого-то сверхъестественного факта.

Теперь я думаю, что Святое Причащение одухотворило его и телесную природу, и она стала легче.

Господь Иисус Христос еще при жизни являлся и исчезал, проходил сквозь запертые двери, вознесся. Пророк Аввакум был перенесен во мгновение в Вавилон, в ров к пророку Даниилу. Святой апостол Филипп, окрестив евнуха, потом сразу оказался в Газе.

То же было и со св. Серафимом Саровским и с другими.

СЕРДОБОЛЬСКИЙ СВЯЩЕННИК

В г. Сердоболе (финляндское имя — Серта-вилан) был священник (фамилию я позабыл). Известно было, что он едва окончил Санкт-Петербургскую Духовную семинарию, был малоспособный. На последнем уроке один преподаватель спрашивал, куда кто пойдет? «Ну, а вы, Н. Н., куда собираетесь?» — дружелюбно, но не без иронии, спрашивает он его. «В священники», — скромно отвечает семинарист. «Ну, какой же из вас может быть священник?» Он по малоспособности оставался на второй год, где только было возможно и кончил курс семинарии в очень позднем возрасте.

Но из него вышел примерный пастырь. Рассказывали, что во время исповеди, едва ли не после каждого греха, он за исповедующегося клал земные поклоны, да и вообще на молитве клал много земных поклонов, так что у него на

лбу были даже мозольные шишки. Бедных оделял непременно милостыней. Архиерей назначил его благочинным.

Однажды ему нужно было поехать причастить умирающего. А путь был по озеру на лодке. Крестьяне отказались везти, бурный ветер и огромные волны пугали и опытных рыбаков.

«Чего вы боитесь? — говорит им батюшка,— ведь со мною Сам Господь во Святых Дарах!» Они наконец согласились. Он плыл совершенно бесстрашно. Все благополучно возвратились.

Царство ему Небесное! Конечно, он уже не в живых, теперь ему было бы лет 90—100!

МАЛЕНЬКИЙ ФАКТ

Со мной в одном классе духовного училища учился товарищ Нечаев Александр. Он крайне был беспамятлив, даже простых вещей из священной истории не мог запомнить. Но был очень благочестив. И вот перед экзаменом он выбрал себе 15-й билет, выучил его твердо и, положив его на грудь свою, вышел на экзамен. Билет, который он вытянул был пятнадцатый. Но со второго класса он вынужден был оставить училище по исключительной неспособности.

ЯВЛЕНИЕ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

Это было к концу 1924 года в Сербии. Я был назначен законоучителем и духовником в

Донской кадетский корпус (в г. Вилечу). В то время проживал в Белграде. Перед отъездом туда ко мне приходит С. М. З-ва [63] и обращается с просьбой.

Отец ее, известный в Москве доктор Зернов, заразился брюшным тифом. К нему приставлена была специальная сестра милосердия. Доктор, готовясь к смерти, исповедовался и причастился. Стал поправляться. Но заразилась сестра милосердия. Ее место заняла дочь доктора, эта самая С. М.

Пока больная была еще в сознании, она рассказывала историю своей жизни, и в частности, грехи, этой С. М. Приглашали и к ней священника, но всякий раз, когда он приходил исповедать ее, она теряла сознание. Так без сознания и скончалась.

После смерти умершая стала являться во сне С. М., грустная, умоляющая. Это было много раз. Тогда она обратилась к епископу Ф-ну [64] за советом. Он сказал ей:

— Найдите какого-либо священника, который согласился бы отслужить по усопшей сорокоуст *, а потом совершил бы погребение, на котором прочитал бы разрешительную молитву. А вы запишите все грехи, которые помните по рассказам усопшей, и пусть священник прочтет их перед разрешительной молитвой.

---

* В данном случае «сорокоуст» значит: сорок обеден, сорок литургий, которые совершаются в память об умершем.

Как раз я прибыл в Белград. С. М-на (она была моя хорошая знакомая) и обратилась с этой просьбой ко мне. Я охотно согласился.

Через день-два я поехал к месту своего назначения. Езды было, кажется, более двух суток. А приехав в Вилечу, я неожиданно заболел местной лихорадкой и слег в кадетскую больницу на 2 недели. По возвращении тотчас начал сорокоуст. И вот в 37 или 38 литургию я получаю письмо от С. М., где она сообщает, что усопшая явилась ей опять, радостная, и благодарит ее за молитвы. После 40-й литургии я совершил погребение, а перед разрешительной молитвой, удалив всех из церкви, прочитал записку с грехами и разрешил. Усопшая перестала являться.

ДВЕ СМЕРТИ

Мой новый знакомый, архимандрит Назарий, ныне наместник Патриаршего монастыря в Одессе, рассказал мне следующее (19/IX—1955 г.), когда сопровождал меня к аэропорту (я летел в Ростов). Ему уже около 80 лет.

Умирал известный ему вор. Минут за 20 до смерти вдруг он со страхом в присутствии его и других стал неистово кричать: «Братцы! Братцы! Помогите, помогите! Вот они (т. е. демоны) идут, идут!» И так он кричал минут 20! И, наконец, скончался.

Мне же вспоминается другой случай. В моем доме в Нью-Йорке умирал другой человек, архи-

мандрит Евфимий, ему было 73 года. Перед концом жизни он просил Господа послать ему болезнь, хотя бы на 3—4 месяца. Но случилось так, что он проболел около 3 лет. У него был рак желудка. Ему сделали операцию прямой кишки, а для выхода пищи прорезали с правой стороны (вероятно, 12-перстной кишки, не знаю анатомии) дыру, и он должен был постоянно промывать свой дренаж, что делал сам.

Но последние семь недель лежал у меня в квартире и не мог принимать не только пищи, но даже воды, его тошнило. И он, бывало, помочит только концы пальцев и проведет ими по губам. Конечно, за ним был уход особого человека. Бывало, зайду к нему в комнату и спрошу: «Ну, как, о. архимандрит, себя чувствуете? Болит ли у вас где-нибудь?» «Нет»,— спокойно отвечает он.— Удивительно! Он никогда не жаловался на боль. И не думаю, чтобы он скрывал это, боль не скроешь. Говорят, будто бы при операции ему намеренно затронули какой-то чувствительный нерв. Но факт остается, он никогда не жаловался. Однажды добавил: «Только вон вдали стоят демоны». Последний день провел так же спокойно. Доктор осмотрел его.

«Ну, что?» — спрашиваем. «Может быть, завтра умрет, может быть, ныне!» Я ушел из дома. Через 20—25 минут безмятежно прекратил дыхание. За мной послали. Высох он чрезвычайно. Ноги были совершенно черные от колен и ниже.

В КОЛЯСКЕ ВИДЕНИЕ

В Тамбовской губернии, недалеко от Саровского монастыря, находилось имение князей Енгалычевых (из бывших татар). Это было еще в крепостное время. Нижезаписанное рассказано вышедшей из этого рода замуж за Ильинского — моей знакомой старушке, которой сейчас идет 90-й год. Она сообщила мне.

Муж этой женщины был вспыльчив безудержно. Однажды он так рассердился, что выгнал зимой ее на мороз. Крепостные, зная злой характер князя, не осмелились принять ее в хаты. И она отморозила обе ноги. Муж опамятовался, но уже было поздно. После она совершенно не могла ходить и для нее сделали коляску.

Муж умер раньше ее. Потом скончалась и она; но после — перед тем, как кому-либо умереть,— она являлась: слышался стук коляски, видели ее катившуюся в комнаты и потом видение исчезало...

СЕРБ ПЕТРО

В Сербии есть обычай, когда кто-нибудь умирает и не может кончиться, то зовут одного богомола в дом, который читает св. Евангелие или же он ходит в ближайшие монастыри с просьбой помолиться об умирающем, чтобы скорее кончились его муки.

Таким был в той области, где пришлось мне проживать, старик-серб Петр.

В одном селении долго страдал смертник. Петр тихо читал Евангелие. Умирающий что-то бормотал в бессознательном состоянии. Потом он очнулся и сказал Петру, что он видел бесов, которые подталкивали других, бывших впереди, чтобы они взяли душу, но те отвечали: «Не можем идти дальше, там читают книгу!» Тогда Петр пошел за священником. Тот исповедовал умирающего (он давно не исповедовался), на другой день причастил его. И умирающий, не видя больше бесов, спокойно скончался. И в России читают над умершими Псалтирь, а над священниками — Евангелие. Об этом дальше.

ЗАЧЕМ ЭТО?

В самом деле, зачем читается над умершими мирянами Псалтирь, а над священниками — Евангелие? Ведь он уже не слышит читаемого. А живые не слушают, значит Евангелие и Псалтирь читаются для усопших. Так это и понимают родственники усопшего и сам читающий. Какой же смысл в этом?

Я, еще маленьким мальчиком, читал Псалтирь над Васенькой, сыном фельдшера нашей округи. Ночь. Все уснули, я один вслух читаю псалмы и междупсалмия. Один раз мне почудилось, будто Васенька оживает. Но это, конечно, было воображение.

Много после, я услышал объяснение этого обряда от инспектора СПб. Духовной академии, А. Ф-на (я был уже студентом), чтение слова Божия отгоняет от усопшего темную бесовскую силу, ибо в слове Божием — сила Божия, или присутствует Сам Бог!

А народ, не мудрствуя и не объясняя, знал это по преданию и по опыту. И мне так объясняли в детстве, хотя я и мало тогда понимал. Только читал.

ПРОМЫСЛ БОЖИЙ

Это тоже нужно отнести к чудесному проявлению сверхъестественного мира. Промысл Божий охраняет всю нашу жизнь. Но иногда бывают особые случаи. Запишу некоторые.

Иному они покажутся обыкновенными историями. Но мы считаем их делом Божественного промышления. Спорить не будем. Не хочется, да и сам читатель пусть разбирается в этом, случайны ли эти явления или же нет.

ПУТЬ ПРОМЫСЛА НАД НАМИ

У меня в архиерейском доме живет старушка 90 лет. Не раз мы, перебирая прошлую жизнь свою, все более и более убеждались в истине Промысла Божия.

Ее семья и наша были совершенно далеки и незнакомы друг с другом. Да и не могли быть

близки. Она принадлежала к дворянскому богатому классу, наш же отец родился в семье крестьянского класса крепостных времен, а мать — дочь диакона. Мы жили в Тамбовской области, а они в Волынской. А теперь — вместе.

Вот как это случилось.

Ее муж, С. Н. О-в, был председателем земской управы. И находился в дружеских отношениях с архиепископом Антонием (Храповицким)[65].

Однажды архиепископ выезжал из Житомира в Петербург на летнюю сессию Священного Синода. В числе провожавших его был на вокзале и С. Н. О-в. Вдруг приходит телеграмма от инспектора Санкт-Петербургской Духовной академии Феофана, где он просит архиепископа устроить его где-либо в епархии на отдых и что он уже выехал в Житомир. Что делать? Архиепископ обращается к С. Н. и просит его помочь ему как-нибудь устроить о. архимандрита. Тот без всяких возражений слушается. Поезд на СПб. уходит. А С. Н. едет к своей религиозной жене, ныне 90-летней старушке, и передает это дело на ее руки.

Так завязывается знакомство архимандрита Феофана с семьей С. Н. О-ва. Ей было тогда около 40 лет. Скоро она делается духовною дочерью архимандрита.

Его устраивают на даче, специально для него снятой. Начинают прежде всего лечить его, о. Феофан был весьма истощен. «Это не человек, а живые мощи», — говорит доктор.

Нанимают для него пару лошадей с кучером; приставляют к нему служку, перса (крещеного сироту) лет 15, чистят и моют его квартиру, когда он с дачи уезжает в Житомир на литургию. Посредником же между ними и женою Об-ва является ее сын, 8-летний Колечка.

Здоровье архимандрита улучшается.

Перед отъездом О-вы просят его найти для двух детей домашнего учителя. Он предлагает меня, бывшего его студента 4-го курса.

К Рождеству 1906 года я еду в Житомир. Так совершенно неожиданно завязывается связь и моя с этой семьей. И с той поры идет уже почти 50-й год нашего знакомства.

Потом я постригаюсь в иночество и будто бы ухожу от семьи их. Но это лишь казалось.

Наступает революция 1917 года, О-в назначается в Чернигов вице-губернатором. На пути туда (через Севастополь и Одессу) С. Н. перед отходом парохода идет помолиться (он всегда был религиозным) и слышит поминовение какого-то Вениамина — архиерея.

Ничего не зная о моей хиротонии и месте назначения, он спрашивает в церкви: «Какой это Вениамин?» И узнает, что это я. Немедленно он возвращается на пароход и объявляет жене, что тут «наш» Вениамин. Оба спешат ко мне. А я в тот момент был в Симферополе, вместо епархиального архиерея, состоявшего членом синода Юго-Восточного Церковного Управления. Немедленно возвращаюсь в Севастополь,

и мы сговариваемся сразу, чтобы Об-ва жила в архиерейском доме моем, а он ехал в Чернигов один.

Так завязывается третий узел: я и Об-ва. Но Чернигов уже занят и Одесса в опасности. С. Н. возвращается ко мне в Севастополь, но уже зараженный тифом, и умирает здесь. Его жена остается жить у меня.

Наступает эпоха крымская: 135 000 беженцев выезжают из Севастополя в Константинополь. Об-ва остается в Севастополе одна, и, кажется, связь порывается совсем или на неопределенное время.

Но тут новый Промысл Божий. Сев на корабль, я вспоминаю, что в архиерейской квартире своей я забыл маленькую иконку св. Архангела Михаила и посылаю за нею своего секретаря. Иконочку не нашли. Секретарь возвратился.

Но потом Об-ва нашла ее; и встретив свою знакомую, они едут на тот же корабль. Эта знакомая берет ее на свою ответственность, ибо я решительно не знаю, куда я сам поеду из Константинополя, а знакомую ждет там муж.

Так совершенно неожиданно из-за маленькой иконочки св. Архангела Михаила, мы опять оказываемся вместе в Константинополе. Здесь она узнает о расстреле своего сына Колечки... И едва стоя на ногах, прислоняется к фонарному столбу, чтобы не упасть.

А после она прочитала всю Библию и во всем видела промыслительную руку Божию:

и в судьбе народов, и отдельных людей. И совершенно успокаивается от смерти сына. И никогда не осуждает эту власть, на все Промысл Божий.

Через несколько лет, поживши в разных странах, мы опять встречаемся, сначала в Сербии, а потом и в Париже.

Здесь встречается и архиепископ Феофан.

Казалось бы никакой нужды в этом нет. Но Промысл Божий посылает его за границу для борьбы против ложного учения митрополита Антония об искуплении. Я также начинаю заниматься этим вопросом, дальше будет видно почему.

Митрополит опровергается. У меня собирается масса материалов по этому вопросу. Архиепископ Феофан пишет против учения митрополита Антония блестящий доклад.

Потом митрополит умирает.

Меня посылают в Америку. Архиепископ Феофан живет почти в затворе, ежедневно служа в своей квартире литургию. Это продолжается много лет. И эта жизнь его проходит в сокровенной молитве. По его благословению и М. А. (Об-ва) едет тоже по моему вызову в Америку.

В 1948 году мы возвращаемся в Россию по вызову патриарха Алексия (сначала в Ригу, а потом в Ростов).

Когда в Европе мы жили раздельно с М. А. (ее я постриг в монашество с именем Анна),

я писал ей письма о 12-х праздниках, которые теперь размножены и перепечатаны на машинке.

Сравнительная свобода за границей дала мне возможность заняться этими трудами. Но в России меня ждала (помимо епархиальной) и другая работа: борьба против ложного учения о. Г.[66] об искуплении, о чем у меня еще за границей образовалась масса (до 500—600 стр.) материалов, которые теперь перепечатаны уже. И о. Г., как и м. Антоний, был опровергнут (конечно, не мною одним) и даже удален из профессоров академии Ленинграда указом патриарха.

На этом пока и кончаю.

Что далее будет? Воля Божия! На нее мы крепко надеемся и спокойно предаем себя в премудрое ведение Промысла Божия! Скоро и смерть: мне завтра уже 76-й год начнется. Слава Богу!

В заключение мне вспоминается изречение уфимского архимандрита Мартиниана: «Господь Своих слуг готовит с малолетства»...

Лишь бы покаяться...

НА ЭКЗАМЕНАХ

В 1903 году я держал вступительные экзамены в Санкт-Петербургскую Духовную академию. На них обратил мое внимание следующий факт.

Утром, совсем почти перед самым экзаменом по Священному Писанию Ветхого Завета, ко мне

подходит товарищ, Саша Ч-цан, и говорит: «Скажи, пожалуйста, что такое 3-я книга Маккавеев?» Я начал припоминать ему, но очень слабо. «Давай лучше откроем учебник и посмотрим». Прочитали. И тут же пришлось идти на экзамен. Спрашивали с конца алфавита: «Федченков». Вынимаю билет: «3-я книга Маккавеев». Получаю высший балл.

На годовом экзамене, после окончания 1-го курса, я один раз только прочитал лекцию профессора Н. Н. Глубоковского, а во второй раз дошел лишь до половины 21-го билета (а всего было около 50-и). Больше не успел. Выхожу и вынимаю 21-й билет. Рассказываю до половины его... Профессор не знает, что вторую половину плохо помню; думая, что я все хорошо знаю, задает мне два-три вопроса, и я опять получаю высший балл.

БРАТЬЯ ЭММАНУЭЛЬ

В г. Симферополе жила семья Эммануэлей. Об описываемом ниже я узнал от друга их, а после и от кадета, жившего с одним из них в одном словацком городке. Семья — православная.

...Их было трое. Все они были офицерами. Шла война 1914 года. Дома оставались только престарелые отец и мать да прислуга.

Однажды ночью около кровати матери появляется светлое пятно и в нем старший сын, Лева,

с окровавленной головой. Потом видение исчезает.

Мать будит отца и рассказывает ему видение. На другой день он пишет письмо в полк. И оттуда приходит такой ответ. Было сражение. И над головой Левы разорвалась граната, он упал, и все считали его убитым. Мимо этого места проезжал офицер, близкий знакомый Левы, сын их прислуги. Увидя Леву, он слез с лошади, чтобы отобрать вещи и послать их родителям, думая, что тот убит. Но к удивлению своему, он заметил в нем признаки жизни. Поспешно поднял его на лошадь и отвез в медицинский участок. Лева остался жив. Так этот офицер отплатил своим господам, что они обучили его.

Со вторым сыном произошло тоже необычайное совпадение. Имя его я не знаю.

Желая выехать из Севастополя, он купил уже билет на пароход. Но когда пришел садиться на него, то не нашел билета. Думая, что он оставил его по рассеянности в квартире, бросился бежать обратно. Но и там не нашел. Стал обыскивать опять свои карманы и нашел его в боковом кармане тужурки. Оказывается, в спешке он сильно вспотел и бумага приклеилась к одежде. Теперь он опять бежит к пристани, но пароход уже отошел. После выяснилось, что на этом пароходе перебили офицеров. А он таким образом спасся.

Но самое необыкновенное происшествие

было с третьим сыном, Владимиром Александровичем. Началось это так.

На квартире у них делали обыск. Пошли и на второй этаж с отцом, а караулить мать оставили солдата. Видя его доброе лицо, она заговорила с ним.

— У вас мать есть?

— Да, есть.

— Из какой вы губернии?

— Из Самарской.

«Вот видите, как вы преследуете наших детей. Если бы так же обращались с вами, то каково бы вашей матери было?» Солдат промолчал.

«Я попрошу вас, если каким-либо образом можете помочь кому-нибудь из них, то сделайте это, во имя вашей матери». Солдат опять промолчал. Обыск кончился. Никого и ничего не нашли. Ушли. Через несколько дней арестовали Владимира и посадили сначала в тюрьму. Потом присудили его и других человек шесть к расстрелу. А расстреливали обычно ночью, за вокзалом железной дороги, и расстрелянные падали в приготовленную огромную могилу. К осужденным приставили человек пять солдат. Поставили их на краю могилы и выстрелили по ним. Но Владимир, хотя и был ранен, но несмертельно. Дальше, со слов его, кадет рассказал мне в классе следующее.

Когда залпы стихли, какой-то из солдат говорит: «Чтой-то, ребята, страшно!» И почти бегом побежали от могилы.

Тихо. Владимир поднимает голову и видит, что и другой ранен лишь. Прочие — мертвы. Решили ползти в противоположные стороны. Потом Владимир встал и поплелся по пути железной дороги. Вдруг недалеко перед ним вырисовывается в темноте человек с ружьем. «Должно быть караул!» На всякий случай Владимир падает на землю, может быть еще и не заметили его? Но тот кричит: «Встать! Руки вверх! Кто вы?» Владимир, видя неизбежность второго расстрела, покорно все сказал.

— А Н. Н. с вами не было среди расстрелянных?

— Нет!

«Это мой брат! И я шел разыскать его, не бойтесь меня!» И человек с ружьем повел его дальше. К сожалению, я далеко живу, на противоположной стороне города. Но у меня около вокзала есть знакомый рабочий, я отведу вас к нему».

Пришли. Зажгли лампу. Недалеко шумели пьяные матросы. Увидев огонь поздней ночью, они шумной толпой ворвались в квартиру. Хозяин просит их оставить помещение, но они не уходят. Тогда рабочий угрожает им комендантом вокзала, но и это не действует. Тогда он быстро идет к коменданту и просит защиты. Тот пишет приказ, прикладывает печать и посылает с ним дежурного солдата. Матросы удаляются. Солдат спрашивает:

«Кто вы?» — Владимир, видя роковую развязку, откровенно рассказал.

— Как ваша фамилия?

— Эммануэль.

— Как?

— Эммануэль.

— Вам кланяется мама ваша.

Оказывается, это был тот самый солдат, которого мать просила помочь ее сыну, если случится встретиться с кем-нибудь. Кое-как раненого перевязали, и (если не изменяет мне память) сам солдат нашел извозчика и отвез его в больницу в Новый город, за рекой Салгиром.

Так чудесно спасся и третий сын. Сильна молитва матери!

Продолжение этой истории мне пришлось услышать уже за границей. Я был законоучителем в Сербии, в г. Вилеча, в кадетском корпусе. И эту историю рассказал на уроке старшей роте. С места поднимается кадет, лет 20, и говорит мне: «С этим Владимиром Александровичем мы живем в одном городке. И он все это самое рассказывал и нам. Но он кое-что добавляет еще». Он мне передал слова солдата: «Что-то страшно» — и др.

НЕЧАЯННО РАССТРЕЛЯННЫЙ

Это я услышал в Алуште от самих родителей и попросил мать записать об этом случае подробнее, точнее. И теперь снимаю копию.

«Это случилось в Заполярье 27 марта 1946 года на Крестопоклонной неделе. Были школь-

ные каникулы. Мой единственный сын, Коля, 14 лет, спал со мною в одной комнате. В эту ночь я вижу сон: я стою с Коленькой в поле и держу его за левую руку. День ясный и необыкновенно тихий. Мы совсем одни. Вдруг я слышу голос с неба:

«Посмотри в последний раз на своего сына. Ты никогда его больше не увидишь». Обернувшись к Коленьке, я с ужасом увидела, что он стал чернеть и окаменевать. Меня охватило такое чувство страха и отчаяния и так начали душить слезы, что стало трудно дышать... И проснулась я все еще задыхаясь.

Потом протянула руку к его изголовью и, убедившись, что он тихо и спокойно спит, я встала, оделась, и принялась за обычные домашние дела. Муж после утреннего завтрака уехал на работу в Кировск. А Коленька, как всегда, очень жизнерадостный и веселый, немного почитав, пошел кататься на лыжах. На улице он встретил товарища. Этот мальчик (сын одного офицера, политрука, приехавшего из армии в отпуск) брал у меня уроки немецкого языка, он и позвал к себе Коленьку.

Оставшись одна, я взяла скроенную рубашку сына, намереваясь ее шить. А затем, не сделав ни одного стежка, отложила ее в сторону и начала шить мужу.

Вдруг я услышала странный звонок, долгий и непрерывный. Я испугалась, а когда открыла входную дверь, увидела товарища Коленьки — бледного и дрожащего. Он мне сказал, плача: «Идите скорей, Коля умер».

И почти тотчас же показался за ним офицер, который нес на руках моего сына. Увидев меня, офицер спросил с каким-то искаженным и страшным лицом: «Куда его?» Потом внес вслед за мной Коленьку, положил его на кровать, выбежал в коридор, упал на пол ничком и стал колотиться руками и ногами об пол громко крича: «Я его убил, я его убил!»...

Я все еще ничего не понимала — была в ужасе и растерянности. Потом подошла к Коленьке и тихонько подняла курточку. Тогда увидела, что рубашечка залита кровью. Я ножницами разрезала ее на груди и с левой стороны заметила маленькую черную дырочку. Я начала думать, что вижу сон, что надо что-то сделать, чтобы скорее проснуться. И, как молния, мелькнула мысль, что настоящий сон я уже видела... И это вернуло меня к действительности. Я подумала: «Муж еще ничего не знает, и как он это перенесет?»

Господь дал нам силы перенести вместе эту скорбь, жалея друг друга. В трудную минуту, молясь Богу, я открыла Библию, прося помощи и прочла: «И Он, как праведный судия, отнял у вас ныне, что даровал вам. И ныне вы здесь и братья ваши между вами. Если вы будете управлять чувством вашим и образуете сердце ваше, то сохраните жизнь и по смерти получите милость» (3 Езд. 14, 32—34).

В дальнейшем вскрытие тела показало, что пуля прошла через сердце (предсердие и желу-

дочек), затем через желудок, печень, почку с правой стороны и остановилась у позвоночника. Несчастный офицер показывал детям, как надо заряжать револьвер (парабеллум) и, стоя около Коленьки, нечаянно выстрелил и убил его; рядом стояли два его сына.

Господу Богу угодно было взять моего Коленьку».

ЯВЛЕНИЕ ВО СНЕ

Вероятно, я об этом где-то уже писал в своих работах. Но повторю и здесь...

В Москве жила семья С-х. Ему было около 60 лет, жена гораздо моложе — лет на 20. У них было пятеро детей. Старшему Сереже шел девятый год или десятый. Неожиданно С. скончался. Прихожане храма (а он был старостой там) отвели особое окно там; так оно и называлось: «С-кое»). И на подоконник приносили кто что мог: хлеб, молоко, одежду, обувь и т. д.

Жена очень плакала о покойнике, она очень любила его, да и за пятерых детей беспокоилась — что-то с ними будет?.. Это было уже после революции (1925—1926 годы).

Служили сорокоуст. В 40-й день усопший явился во сне иеродиакону храма и сказал ему: «Поди ты скажи моей Ульяне (таково было ее имя), чтобы она перестала плакать обо мне, она этим причиняет мне большее огорчение». Иеродиакон сообщил ей сон. Она отвечает ему, что он

ныне являлся и ей и сказал: «О детях ты не беспокойся, Бог не оставит их, сирот!»

Потом она начала хлопотать о выезде за границу. И ходя по учреждениям, молилась Богу. И заметила: когда она позабывает делать это, то появляются какие-нибудь препятствия, начинает она творить молитву (конечно, про себя) дело устраивается.

В конце концов она с детьми и своим старым отцом (бывшим Гродненским губернатором) выезжает из Москвы в Париж.

Обо всем этом я узнал от их родственников, моих сотрудников по Богословскому институту[67] — по письмам.

А когда они приехали в Париж, я тотчас же поехал к ним на квартиру познакомиться. И спросил: «Точно ли все это так, как писалось?» «Да»,— ответила вдова. Познакомился я и с Сережей. А отец ее после был рукоположен во священники под Парижем.

В МИССИОНЕРЫ

В Ялте жила одна бедная семья Са-х. Он был правых убеждений. Я его знал за границей в местечке Белая Церковь (в Сербии). И все нижеследующее знаю точно. Ему было около 30 лет. Он был приговорен к расстрелу. Повели его на мол. Но за какую-то часть секунды он упал (вероятно, в обмороке). Когда он очнулся, была уже ночь. И он тайком ушел к одним знакомым. Потом

эвакуировался за границу. Здесь, в Сербии, мы и встретились с ним. Он нес службу курьера в кадетском корпусе. Был необыкновенной честности и исполнительности.

Создались кратковременные пастырские курсы, он поступил на них. У него появилась назойливая мысль скопить денег на дорогу в Америку и проповедовать там христианство индейцам. И он подал митрополиту Антонию прошение на рукоположение во священство. Но тот отказал ему. Тогда он все же стал копить деньги на дорогу. Скопил. Выехал он на пароходе, но опоздал к поезду и должен был опять остаться в Белой Церкви. Так ему вторично было отодвинуто миссионерство.

Однако и это не остановило его. Я отговаривал его от такого фантастичного намерения. Это было третьим отводом.

И все-таки он собрался и наконец выехал в Америку. Но доехал лишь до Панчева (небольшой городок, верстах в 30—40 от Белграда — столицы Сербии). С ним произошел острый припадок (кажется, перитонита) и его сняли с поезда. Он скончался.

Так, Промысл Божий останавливал его, а он все хотел сделать по-своему. Вообще-то он был очень скромный человек, но настойчивый в добрых намерениях. Нужно слушаться старших и начальников, а также сообразжаться с обстоятельствами своей жизни, через это обычно действует Промысл Божий.

СУДЬБА В РУКАХ БОЖИИХ

Известный Филарет, митрополит Киевский (Амфитеатров)[68], святой жизни человек, почему-то впал в опалу. А он был уже в епископском сане. Управлял Калужской епархией. Он очень заботился о процветании Оптиной пустыни. Между прочим, был несогласен с митрополитом Московским Филаретом о переводе Библии на русский язык. Ученый-богослов.

И вот он отправлен был в Уфимский пригородный монастырь. Со скорбью он нес это. И однажды на стене своей комнаты, где он жил, появляются слова:

«СУДЬБА ФИЛАРЕТА В РУКАХ БОЖИИХ»!

И он совершенно успокоился. Впоследствии он назначен был митрополитом в Киев.

В 1909 году или около этого, там же другой епископ, Феофан (Быстров), тоже скорбел. Архимандрит Мартиниан рассказал Феофану об этом случае. Он весьма обрадовался и успокоился...

КОМСОМОЛКА И КОШКА

Во Франции, около 1926 года, мне пришлось познакомиться с комсомолкой, бывшей ученицей десятилетки (школы) в Советском Союзе, Н. Н.

Она много рассказывала о жизни в России; между прочим, она была председательницей

педагогического совета (тогда детей ставили над учителям — было такое время).

Конечно, проповедовала безбожие. И она считала себя безбожницей. Но душа ее мучилась этим. И она решила кончить жизнь самоубийством. Приобрела яд какой-то и хотела уже принять его. Он стоял на плите. Вдруг кошка впрыгнула туда. И зацепила пузырек, он упал и разбился, жидкость пропала. Комсомолка сразу раздумала покончить жизнь.

Это она сама рассказывала мне на съезде христианской молодежи... Она стала верующей и вышла замуж за верующего.

Заключение

Здесь мы записали лишь отдельные, особенные факты проявления сверхъестественного мира и более выдающиеся случаи Промысла Божия о нас. Но если относиться внимательнее к жизни, то нетрудно заметить ведущую премудрую руку Божию как в жизни мира, так и в судьбе отдельного человека. Особенно ясно это будет, если мы просмотрим жизнь после долгих лет.

С этой точки зрения хорошо было бы посмотреть жизнь в миру вообще, но на это нужно иметь весьма глубокий религиозный взор, чтобы проникнуть в связь событий одного, а тем более нескольких народов мира. И нужно иметь широкий кругозор исторических знаний, а это

возможно лишь для исключительных лиц, большинству же из нас — непосильно.

Однако историки всегда стараются усмотреть эту связь, но они видят ее лишь с естественной точки зрения, мы же говорили о религиозной связи. Впрочем, церковная история усматривает кое-где и эту связь. Например, даже в богослужении на Рождество Христово говорится о связи единства Римской империи с единством спасения во Христе; ап. Павел (Рим. 9—11) вскрывает идею отречения иудеев и привлечение на их место — язычников; даже и разрушение Иерусалима и храма иудейского Титом — ставится в связь с наказанием иудейского народа за распятие Христа. Учение язычников о многобожии облегчало принятие веры в Пресвятую Троицу. Еще прежде, при отделении Израильского царства от иудейского можно видеть Промысл Божий в том, что в Израильском было больше духовной свободы, чем в иудейском фанатизме и обрядности, но зато в Иудее больше было твердости. Затем даже распространение евреев по всему миру подготовляло почву христианству и хранило веру вообще... и т. д.

Но если мы обратим внимание и на мучения христиан, то они имеют глубокое значение для укрепления христианства, это всем нам известно. Если мы всмотримся и в русскую историю, то и здесь можем увидеть провиденциальный смысл событий. Например, нашествие татар — вместо первохристианских мучений; борьбу Запада про-

тив православного Востока — вместо ересей в Греции (здесь у нас католичество и протестантство с сектами, потому и св. Александр Невский кланялся хану, но воевал с немецкими рыцарями). И разве не промыслительно современное наше национальное движение против «западничества» и политического, и идейного? Эту мысль высказывали многие в прошлом, а в последнее время Достоевский, Тютчев и Блок («Скифы»)...

Из «Божиих людей»

ОПТИНА

Оптина... Так сокращенно называли обычно этот монастырь богомольцы. Подобно и Саровский монастырь называли просто «Саров». Иногда к Оптиной присоединяли и слово «пустынь», хотя пустынного там не было ничего, но этим хотели, вероятно, отметить особую святость этого монастыря.

Оптина находится в Калужской губернии, в Козельском уезде, в 4 верстах от города, за речкой Жиздрой, среди соснового бора.

Самое слово «Оптина» толкуют различно. Но нам, с духовной точки зрения, больше по душе легенда, что эта пустынь получила свое имя от какого-то основателя ее, разбойника Опты. Так ли это было на самом деле или иначе, но посетителям, да и монахам, это объяснение нравится больше, потому что богомольцы тоже приходили туда с

грехами и искали спасения души: да и монашеское житие по сущности своей есть прежде всего покаянное подвижничество.

Прославилась же Оптина своими «старцами». Первым у них был отец Лев — или Леонид [69] — ученик знаменитого старца Паисия Величковского, подвизавшегося в Нямецком монастыре, в Молдавии [70]. После отца Льва старчество перешло к преемнику его, иеромонаху о. Макарию (Иванову), происходившему из дворян [71]. Про него сам митрополит Московский Филарет [72] сказал однажды: «Макарий — свят». Под его руководством воспитывался и вызрел мудрый Амвросий [73], учившийся сначала в семинарии. Потом были старцы — два Анатолия [74], Варсонофий [75] — из военной среды, и о. Нектарий [76]. Последнего, а также и второго Анатолия видел я лично и беседовал с ними. Но кроме этих, особо выдающихся иноков и настоятеля, и многие монахи тоже отличались высокою святою жизнью. Впрочем, и вся Оптина славилась на Россию именно духовным подвижничеством братии, что связано было больше всего со старчеством и, в свою очередь, воспитывало опытных старцев.

Старец — это опытный духовный руководитель. Он не обязательно в священном сане, но непременно умудренный в духовной жизни, чистый душою и способный наставлять других. Ради этого к ним шли за советами не только свои монахи, но и миряне со скорбями, недоумениями, грехами... Слава оптинских старцев за одно второе полстолетие распространилась за сотни и тысячи верст от

Оптиной и сюда тянулись с разных сторон ищущие утешения и наставления. Иногда непрерывная очередь посетителей ждала приема у старца. С утра до вечера. Большей частью это были простые люди. Среди них иногда выделялся священник или послушник монастыря. Не часто, но бывали там и интеллигентные лица: приходил сюда и Толстой, и Достоевский [77], и великий князь И. Константинович [78], и Леонтьев [79], и б. протестант Зедергольм [80]; жил долго при монастыре известный писатель С. А. Нилус [81]; постригся в монашество бывший морской офицер, впоследствии епископ Михей [82]; при о. Макарии обитель была связана с семьей Киреевских [83], которые много содействовали изданию монастырем святоотеческих книг; отсюда же протянулись духовные нити между обителью и Н. В. Гоголем [84]; известный подвижник и духовный писатель, епископ Игнатий Брянчанинов [85], тоже питался духом этой пустыни. А кроме этих лиц дух внутреннего подвижничества и старчества незаметно разлился по разным монастырям. И один из моих знакомых писателей, М. А. Н. [86], даже составлял родословное дерево, корнями уходившее в Оптину... Хорошо бы когда-нибудь заняться и этим вопросом какому-нибудь кандидату богословия при писании курсового сочинения... А мы теперь перейдем уже к записям наших воспоминаний.

Конечно, они не охватывают всех сторон монастырской жизни обители; не говорят о подвижнической страде иноков, какая известна была лишь им, их духовникам, да Самому Богу. Я буду

говорить лишь о более выдающихся лицах и светлых явлениях Оптиной. Разумеется, такое описание будет односторонним. И правильно однажды заметил мой друг и сотоварищ по СПб. Д. академии, впоследствии архимандрит Иоанн (Раев), скончавшийся рано от чахотки,— что я подобным описанием ввожу читателей, а прежде — слушателей, в некое заблуждение. Он привел тогда такое сравнение. Если смотреть на луг или цветник сверху, то как покажется он красивым со своими цветами и яркой зеленью. А спустись взором пониже там увидишь голенький стволик с веточками. Но и здесь еще не источник жизни, а — внизу, в земле, где корявые и извилистые корни в полной тьме ищут питания для красивых листочков и цветочков. Тут уже ничего красивого для взора нет, наоборот, и неблаголепно, и грязно... А то и разные червяки ползают и даже подгрызают и губят корни, а с ними вянут и гибнут листочки и цветочки.

Так и монашество,— говорил о. Иоанн,— лишь на высотах и вовне — красиво; а самый подвиг иноческий и труден, и проходит через нечистоты, и в большей части монашеской жизни является крестной борьбой с греховными страстями. А этого-то ты,— говорил друг,— и не показываешь в своих рассказах.

Все это совершенно верно,— скажу я. Но ведь и в житиях святых описываются большей частью светлые явления из жизни их и особенные подвиги. А о греховной борьбе упоминается обычно кратко и мимоходом. И никогда почти не рассказывается

о ней подробно. Исключением является лишь житие св. Марии Египетской [87], от смрадных грехов дошедшей потом до ангелоподобной чистоты и совершенста. Но и то описатели оговариваются, что они делают это вынужденно, чтобы примером такого изменения грешницы утешить и укрепить малосильных и унывающих подвижников в миру и в монастырях. Так и мы вообще не будем много останавливаться на наших темных сторонах: это не поучительно. Да они мне и не известны в других людях: о чем бы стал я говорить?! Впрочем, где следует, там будет упомянуто и об этом. Читателю же действительно нужно и полезно не забывать, что высоте и святости угодников Божиих и предшествует и сопутствует духовная борьба; иногда — очень нелегкая и некрасивая...

Кстати, и сам упомянутый о. Иоанн должен по справедливости быть причислен к лику подвижников: он мало жил; умер будучи инспектором Полтавской семинарии.

ИМЯ БОЖИЕ

Мне дважды привелось бывать в Оптиной. Еще с академии я узнал о ней. И будучи студентом, в одном селе встречал духовных чад старца Амвросия и слушал их рассказы о нем. Но сам и не думал о посещении пустыни: не воспитывали в нас ни в семинариях, ни в академиях интереса и любви ни к монастырям, ни к подвижникам, ни к таким светилам Церкви, как даже о. Иоанн Кронштадтский

или епископ Феофан, затворник Вышенский, уже наши современники. Учеба, книги — вот был наш интерес. Потому и после академии почти никто из нас не думал о посещении обителей вообще.

Будучи ректором Таврической семинарии, решил я, к концу летних каникул, посетить Оптину. На следующий год, или через два, я вторично побывал там, будучи ректором Тверской семинарии. Жил недолго — не больше двух недель. Конечно, за такой короткий срок я заметил лишь немногое из богатых сокровенных сокровищ святой обители. Оба воспоминания солью воедино.

В первый раз я приехал на извозчике в монастырь и остановился в так называемой «черной» гостинице, где останавливались «обыкновенные» богомольцы: мне не хотелось выделяться из них и обращать на себя внимание. Помню заведующего инока, с темными густыми волосами; я не знал никого. Мы пили вместе с ним чай. Ничего особо не было. Но вот однажды он пригласил к чаю афонского монаха, удаленного от Святой горы за принадлежность к группе «имябожников»[88], а теперь проживавшего в Оптиной. Сначала все было мирно. Но потом между иноками начался спор об имени Божием. Оптинец держался решения Св. Синода, осудившего это новое учение о том, что «имя Бог есть Сам Бог». Афонец же защищал свое. Долго спорили отцы. Я молчал, мало интересуясь тогда этим вопросом. Оптинец оказался остроумнее; и после долгих и резких споров он, казалось, почувствовал себя победителем. Афонец, хотя и не

сдался, но вынужден был замолчать. И вдруг, к глубокому моему удивлению, победитель, точно отвечая на какие-то свои тайные чувства, ударяет кулаком по столу, и, вопреки прежним своим доказательствам, с энергией заявляет: «А все-таки имя Бог есть Сам Бог!» Спор больше не возобновлялся. Я же удивленно думал: что побудило победителя согласиться с побежденным?! Это мне было непонятно. Одно лишь было ясно, что обоим монахам чрезвычайно дорого было «имя Божие». Вероятно, и по опыту своему, творя по монашескому обычаю молитву Иисусову («Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»), они оба знали и силу, и пользу, и сладость призывания имени Божия; но только в богословствовании своем не могли справиться с трудностями учения богословских формулировок.

Потом, посещая некоторых оптинских монахов, я заметил у них в келиях, большей частью у икон, листы бумаги, где славянскими буквами были написаны эти святые слова: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуя мя грешного». Повидимому, это иноки в какой-то степени сочувствовали защите имени Божия. Но не смея и не имея сил делать это словами, выражали свои почитания имени Божия вывеской на бумаге.

«Боже,— думал я,— в миру безбожие ширилось, маловерие, равнодушие, а тут люди еще горячатся и спорят о значении и силе даже имени Божия! Значит, они так или иначе живут жизнью в Боге».

Через 2—3 дня моей жизни пронеслась весть: в монастырь прибывает чудотворная Калужская икона Божией Матери (память 2 сентября). К указанному времени многие монахи и богомольцы вышли навстречу святой иконе по лесной дороге и, приняв ее, пошли обратно в монастырь с пением молитв.

Вдруг я вижу, как из нашей толпы некоторые отделяются от процессии и спешно-спешно торопятся в правую сторону. Через несколько моментов там уже собралась густая толпа народа, плотным кольцом кого-то или что-то окружавшая. Из простого любопытства я тоже направился туда: в чем дело? Чтобы оставить икону Богородицы, нужна была какая-то особая причина к этому. Протискавшись немного к центру толпы, я увидел, что все с умиленной любовью и счастливыми улыбками смотрят на какого-то маленького монаха в клобуке, с седенькой, нерасчесанной, небольшой бородкой. И он тоже всем улыбался немного. Толпа старалась получить от него благословение. И я увидел, как вокруг этого маленького старичка все точно светилось и радовалось. Так милые дети встречают родную мать.

— Кто это? — спрашиваю я соседа.

— Да батюшка, отец Анатолий! [89] — ласково ответил он, удивляясь, однако, моему неведению.

Я слышал о нем, но не пришлось еще встретить его лично; да и не было особой нужды в этом: не

имел никаких вопросов к нему. А теперь явился вопрос о нем самом: что за чудо? Люди оставили даже икону и устремились к человеку. Почему? И ответ явился сам собою: святой человек тоже чудо Божие, как и икона, только — явное чудо. Святой есть только «образ» Божий, воплощенный в человеке. Как в иконе, так и во святых людях живет Сам Бог Своею благодатью. И тут и там Сам Бог влечет нас к Себе Своими дарами радости, утешения, милосердия, духовного света. Как Спаситель с Моисеем и Илией явились на Фаворе в благодатном несозданном свете ученикам, и тогда Петр от восторга воскликнул: «Наставник! хорошо нам здесь быть» (Лк. 9, 33). Так и через святых людей эта же преображенская благодать и светит, и греет. А иногда — как это не раз было с о. Серафимом Саровским — она проявляется и в видимом, хотя и в сверхъестественном, свете. Так было и теперь: через «батюшку» (какое ласковое и почитательное слово!) светилось Солнце правды Христос Бог наш. И люди грелись и утешались в этом свете.

Вспомнились мне и слова апостола Павла о христианах: «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа» (I Кор. 6, 19).

И — другое его изречение, что всякий христианин должен бы возрастать в образ совершенный, в меру возраста полноты Христовой (Ефес. 4, 13)... Вот какая высота задана христианину — Сам Богочеловек, Христос!

И это — не дерзость хищения невозможного

(Фил. 2, 6), а повеление и заповедь Спасителя, данная на последней Его беседе:

«Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 23).

Это — цель и задача христианской жизни: общение с Богом через благодать Святого Духа. И тогда облагодатствованные люди начнут изливать свой, т. е. Божий свет, и на других.

Боже, как велики сами по себе и чрезвычайно важны для других эти святые люди! Выше их нет никого!

Пришлось и мне встречать в жизни своей так называемых «великих» людей, но никогда я не чувствовал их величия: человек как человек, обыкновенный. Но вот, когда приходилось стоять перед святым, тогда ясно чувствовалось действительное величие их... Вот это — необыкновенные люди!.. А иногда и страшно становилось при них,— как это мне пришлось ярко пережить при службе с о. Иоанном Кронштадтским.

И тогда понятным становится, почему мы прославляем святых, пишем их иконы, кланяемся им в землю, целуем их. Они — воистину достойны этого! Понятно станет и то, что мы в храмах кадим не только иконы Спасителя, Богородицы и святых, но и вообще — всех христиан: мы в них кадим, воздаем поклонение и почитаем Самого Бога, проявляющегося в Своих образах: и в иконах, и в людях.

Ведь всякий христианин должен быть образом

Божиим. Однажды мне пришлось спросить некоего старца:

— Как нужно относиться вообще к человеку?

— С почитанием,— ответил он.

Я удивился словам его:

— Почему?

— Человек есть образ Божий,— сказал он.

И когда этот образ восстанавливается в человеке, тогда его чтут и люди; повиновались Адаму в раю даже и звери. Об этом нам говорят и жития Герасима Иорданского и Серафима Саровского; и трепещут им даже бесы. Зато радуются им небожители. Когда Матерь Божия явилась с апостолами Петром и Иоанном св. Серафиму, то Она сказала им:

— Сей — от рода нашего!

От того же рода был и батюшка о. Анатолий. Сколько радости, любви и ласки изливалось от его лика на всех смотревших на него в Оптинском лесу, на солнечной прогалине!

МУЖ И ЖЕНА

А вот — и наставление его, старческий совет. Я получил письмо от своего друга и товарища по академии, священника о. Александра Б. из Самарской губернии, о разладе с женой... Уж как он любил ее невестой! Весь наш курс знал о ней, какая она хорошая и прекрасная. И вот они повенчались. Он получает приход в рабочем районе города. Нужно строить храм. Молодой и идейный священник

с любовью и энергией принимается за дело. Постройка быстро двигается вперед.

Казалось бы, все хорошо. Но вот горе для матушки: ее батюшка запаздывает к обеду. Матушка недовольна этим: то пища остыла, то переварилась и пережарилась. Да и время напрасно пропадает, и другие дела по дому есть... И дети появились... И огорченная хозяйка начинает роптать и жаловаться на такой непорядок и расстройство жизни. А еще важнее то, что она, вместо прежней любви, начинает уже сердиться на мужа: разлагается семья. Батюшка же оправдывается перед ней:

— Да ведь я не где-нибудь был, а на постройке храма!

Но это ее не успокаивает. Начинается семейный спор, всегда болезненный и вредный. Наконец матушка однажды заявляет решительно мужу:

— Если ты не изменишь жизни, то я уйду к родителям.

И вот к такому моменту мы обменялись с о. Александром письмами. Узнав, что я еду в Оптину, он описал все свое затруднение и попросил меня зайти непременно к о. Анатолию и спросить старческого совета его: как ему быть? Кого предпочесть — храм или жену?

Я и зашел в келию батюшки. Он принимал преимущественно мирских; а монахи шли к другому страцу, о. Нектарию. В келии о. Анатолия было человек десять-пятнадцать посетителей. Среди них обратился с вопросом и я. Батюшка, выслушав

с опущенными глазами историю моего товарища, стал сокрушенно качать головой.

— Ах, какая беда, беда-то какая! — Потом не колеблясь, хлопотливо начал говорить, чтобы батюшка в этом послушался матушки: «Иначе плохо будет, плохо!»

И тут же припомнил мне случай из его духовной практики, как развалилась семья из-за подобной же причины. И припоминаю сейчас имя мужа: звали его Георгием.

— Конечно,— сказал о. Анатолий,— и храм строить — великое дело; но и мир семейный хранить — тоже святое Божие повеление. Муж должен, по апостолу Павлу, любить жену, как самого себя; и сравнил апостол жену с церковью (Ефес. 5, 25—33). Вот как высок брак! Нужно сочетать и храм, и семейный мир. Иначе Богу неугодно будет и строение храма. А хитрый враг-диавол, под видом добра, хочет причинить зло: нужно разуметь нам козни его. Да,— вот так и отпишите: пусть приходит вовремя к обеду. Всему есть свое время. Так и отпишите!

А потом, немного подумав, добавил:

— А тут добро-то добро — строить храм-то. Но к нему тайно примешивается и тщеславие... Да, примешивается, примешивается: ему хочется поскорее кончить... людям понравиться... Так и отпишите...

Я так и отписал. И дело поправилось.

ДВОРЯНСКАЯ

Во второе посещение я приехал ночью. Извозчик из Козельска подвез меня почему-то не к «черной» гостинице, а к «дворянской», где принимали почетных или богатых гостей. Я не стал возражать. Было уже около часу ночи, если не два. Нужно сказать, что в то время моей жизни мне сопутствовала Иверская икона Божией Матери. Бывало, одну отдам кому-нибудь — получу скоро другую. И я уже так привык к сей святыне, что, куда бы ни приезжал, искал сначала: а нет ли и здесь Иверской? Так было и тут. Вхожу в первую комнату — в переднем углу висит икона Спасителя. Я жалею уже — не Иверская. Вхожу в спальню: и в углу — Иверская, слава Богу!

Ложусь спать... Едва успел задремать, слышу звон к утрене! Хорошо бы встать да идти в храм. Но лень. Устал. И снова заснул... Проснулся довольно рано, часов около пяти. Было прекрасное августовское утро. Небо чистое. Солнце яркое. Зеленые деревья. Я открыл окно. И вдруг ко мне на подоконник прилетает голубь, совсем без страху. Я взял оставшийся от пути хлеб и стал крошить ему. Как мне это было отрадно: не боится людей! Но тут прилетает второй голубь. Я и ему отделяю крошки. Но первый уже стал ревновать: зачем я даю и другому?! И начинает клевать нового гостя. Сразу пропала моя радость:

— Господи, Господи! Вот и голуби враждуют и воюют. А уж, казалось бы, какие это мирные

птицы! Даже Спаситель указывает на них, как на пример апостолам: «Будьте... просты, как голуби» (Мф. 10, 16). И грустно стало на душе. А уж чего же требовать от нас, людей. При нашем себялюбии?! Говорят иные: не будет войн когда-то... Неправда: всегда будут, до конца мира. И не могут не быть; так как каждый из нас в самом себе носит источник войн: гордость, зависть, злобу, раздражение, сребролюбие... Недаром сказал один из писателей [90] перед смертью, когда сын спросил его, прекратятся ли войны,— пока человек останется человеком, будут и войны!

Сам же Сын Божий предсказал, что мир ожидает не прогресс, а ухудшение человеческих отношений. И к концу мира будут особенно страшные войны: восстанет народ на народ (а не одни армии на армии), царство на царство. Зло лежит в нас самих, в сердцах наших; поэтому вся история этого мира и человека вообще — есть трагедия, а не легкая и веселая прогулка. Мир испорчен, и все мы грешны.

Так голуби мои и не примирились — улетели оба.

В тот же день я, посетивши о. игумена, попросил у него разрешения пожить мне в скиту [91]: там больше уединения и духовного отдыха, чем при монастыре. И к вечеру я ушел туда.

Скит — это отделение монастыря, где монахи живут более строго и в большой молитвенности. Туда обычно не впускают посторонних лиц вообще, а женщинам — совсем не разрешается входить.

Оптинский скит, во имя св. Иоанна Предтечи,

находится приблизительно в полверсте от монастыря. Кругом стройные высокие сосны. Среди них вырублено четвероугольное пространство, обнесенное стеной. Внутри — храм и небольшие отдельные домики для братии. Но что особенно бросается в глаза внутри его, это — множество разведенных цветов. Мне пришлось слышать, что такой порядок заведен был еще при старце о. Макарии. Он имел в виду утешать уединенную братию хотя бы красотою цветов. И этот обычай хранился очень твердо.

Мне сначала было отведено место в правой половине «золотухинского» флигеля; в левой жил студент Казанской Духовной академии о. А. Войдя в новое помещение, я устремился к углу с иконами: нет ли Иверской? Но там была довольно большая икона с надписью: «Портатисса». Я пожалел... Но потом спроил сопровождавшего монаха, что значит «Портатисса»? «Привратница»,— ответил он,— или иначе — Иверская. Ее икона явилась Иверскому монастырю на Афоне (Иверия — Грузия); и ей построили храм над воротами обители; потому что Матерь Божия в видении сказала: «Я не хочу быть хранимой вами, а Сама буду вашей Хранительницей». Я возрадовался. И в этом скиту я прожил около двух недель.

Провожал меня сюда — высокий, статный инок с светло-белыми волосами и густой бородой. Имя его я уже не помню теперь. Но запомнил, что он был из семинаристов. Почему он — такой представительный, образованный и с хорошим ба-

сом — оставил мир и ушел в пустынь? Не знаю, а спрашивать было неделикатно.

Еще вспоминаю, что он почему-то рассказывал мне про искушение одного египетского монаха, боримого плотскими страстями; как тот не унывал от своего падения, а бежал обратно в монастырь, несмотря на то, что бес шептал ему вернуться в мир и жениться... Когда же монах пришел к старцу своему, то пал ему в ноги со словами: «Авва, я пал!» Старец же увидел над ним венцы света,— как символ того, что диавол несколько раз хотел его ввести в уныние и [убеждал] оставить монастырь; а благоразумный инок столько же отвергал эти искусительные помыслы и даже не сознавался в содеянном грехе, пока не пал в колена старца.

СТАРЦЫ

Перед уходом в скит я — по совету ли игумена монастыря или кого из иноков — пожелал отслужить панихиду по усопшим старцам. За главным храмом, около стены алтаря, были две могилы — о. Макария и о. Амвросия. Мне дали в качестве певчего — клиросного монаха-тенора. В засаленном подряснике, с довольно полным животом, он произвел на меня неблагоприятное впечатление. Не похоже на оптинских прославленных святых, думалось мне...

Поя панихиду, я заметил под надгробной плитой ямочку. Монах объяснил мне, что почитатели старцев берут отсюда песочек с верою

для исцеления от болезней. И вспоминаются мне слова Псалмопевца об Иерусалимском храме, что верующие в Господа любят не только самый храм, но благоволят и о камнях его; и «персть (прах) его ущедрят»[92]. И что тут дивного, если и теперь русские эмигранты, возвращаясь на родину, берут горсть земли и целуют ее; а иные припадают к ней лицом и тоже целуют. Пусть же не осуждают и нас, верующих, если мы берем песочек от святых могилок. Русский народ, при всей своей простоте, совершенно правильно и мудро понимал святые вещи. И чудеса могли твориться от этого. Из Деяний мы знаем, что не только головные уборы апостолов изливали исцеления; но даже тени их творили чудеса[93]. А от о. Серафима Саровского оставшиеся вещи — мантия, волосы, камень, на котором он молился тысячу дней и ночей, вода из его колодца и проч.— творили чудеса.

«Велий еси, Господи; и чудны дела Твоя!»

Продолжу, однако, историю о «плохих» монахах. Для этого забегу немного вперед. Накануне праздника Успения Богоматери я стоял среди богомольцев; монахи там стояли в левой, особо выделенной части храма. Впереди на амвоне ходил с клироса на клирос послушник-канонарх и провозглашал певчим стихиры. Свое дело он вел хорошо. Но мне бросился в глаза белый ворот рубахи, выпущенный сверх воротника подрясника. И мне показалось, что этот монах недалек от мирян,

тщеславящихся своими одеждами. «Какой же он оптинец?!» — так вот я осудил этих двух иноков. И думал, что я — прав в своих помыслах.

Но вот на другой день за литургией я сказал проповедь (об этом ниже). И что же? Когда я сходил с храмовой паперти, ко мне подбежали два монаха и при всем народе поклонились мне с благодарностью в ноги, прося благословения. Кто же были эти два монаха?.. Один из них полный певчий на могилках, а другой — этот канонарх с белым воротничком. Я был ошеломлен тем, что именно те двое, которых я осудил как плохих монахов, они-то именно и проявили смирение... Господь как бы обличил меня за неправильный суд о людях. Да, сердце человека ведомо лишь одному Богу. И нельзя судить нам по внешнему виду... Много ошибок делаем мы в своих суждениях и пересудах...

Вместе с этими монахами мне вспомнился и отец игумен монастыря. Я теперь забыл его святое имя,— может быть, его звали Ксенофонт?[94] Это был уже седовласый старец с тонкими худыми чертами бледного лица. Лет более 70... Мое внимание обратила особая строгость его лица, даже почти суровость. А когда он выходил из храма боковыми южными дверями, то к нему с разных сторон потянулись богомольцы, особенно — женщины. Но он шел поспешно вперед, в свой настоятельский дом, почти не оглядываясь на подходивших и быстро их благословляя... Я наполнился благоговейным почтением к нему. Этот опытный инок знал,

как с кем обращаться. И вспоминается мне изречение святого Макария Великого, что у Господа есть разные святые: один приходит к Нему с радостью; другой — в суровости; и обоих Бог приемлет с любовью.

Вспоминаю другого игумена, по имени Исаакия[95]. Он перед служением литургии в праздники всегда исповедался духовнику. Один ученый монах, впоследствии известный митрополит, спросил его: зачем он это делает и в чем ему каяться? Какие у него могут быть грехи? На это отец игумен ответил сравнением:

— Вот оставьте этот стол на неделю в комнате с закрытыми окнами и запертой дверью. Потом придите и проведите пальцем по нему. И останется на столе чистая полоса, а на пальце пыль, которую и не замечаешь даже в воздухе. Так и грехи: большие или малые, но они накапливаются непрерывно. И от них следует очищаться покаянием и исповедью.

По поводу этих «малых» грехов припоминается здесь широко известный случай с двумя женщинами, имевший место в Оптиной пустыни. К старцу о. Амвросию пришли две женщины. Одна из них имела на своей душе великий грех и потому была крайне подавлена. Другая была весела, потому что за ней никаких «больших» грехов не значилось. О. Амвросий, выслушав их откровения, повел обеих к речке Жиздре. Первой он велел найти и принести огромный камень, какой только она была в силах поднять; а другая должна была набрать в подол своего платья

маленьких камней. Те исполнили повеленное. Тогда старец велел обеим отнести камни на старые места. Первая легко нашла место большого камня, а вторая не могла вспомнить всех мест своих небольших камней и воротилась со всеми ими к старцу. Он и объяснил им, что первая всегда помнила о великом грехе и каялась и теперь могла снять с души своей его; вторая же не обращала внимания на мелкие грехи, а таких оказалось много, и она, не помня их, не могла очиститься от них покаянием.

Здесь же заметим, что в монастырях обычно один лишь игумен монастыря называется — «батюшка» — как одна матка в пчелином улье. А прочие монахи — как рясофорные, так и манатейные (постриженные в мантию), и иеромонахи — именуются — «отцы», с прибавлением их монашеского имени. Исключение составляют лишь «старцы», народ обычно называет их тоже «батюшка»; а монахи и тут отличают их от игуменов, называя — «старец» такой-то, по имени.

СКИТНИКИ

Запишу разговор со мною о. Феодосия [96], настоятеля скита, о монашестве моем.

— Вы для чего приняли монашество? — спросил он меня.

— Ради большего удобства спасения души и по любви к Богу,— ответил я.

— Это — хорошо. Правильно. А то вот ныне принимают его, чтобы быть архиереями «для

служения ближним»,— как они говорят. Такой взгляд — неправильный и несмиренный. По-нашему, по-православному, монашество есть духовная, внутренняя жизнь; и прежде всего — жизнь покаянная, именно ради спасения своей собственной души. Ну, если кто усовершится в этом, то сможет и другим послужить на спасение. А иначе не будет пользы ни ему, ни другим.

Утренние службы совершались недолго, но зато скитские иноки вообще проводили значительную часть дня в свободных молитвах, по келиям. И эта сторона их жизни была ведома лишь им да Богу... Известно, что всякие «правила» и уставы о молитве нужны больше всего для нас, новоначальных, не воспитавших еще молитвенного горения «непрестанной» молитвы и «стояния пред Богом». Усовершившимся же в этом внешние правила необязательны; а иногда даже они отвлекают от внутренней молитвы.

Какова была эта сторона жизни у подвижников и у старца Нектария, мне было неизвестно, а спрашивать не смел; да и признаться, и не очень-то интересовался этим, будучи сам нищим в молитве. Только я прежде уже заметил, что, например, у о. Нектария глаза были воспалены: не от молитвенных ли слез? Говорил мне кто-то, что у него еще и ноги больные, распухшие, ясно, от долгих стояний и поклонов...

В молитвенности и заключается главная жизнь подлинных иноков, путь к благодатному совершенству, и даже средство к получению особых даров

Божиих: мудрости старческой, прозорливости, чудес, святости. Но эта сторона жизни — сокровенная у подвижников. Однако мы никогда не должны забывать о ней, как самой главной, если желаем хоть умом понять жизнь вообще святых.

Вставать приходилось около трех часов утра. Будил по келиям довольно молодой еще послушник, о. Нестор. Очень милый и ласковый, всегда с улыбкой на чистом лице, с небольшой бородкой. Говорили про него, что он любил спать; поэтому ему и дано было послушание будить других: для этого он вынужден был поневоле вставать раньше, чтобы обойти весь скит. Но и после, говорят, его тянуло ко сну.

О. Макарий, в противоположноть о. Нестору, был человек сурового вида. Огромная рыжая борода, сжатые губы; молчаливый, он напоминал мне о. Ферапонта из «Братьев Карамазовых» Достоевского. Он занимал положение эконома в скиту. На эту должность вообще назначают людей посуровее, чтобы не расточал зря, а берег монастырское добро. Познакомился же я с ним по следующему поводу. Однажды я с сожителем в «золотухинском» корпусе, о. Афанасием, пошли к литургии; и позабыв внутри ключ от дома, захлопнули дверь его. Что делать? Ну, думаем, после попросим о. эконома помочь нам, у него много всяких ключей. Так и сделали. О. Макарий молча пошел с нами. В рясе и клобуке — величаво. А замок наш был винтовой. О. эконом вынул из связки один подобный ключ, но его сердечко было меньше

дырочки замка. Тогда он поднял с земли тоненькую хворостиночку, вложил ее в отверстие замка и молча начал вертеть ключом. Не помогало. Тогда я посоветовал ему:

— О. Макарий, вы бы вложили хворостиночку потолще! А эта — тонка: не отопрете.

— Нет, не от того. Без молитвы начал! — сурово ответил он.

И тут же перекрестился, прочитав молитву Иисусову: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!» И снова начал вертеть ключ с прежней хворостиночкой. И замок тут же открылся. О. Макарий, не говоря более ни слова, ушел к себе, а мы разошлись по своим комнатам.

По этому поводу и в связи с ним мне вспоминается и другой случай. Спустя десять лет, будучи уже эмигрантом в Европе, я был на студенческой конференции «Христианской ассоциации молодых людей» в Германии, в г. Фалькенберге[97]. По обычаю, мы устраивали временный храм и ежедневно устраивали богослужения; а в конце недельной конференции все говели и причащались.

В устройстве храма мне помогал друг — студент А. А. У-в. На алтарной стороне нужно было повесить несколько икон. Юноша начал вбивать в стену гвозди, но они попадали на камни и гнулись. Увидев это и вспомнив о. Макария, я сказал: «А вы сначала перекреститесь и молитву сотворите, а потом уже выбирайте место гвоздю».

Тот послушно исполнил это. Помолился и наставил гвоздь в иное место, ударил молотком,

и он попал в паз, между камнями. То же самое случилось и со вторым гвоздем, и с прочими.

Был подобный случай и с о. Иоанном Кронштадтским. Встав рано утром, около 3 часов, он, по обычаю, должен был читать утреннее правило ко причащению. Но никак не мог найти этой книжки. Безуспешно пересмотрев все, он вдруг остановился и подумал: «Прости меня, Господи, что я сейчас из-за поисков твари (книги) забыл Тебя, Творца всяческих!» — И немедленно вспомнил место, куда он вчера положил книгу.

Потом в жизни я многим рассказывал об этих случаях. И сам нередко на опыте проверял истинность слов «сурового» отца Макария: «Без молитвы начал».

О. Кукша. Странное имя, никогда прежде мною не слышанное. Память этого святого 27 августа. Жил он в Киевской лавре в конце XI и начале XII века. Он миссионерствовал среди вятичей; творил чудеса. Вместе со своим учеником Никоном был убит язычником. Мощи их доселе лежат в Антониевых пещерах. Живший в то время в лавре Пимен Постник воскликнул среди церкви:

— Брат наш Кукша убит! — и сам тотчас же скончался (1113 г.).

В память этого священномученика и было дано при постриге имя оптинскому иноку.

Я с ним познакомился ближе потому, что монастырское начальство нашло нужным перевести меня из «золотухинского» дома в другой, в келью рядом с о. Кукшей. Это был пожилой уже монах,

лет около 65, а может быть, и больше; небольшого роста, с светлой бородой; и необыкновенно простой и жизнерадостный. Он мне готовил чай в маленьком самоварчике, вмещавшем 4—5 чашек. Тут лишь мы и встречались с ним. И в скиту, и в монастыре не было обычая и разрешения ходить по чужим келиям без особого послушания и нужды. И я не ходил. А однажды зашел-таки по приглашению к одному монаху, но после получил от о. Феодосия легкое замечание:

— У нас — не ходят по келиям.

Вероятно, и пригласивший меня получил выговор. Хотя наша беседа с ним была не на плохие темы, а о святых отцах и их творениях, но раз — без благословения, то и хорошее — не хорошо...

И к о. Кукше я не ходил; и даже не видел его келии, хотя жили рядом в доме. Да и он заходил ко мне исключительно по делу, и наши разговоры были случайными и короткими. Однажды он с удивительной детской простотой сказал мне о старчестве и о старцах:

— И зачем это, не знаю... Не знаю! Все так ясно, что нужно делать для спасения! И чего тут спрашивать?!

Вероятно, чистой душе его, руководимой благодатью Святого Духа, и в самом деле ни о чем не нужно было спрашивать: он жил свято и без вопросов. Беззлобный, духовно-веселый, всегда мирный, послушный — отец Кукша был как дитя Божие, о которых Сам Спаситель сказал: «Если... не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»

(Мф. 18, 3). Но однажды с нами случилось искушение. Мне захотелось отслужить утром литургию. А о. Кукша заведовал церковной стороной скита и ризницей. Потому я и сказал ему накануне о своем желании. По чистой простоте он радостно согласился, и я отслужил.

А в скиту был обычай — вечерние молитвы совершать в домике о. скитоначальника. После этого мы все кланялись о. Феодосию в ноги, прося прощения и молитв, и постепенно уходили к себе. А если ему нужно было поговорить с кем-либо особо, то он оставлял их для этого после всех. Но на этот раз о. Феодосий оставил всех. Братии в скиту было немного. После «прощения» он обращается к о. Кукше и довольно строго спрашивает:

— Кто благословил тебя разрешить отцу архимандриту (т. е. мне) служить ныне литургию?

О. Кукша понял свою вину и без всяких оправданий пал смиренно в ноги скитоначальнику со словами: «Простите меня грешного! Простите!»

— Ну, о. архимандрит не знает наших порядков. А ты обязан знать! — сурово продолжал выговаривать о. Феодосий.

О. Кукша снова бросается в ноги и снова говорит при всех нас:

— Простите меня, грешного, простите!

Так он и не сказал ни одного словечка в свое оправдание. А я стоял тоже, как виноватый, но ничего не говорил... Потом, с благословения начальника, мы все вышли... И мне, и всей братии

был дан урок о послушании... Действительно ли о. Феодосий рассердился или он просто через выговор смиренному о. Кукше хотел поучить и других, а более всего — меня, не знаю. Но на другой день утром вижу в окно, что он, в клобуке и даже в мантии, идет к нашему дому. Вошел ко мне в келию, помолился перед иконами и, подавая мне освященную за службой просфору, сказал:

— Простите меня, о. архимандрит, я вчера разгневался и позволил себе выговаривать при вас о. Кукше.

Не помню теперь, ответил ли я что ему или нет.

Но вот скоро встретился другой случай. В Калужскую епархию приехал новый архиерей: епископ Георгий[98]. Он был человек строгий и даже крайне властный. День был солнечный. Утро ясное. Вижу, о. Феодосий направляется с о. Кукшей к храму св. Иоанна Предтечи. Я поклонился. Батюшка говорит мне, что ныне он с о. игуменом монастыря едет в Калугу представляться новому владыке.

— Вот сначала нужно отслужить молебен.

А я про себя подумал: монахи едут к общему отцу епархии и своему, а опасаются, как бы не случилось никакого искушения при приеме... Странно...

В это время отец Кукша отпер уже храм, и мы двинулись туда. На пути о. Феодосий говорит мне:

— Вы знаете, о. Кукша — великий благодатный молитвенник. Когда он молится, то его молитва — как столп огненный летит к престолу Божию!

Я молчал. И вспомнил выговор этому столпу: видно, было нужно это и ему и всем нам.

Седовласый о. Афанасий. Представьте себе глубокого старца с белыми волосами, с белой широкой бородой, закрывавшей почти всю грудь его. На голове мягкая монашеская камилавка. Глаза опущены вниз и духовно обращены внутрь души,— точно они никого не видят. Если кто помнит картину Нестерова «Пустынник», то о. Афанасий похож на него, только волосы белее. В первый раз я обратил на него свое внимание в скитской трапезной. В чистой столовой, человек на 20—25, в середине стоял стол, а по стенам лавки. Первый приходивший сюда, положив, по обычаю, троекратное крестное знамение, садился направо на первое от дверей место. Входивший за ним другой инок, после крестного знамения, кланялся пришедшему раньше и занимал соседнее место. Так же делали и другие, пока к строго определенному времени не приходили все. И никто ничего не говорил. Нагнувши лицо вниз, каждый или думал что, или — вернее — тайно молился. На этот раз мне пришлось в ожидании трапезы сидеть рядом с о. Афанасием. В молчаливой тишине я вдруг услышал очень тихий шепот со стороны своего соседа. Невольно я повернул свое лицо и заметил, как о. Афанасий двигает старческими губами и шепчет молитву Иисусову... По-видимому, она стала у него беспрестанною привычкою и потребностью.

После обеда я спросил у кого-то из скитников: какое особое — кроме молитвы — послушание

несет старец? Оказалось, что он из скита носит на «скотный двор» грязное белье монахов для стирки. Этот двор расположен где-то в лесу, в стороне от монастыря, и там трудится несколько женщин Бога ради. Вот туда и посылают старца, убеленного сединами.

Отец Иоиль. Я уже упоминал о нем, как об очевидце визита Л. Н. Толстого к о. Амвросию. Теперь добавлю его рассказ о сотрудничестве с этим святым старцем. Батюшка начал и вел постройку женского Шамординского монастыря[99] больше с верою, чем с деньгами, которые давал ему на это дело народ и благотворители. И не раз, в конце недели, рабочим нечем было платить. О. Иоиль был подрядчиком на этой постройке, от лица о. Амвросия. Приходит время расчета, а денег нет... Народ — все бедный. Приступают к подрядчику: «Плати!» — «Нечем!» Подождите да потерпите. И рабочие — хоть бросай дело. А о. Иоилю и их жалко, и постройку нельзя остановить.

— Вот я один раз решил отказаться от послушания; невмоготу мне,— рассказывал он сам.— Пришел к батюшке, упал ему в ноги и говорю: «Отпусти, сил никаких нет терпеть людское горе».

О. Амвросий уговаривает:

— Не отказывайся, проси их подождать.

И сам я плачу, а сил нет.

— Ну, подожди, подожди! — говорит батюшка.

И пошел он к себе в келию. Ну,— думаю,— где-нибудь в столе своем отыщет деньги? А он

выходит с Казанской иконой Божией Матери и говорит:

— О. Иоиль! Сама Царица Небесная просит тебя: не отказывайся!

Я упал ему в ноги. И опять пошел на дело.

Отец Исаакий. Кажется, таково было имя одного из скитских старых иеромонахов. Мы с ним встретились во внутреннем садике. Это был старец, лет под 70, но еще бодрый. Длинная, с проседью борода. Он был духовником в этом самом Шамординском монастыре, наезжая туда по временам. К сожалению, из небольшой случайной нашей беседы осталось очень мало в памяти моей. Но он утешал меня, убеждая не унывать. Причем обратил мое внимание на то, что образованные монахи тоже делают святое дело в миру, тоже исполняют церковное послушание в школах, семинариях во славу Божию. И при этом в глазах его светилась ласка и тихое ободрение.

СВЯТОЙ СТАРЕЦ ОТЕЦ НЕКТАРИЙ

Через ворота под колокольней вошел я внутрь двора скита. Меня приятно поразило множество цветов, за коими был уход. Налево узенькая дорожка вела к скитоначальнику о. Феодосию. Он был здесь «хозяином», но подчинялся отцу игумену монастыря, как и все прочие. Это был человек высокого роста, уже с проседью и довольно плотный. Познакомились. И я сразу попросил у него

благословения сходить исповедаться у старца о. Нектария.

Опишу ту комнату, в которой я встретился с ним и где бывали и Достоевский, и Л. Толстой, и проф. В. С. Соловьев, и другие посетители. Этот домик назывался «хибаркою». Она была небольшая, приблизительно аршин пять на восемь. Два окна. По стенам скамьи. В углу икона и картина святых мест. Светилась лампадка. Под иконами стол, на котором лежали листочки религиозного содержания. Из приемной комнаты вела дверь в помещение самого старца. А другая дверь от него вела в подобную же комнату, соседнюю с нашей: там принимались и мужчины, и женщины, в нее вход был прямо из леса, с внешней стороны скита; я там не бывал.

Другой старец, батюшка о. Анатолий, жил в самом монастыре и там принимал народ, преимущественно мирян; а монахам рекомендовалось — более обращаться к о. Нектарию.

Когда я вошел в приемную, там уже сидело четверо: один послушник и какой-то купец с двумя мальчиками, лет по 9—10. Как дети они все о чем-то говорили весело и тихо щебетали; и, сидя на скамейке, болтали ножками. Когда их разговор становился уже громким, отец приказывал им молчать. Молчали и мы, взрослые: как в церкви, и здесь была благоговейная атмосфера, рядом — святой старец... Но детям это было невтерпеж, и они сползли со скамьи и начали осматривать красный угол с иконами. Рядом с ними висела

картина какого-то города. На ней и остановилось особое внимание шалунов. Один из них говорит другому: «Это наш Елец». А другой возражает: «Нет, это Тула».— «Нет, Елец».— «Нет, Тула!» И разговор опять принимал горячий оборот. Тогда отец подошел к ним; и обоим дал сверху по щелчку. Дети замолчали и воротились назад к отцу на скамейку. А я, сидя почти под картиной, поинтересовался потом: за что же пострадали малыши? За Тулу или за Елец? Оказалось, под картиной была подпись: «Святый град Иерусалим».

Зачем отец приехал и привез своих деточек, я не знаю, а спросить казалось грешно: мы все ждали выхода старца, как церковной исповеди. А в церкви не говорят и об исповеди не спрашивают... Каждый из нас думал о себе.

Отец Иоиль, старый монах, рассказал мне маленький эпизод из жизни Л. Толстого, бывшего в скиту. Долго он говорил с о. Амвросием. А когда вышел от него, лицо его было хмурое. За ним вышел и старец. Монахи, зная, что у отца Амвросия известный писатель, собрались вблизи дверей хибарки. Когда Толстой направился к воротам скита, старец сказал твердо, указывая на него: «Никогда не обратится ко Христу! Горды-ыня!»

Как известно, он перед смертью ушел из своего дома. И, между прочим, посетил свою сестру Марию Николаевну, монахиню Шамординского монастыря, созданного о. Амвросием, верстах в 12 от Оптиной. И тут у него снова явилось желание обратиться к старцам. Но он опасался, что они

откажутся принимать его теперь, так как он был уже отлучен Церковью за свою борьбу против христианского учения: о Св. Троице, о воплощении Сына Божия, о таинствах (о коих он выражался даже кощунственно). Сестра же уговаривала его не смущаться, а идти смело, уверяя, что его встретят с любовью... И он согласился... Слышал я, что он будто бы подошел к двери хибарки и взялся за ручку; но... раздумал и ушел обратно. Потом он поехал по железной дороге; и, заболев, вынужден был остановиться на ст. Астапово Тульской губернии, где и скончался в тяжелых душевных муках. Церковь посылала к нему епископа Тульского Парфения[100] и старца оптинского Варсонофия; но окружавшие его лица (Чертков и др.) не допустили их до умирающего.

Припомню тут и слышанное мною о нем во Франции.

Одно время я жил на побережье Атлантического океана. Там же в одном доме жила тогда и жена одного из сыновей Л. Толстого со своим внучком Сережей. И она иногда рассказывала коечто о нем и тоже повторяла, что он был «гордый»... Но она жалела его... Внук был тоже чрезвычайно капризный: если что-либо было не по нем, то он бросался на пол и затылком колотился об него, крича и плача. А в другое время он был ласков ко всем... После отец, чех, выкрал его от бабушки; он тогда уже разошелся с внучкой Толстого.

Прождали мы в комнате минут десять молча:

вероятно, старец был занят с кем-нибудь в другой половине домика. Потом неслышно отворилась дверь из его помещения в приемную комнату, и он вошел... Нет, не вошел, а как бы вплыл тихо... В темном подряснике, подпоясанный широким ремнем, в мягкой камилавке о. Нектарий осторожно шел прямо к переднему углу с иконами. И медленно-медленно и истово крестился... Мне казалось, будто он нес какую-то святую чашу, наполненную драгоценной жидкостью, и крайне опасался: как бы не пролить ни одной капли из нее? И тоже мне пришла мысль: святые хранят в себе благодать Божию; и боятся нарушить ее каким бы то ни было неблагоговейным душевным движением: поспешностью, фальшивой человеческой лаской и др. Отец Нектарий смотрел все время внутрь себя, предстоя сердцем пред Богом. Так советует и еп. Феофан Затворник: сидя ли, ходя ли или делая что, будь непрестанно перед лицом Божиим. Лицо его было чистое, розовое; небольшая борода с проседью. Стан тонкий, худой. Голова его была немного склонена книзу. Глаза — полузакрыты.

Мы все встали... Он еще раза три перекрестился перед иконами и подошел к послушнику. Тот поклонился ему в ноги; но стал не на оба колена, а лишь на одно, вероятно, по тщеславию стыдился делать это при посторонних свидетелях. От старца не укрылось это: и он спокойно, но твердо сказал ему:

— И на второе колено стань!

Тот послушался... И они о чем-то тихо

поговорили... Потом, получив благословение, послушник вышел.

Отец Нектарий подошел к отцу с детьми: благословил их и тоже поговорил... О чем, не знаю. Да и не слушал я: было бы грешно подслушивать. О себе самом думал я... Все поведение старца произвело на меня благоговейное впечатление, как бывает в храме перед святынями, перед иконою, перед исповедью, перед причастием.

Отпустив мирян, батюшка подошел ко мне, к последнему. Или я тут отрекомендовался ему, как ректор семинарии; или прежде сказал об этом через келейника, но он знал, что я — архимандрит. Я сразу попросил его принять меня на исповедь.

— Нет, я не могу исповедовать вас,— ответил он.— Вы человек ученый. Вот идите к отцу скитоначальнику нашему, отцу Феодосию, он — образованный.

Мне горько было слышать это: значит, я не достоин исповедаться у святого старца? Стал я защищать себя, что образованность наша не имеет важности. Но отец Нектарий твердо остался при своем и опять повторил совет — идти через дорожку налево к о. Феодосию. Спорить было бесполезно, и я с большой грустью простился со старцем и вышел в дверь.

Придя к скитоначальнику, я сообщил ему об отказе отца Нектария исповедовать меня и о совете старца идти за этим к образованному о. Феодосию.

— Ну, какой же я образованный?! — спокойно

ответил он мне.— Кончил всего лишь второклассную школу. И какой я духовник?! Правда, когда у старцев много народа, принимаю иных и я. Да ведь что же я говорю им? Больше из книжек наших же старцев или из святых отцов, что-нибудь вычитаю оттуда и скажу. Ну, а отец Нектарий — старец по благодати и от своего опыта. Нет, уж вы идите к нему и скажите, что я благословляю его исповедать вас.

Я простился с ним и пошел опять в хибарку. Келейник с моих слов все доложил батюшке, и тот попросил меня к себе в келию.

— Ну, вот и хорошо, слава Богу! — сказал старец совершенно спокойно, точно он и не отказывался прежде. Послушание старшим в монастыре — обязательно и для старцев: и может быть, даже в первую очередь, как святое дело и как пример для других.

И началась исповедь... К сожалению, я теперь решительно не помню ничего о ней... Одно лишь осталось в душе, что после этого мы стали точно родными по душе. На память батюшка подарил мне маленькую иконочку из кипарисового дерева с выточенным внутри распятием.

Подошел праздник Успения Божией Матери. Накануне, часов около 11, ко мне приходит из монастыря благочинный, отец Федот. Несколько полный, с проседью в темных волосах и бороде, спокойный, приветливый; он и с собою принес тишину. Помолившись и поздоровавшись со мною, он сначала справился о моем здоровье

и самочувствии; потом порадовался — «какая ныне хорошая погода», был тихий, безоблачный день. Я подумал: подход — как в миру, между светскими людьми... Жду дальше: напрасно монахи не ходят по келиям,— как писалось раньше. И, действительно, отец благочинный скоро перешел к делу:

— Ваше высокопреподобие! Батюшка отец игумен просит вас сказать завтра, на поздней литургии, поучение...

Это предложение было для меня совершенно неожиданным. Я в миру довольно много говорил проповедей, речей, уроков. И устал духовно от многоглаголания; потому, живя в монастыре, хотел уже отдохнуть от учительства в тишине, одиночестве и молчании. И в самом деле отдыхал. И вдруг — проповедуй и здесь?

— Нет, нет! — запротестовала моя душа.— Не могу, батюшка!

И начался между нами долгий спор.

— Почему же, ваше высокопреподобие?!

— Ну чему я буду учить вас в монастыре?! Вы — истинные монахи; а живя в миру, какие мы монахи? Нет, и не просите напрасно.

Но отца благочинного нелегко оказалось заставить отказаться от данного ему игуменом поручения:

— А как же вон у нас жили другие ученые монахи,— стал он перечислять их имена,— и проповедовали?

— Это не мое дело,— отстранял я его возраже-

ние.— Я про себя говорю, что не могу учить вас, монахов. Да и что особого я могу вам сказать? У вас на службах читаются по уставу и жития святых из Пролога, и поучения из творений святых отцов. Что же лучше?

— Так-то так; но и живое устное слово полезно нам послушать,— настаивал о. Федот.

— Святые отцы — всегда живые,— возражал я,— нет уж, батюшка, не просите! Мне трудно это. Так и объясните отцу игумену.

— Да ведь о. игумен и благословил меня просить вас проповедовать.

Видя, что никакие уговоры не действуют на посланца, я вспомнил о старце Нектарии. «Вот кто может выручить из неожиданной беды,— думалось мне,— я у него исповедался, он знает мою грешную душу и скорее поймет мой отказ по сознанию моего недостоинства, а слово старца — сильно в обители».

— Я спрошу у батюшки о. Нектария,— сказал я.

— Хорошо, хорошо! — согласился сразу о. Федот.

И с этими словами он начал прощаться со мной. Да было и время: в монастыре зазвонил небольшой колокол к обеду. Благочинный ушел, а я направился к «хибарке» старца. В знакомой мне приемной никого не было. На мой стук вышел из келии о. Мелхиседек: маленького роста, в обычной мягкой камилавке, с редкой молодою бородою, с ласковым лицом.

Я объяснил ему наше дело и добавил:

— Мне нет даже нужды беспокоить самого батюшку, он занят другими. Вы только спросите у него совета. И скажите ему, что я прошу его благословить меня не проповедовать.

И я верил в такой ответ старца: мне казалось, что я хорошо поступаю, смиренно. Келейник, выслушав меня, ушел за дверь. И почти тотчас же возвратился:

— Батюшка просит вас зайти к нему.

Вхожу. Целуем друг у друга руки. Он предложил мне сесть и, не расспрашивая больше ни о чем, сказал следующие слова, которые врезались мне в память до смерти:

— Батюшка,— обратился он ко мне тихо, но чрезвычайно твердо, авторитетно,— примите совет на всю вашу жизнь: если начальники или старшие вам предложат что-нибудь, то как бы трудно или даже как бы высоко ни казалось это вам,— не отказывайтесь. Бог за послушание поможет!

Затем он обратился к окну и, указывая на природу, сказал:

— Смотрите, какая красота: солнце, небо, звезды, деревья, цветы... А ведь прежде ничего не было! Ничего! — медленно повторил батюшка, протягивая рукою слева направо.— И Бог из ничего сотворил такую красоту. Так и человек: когда он искренно придет в сознание, что он — ничто, тогда Бог начнет творить из него великое.

Я стал плакать. Потом о. Нектарий заповедовал мне так молиться: «”Господи, даруй мне

благодать Твою!" — И вот идет на вас туча, а вы молитесь: "Дай мне благодать!" И Господь пронесет тучу мимо». И он протянул рукой слева направо. О. Нектарий, продолжая свою речь, рассказал мне почему-то историю из жизни патриарха Никона, когда он, осужденный, жил в ссылке и оплакивал себя. Теперь уж я не помню этих подробностей о патриархе Никоне, но «совет на всю жизнь» стараюсь исполнять. И теперь слушаюсь велений высшей церковной власти. И, слава Богу, никогда в этом не раскаивался. А когда делал что-либо по своему желанию, всегда потом приходилось страдать.

...Вопрос о проповеди был решен: нужно слушать о. игумена и завтра — говорить. Я успокоился и ушел. Обычно для меня вопрос о предмете и изложении поучения не представлял затруднений; но на этот раз я не мог подыскать нужной темы до самого всенощного бдения. И уже к концу чтения канона на утрени в моем уме и сердце остановились слова, обращенные к Богородице: «Сродства Твоего не забуди, Владичице!» Мы, люди, сродники Ей по плоти. Она — из нашего человеческого рода. И хотя Она стала Матерью Сына Божия, Богородицею, но мы, как Ее родственники, все же остались Ей близкими. А потому смеем надеяться на Ее защиту нас пред Богом, хотя бы были и бедными, грешными родственниками Ее... И мысли потекли, потекли струей... Вспомнился и пример из жития св. Тихона Задонского о грешном настоятеле этой обители, как он был помилован и даже воскрешен Господом: «За молитвы Моей Матери

возвращается в жизнь на покаяние»,— послышался ему голос Спасителя, когда душа его спускалась на землю. А настоятель этот, будучи по временам одержим нетрезвостью, имел обычай в прочие дни читать акафист Божией Матери.

В день Успения я отслужил раннюю в другом храме... И вдруг во мне загорелось желание сказать поучение и тут. Но так как это было бы самоволием, я воздержался.

Какие лукавые бывают искушения!

На поздней литургии я сказал приготовленную проповедь. Она была, действительно, удачною. В храме кроме монахов было много и богомольцев-мирян. Все слушали с глубоким вниманием.

По окончании службы я спускался по ступенькам паперти. Вдруг ко мне спешно подбежали те два монаха, которых я осудил в душе, и при всем народе радостно поклонились в ноги, благодаря за проповедь... К сожалению, я не запомнил их святых имен, а они заслуживали бы этого за смирение свое.

Но на этом «слава» моя не кончалась. Когда я возвратился в скит, меня на крылечке нашего домика встретил преподобный о. Кукша:

— Вот, хорошо, сказали, хорошо! Вот был у нас в Калуге архиерей Макарий [101]: тоже хорошо-о говорил проповеди!

Я промолчал. На этом разговор и кончился.

Через некоторое время из монастыря пришла уже целая группа послушников и стала просить меня:

— Батюшка, пойдемте погуляем в лесу и побеседуем: вы такую хорошую проповедь нам сказали.

«О-о! — подумал я про себя.— Уже учителем заделаться предлагают тебе? А вчера считал себя недостойным и говорить?! Нет, нет: уйди от искушения!» — И я отклонил просьбу пришедших.

Кстати: вообще монахам не дозволяется ходить по лесу, и лишь по праздникам разрешалось это, и то — группами для утешения. Но этим пользовались лишь единицы; а другие сидели по келиям, согласно заповеди древних отцов: «Сиди в келии, и келия спасет тебя».

На следующий день мне нужно было выезжать из монастыря на службу в Тверскую семинарию; и я пошел проститься сначала с о. Нектарием. Встретив меня, он с тихим одобрением сказал:

— Видите, батюшка: послушались, и Бог дал вам благодать произнести хорошее слово.

Очевидно, кто-то ему уже об этом сообщил, так как старец не ходил в монастырь.

— Ради Бога,— ответил я,— не хвалите хоть вы меня, бес тщеславия меня уже и без того мучает второй день.

Старец понял это и немедленно замолчал. Мы простились.

От него я пошел через дорожку к скитоначальнику о. Феодосию. Тот спросил меня, как я себя чувствую, с каким настроением отъезжаю.

Я искренно поблагодарил за все то прекрасное, что я видел и пережил здесь. Но добавил:

— А на сердце моем осталось тяжелое чувство своего недостоинства.

Мне казалось, что я говорил искренно и сказал неплохо, а сознание недостоинства мне представлялось смирением. Но отец Феодосий посмотрел иначе:

— Как, как? — спросил он.— Повторите, повторите!

Я повторил. Он сделался серьезным и ответил:

— Это — не смирение. Ваше преподобие, это — искушение вражье, уныние. От нас, по милости Божией, уезжают с радостью; а вы — с тяготою? Нет, это — неладно, неладно. Враг хочет испортить плоды вашего пребывания здесь. Отгоните его. И благодарите Бога. Поезжайте с миром. Благодать Божия да будет с вами.

Я простился. На душе стало мирно.

Какие вы духовно опытные! А мы, так называемые «ученые монахи», в самих себе не можем разобраться правильно... Не напрасно и народ наш идет не к нам, а к ним... «простецам», но мудрым и обученным благодатью Духа Святого. И апостолы были из рыбаков, а покорили весь мир и победили «ученых». Истинно говорится в акафисте: «Вития многовещанные» — т. е. ученые ораторы — «видим яко рыбы безгласные», по сравнению с христианской проповедью этих рыбаков.

И теперь «ученость» наша была посрамлена еще раз.

Когда я приехал на вокзал в Козельск, то в ожидании поезда я сидел за столом. Против меня

оказался какой-то низенький крестьянин, с остренькой бородкой. После короткого молчания он обратился ко мне довольно серьезно:

— Отец, ты, что ли, вчера говорил проповедь в монастыре?

— Да, я.

— Спаси тебя, Господи! А знаешь, я ведь думал, что благодать-то от вас, ученых, совсем улетела?

— Почему так?

— Да, видишь: я безбожником одно время стал; а мучился. И начал я к вам, ученым, обращаться: говорил я с архиереями — не помогли. А вот потом пришел сюда, и эти простецы обратили меня на путь. Спаси их, Господи! Но вот вижу, что и в вас, ученых, есть еще живой дух, как Сам Спаситель сказал: «Дух, идеже хощет, дышит» (Ин. 3, 8).

Скоро подошел поезд. В вагон второго класса передо мной поднялись по ступенькам две интеллигентные женщины. За ними вошел и я. Они очень деликатно обратились ко мне со словами благодарности за вчерашнее слово. Оказалось, это были две дворянки, приезжавшие издалека на богомолье в Оптину и слышавшие мою проповедь. И думается, что эти «ученые» — не хуже — а даже лучше, смиреннее, чем бывший безбожник... Да, воистину дух Божий не смотрит ни на ученость, ни на «простоту», ни на богатство, ни на бедность, а только на сердце человеческое, и если оно пригодно, то Он там живет и дышит...

Началась революция. И вот какое предание дошло до меня за границей. Отец Нектарий будто бы встретил пришедших с детскими игрушками и с электрическим фонариком, совершенно спокойный. И перед ними он то зажигал, то прекращал свет фонаря. Удивленные таким поведением глубокого старца, а может быть, и ожидавшие какого обличения за свое безобразие от «святого», молодые люди сразу же от обычного им гнева перешли в благодушно веселое настроение и сказали:

— Что ты? Ребенок, что ли?

— Я — ребенок,— загадочно спокойно ответил старец.

Если это было действительно так, то стоит серьезно задуматься над смыслом поведения его и загадочным словом о «ребенке».

А ребенком он мог назвать себя, поскольку идеальный христианин становится действительно подобным дитяти по духу. Сам Господь сказал ученикам при благословении детей что кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него.

ЗОСИМОВА ПУСТЫНЬ [102]

Это было в 1910 г. Посетить Зосимову пустынь побудило желание разрешить один душевный вопрос, который беспокоил меня долгое время. Для этого нужно было посоветоваться с лицом опытным и духовно тонким. Таким мне показался, со слов знавших его лично, настоятель Зосимовой

пустыни, о. Герман[103]. И я выехал к нему через Москву. Из Москвы нужно было ехать по железной дороге несколько десятков верст на север, мимо Сергиевой Лавры. Крошечная станция Лесики. Кругом было сплошное чернолесье. Ни деревни, ни иного какого человеческого жилья. Действительно — пустыня лесная. Но до монастыря нужно было еще пройти пешком около 4 или 5 верст по узкой лесной дороге. День был хороший, августовский. В лесу тихо. Через час пути в просвете между деревьями я увидел обитель. Она была еще новая, храмы и дома казались свежими по краскам. Архитектура была красивая.

Дорога подвела меня к монастырской гостинице, построенной для богомольцев вне обители. Заведующий ею был иеромонах Иннокентий[104]. Года два назад он был еще жив. Тогда ему было лет около 35—40. Острое лицо; остренькая черная бородка; серьезный взгляд. Он отвел мне в гостинице маленькую чистенькую комнатку.

Скоро я направился к настоятелю. Я ранее слышал, что к нему обращаются с духовными вопросами и монашествующие из близкой Московской Духовной академии, и писатели светские, и великая княгиня Елизавета Федоровна[105]. Следовательно, по одному этому можно было заранее видеть в старце незаурядного подвижника и духовного руководителя. Известна мне была и небольшая брошюра, в которой была издана переписка его с знаменитым затворником Вышенским, епископом Феофаном[106]. Там затрагивались, глав-

ным образом, вопросы о молитве. Но мне особенно запомнилось одно письмо еп. Феофана о бесах. Отец Герман просил затворника подарить ему на память какую-либо одежду свою. Епископ Феофан отклонил просьбу. И, между прочим, мотивировал это тем, что с одеждой его в келию о. Германа налетит много бесов и искушений.

Вспоминается и ответ о духовничестве. Батюшке, до настоятельства, было дано послушание исповедовать монахов и богомольцев. Оно казалось ему трудным и опасным для него самого, почему он просил настоятеля снять с него этот крест; но ему отказывали. Тогда он обратился с вопросом к Вышенскому затворнику. И между прочим сообщал, что иные приходят к нему исповедоваться с одними и теми же грехами многократно; как быть с такими?

Епископ Феофан,— насколько помню,— ответил ему, чтобы никогда не отказывал и таким в исповеди, и сам не расстраивался их немощами, а также советовал ему разрешать грехи с милосердием, сколько бы раз такие ни приходили. Одно лишь строго заповедовал старцу затворник: никому не давать и намеков о том, в каких именно грехах каются приходящие.

«Для этого положите около места исповеди нож, да поострее, и, посматривая на него, думайте: лучше отрезать себе язык, чем объявить чью-либо тайну духовную».

Вот к какому человеку шел я теперь. Увидевши его, я сразу сделался серьезным и строгим, каким

показался мне и о. Герман. Высокого роста, с седою малорасчесанною бородою, с дряблеющим старческим лицом, с опущенными на глаза веками, с холодно-спокойно-строгим голосом, как у судьи, без малейшей улыбки — он произвел на меня строгое впечатление. Мы познакомились. Среди вопросов он задал и такой: «Что вы будете преподавать в академии?» Я начал с более невинного предмета: «Гомилетику» (учение о проповедничестве).

— А еще? — точно следователь на допросе спрашивал он.

Я уже затруднялся ответить сразу.

— Пастырское богословие,— говорю. А самому стыдно стало, что я взял на себя такой предмет, как учить студентов быть хорошими пастырями.

— А еще? — точно он провидел и третий предмет.

Я уже совсем замялся.

— Аскетику,— тихо проговорил я, опустивши глаза...

Аскетику... Науку о духовной жизни... Легко сказать! Я, духовный младенец, приехавший сюда за разрешением собственной запутанности, учу других, как правильно жить... Стыдно было.

После мой духовный отец в Петрограде, когда я рассказывал все это в деталях, сказал мне: «Вы уж лучше умолчали бы об этом предмете».

Потом я открыл о. Герману свою душу со всеми ее недостатками и задал тревожащий меня вопрос. Мое откровение он выслушал с тем же холодно

спокойным вниманием, как и все прочее. На вопрос дал нужный ответ, удовлетворивший меня. В конце беседы я сказал ему:

— Батюшка! Мы, грешные люди, и так вообще не заслуживаем сочувствия, но когда вот так расскажем о своих грехах, вы, вероятно, и совсем перестанете любить нас?

— Нет! — все тем же спокойным и ровным, бесстрастным голосом ответил о. Герман.— Мы, духовники, больше начинаем любить тех, кто обнажает перед нами свои духовные язвы.

Потом я попросил его назначить мне какое-нибудь послушание в монастыре, о чем речь далее.

Кстати, у самого входа в его комнату я заметил высокий мольберт и на нем большую незаконченную икону Божией Матери; оказывается, батюшка был еще и хорошим иконописцем.

Уходя от него, я уносил впечатление, что он — строгий. Это, впрочем, не удивляло меня и не разочаровывало: из святоотеческой литературы я давно знал, что и святые люди бывают индивидуальны, одни — ласковы, другие — суровы, одни — гостеприимны, другие — чуждаются встреч, одни молчаливы, другие — приветливые собеседники. А перед очами Божиими все они могут быть угодниками. Впрочем, об о. Германе от других лиц мне не раз приходилось потом слышать, что с ними он был весьма ласков... Может быть, лично для меня он принимал такой строгий тон, как спасительный мне?.. Нет, думается, он по природе был действительно серьезным и строгим вообще.

ГРИБНОЕ ПОСЛУШАНИЕ

Как только что было упомянуто, перед уходом я обратился к нему с просьбой:

— Батюшка! Не дадите ли вы мне какое-нибудь послушание, чтобы я до отъезда поработал в монастыре?

Мне тогда припомнилось, что один из товарищей по академии вот так же попросил в Валаамском монастыре послушание и его отправили на скотный двор доить коров. Вот думалось теперь: и мне дадут сейчас какую-нибудь грязную и тяжелую работу, и я... смирюсь, приму и исполню ее. Но старец оказался проницательнее меня:

— Какое же дать послушание? Уж лучше отдыхайте. Ну, вот разве грибов пособираете на монастырь?

— Хорошо,— ответил я, недовольный, однако, что не удостоился «грязного» послушания.

Но прошел день, прошел другой, а я и не думал о грибах. Потом как-то раза два-три сходил в лес, набрал немного и отдал их на кухню. Думаю, что о. Герман и забыл о таком пустяке. Но перед отъездом при прощании он неожиданно задает мне вопрос:

— А послушание-то грибное исполняли?

— Плохо,— ответил я в смущении.

Батюшка ничего не сказал, но я сам почувствовал, что и тут я не оказался твердым.

Однажды, собирая грибы, я запоздал на обед.

Пришел в трапезную, когда все столы были вычищены. Трапезный послушник, брат Иван,— он же нес и послушание церковника в храме — молча, с скромной улыбкой поставил мне пищу. Это был молодой человек, с красивым родовитым лицом... Во время моего обеда монастырские певчие делали в трапезной спевку к празднику. И так мне все казалось прекрасным: и пели хорошо, и грибов я набрал, и брат Иван — такой хороший. И я както сказал о. Герману:

— Какой хороший брат Иван!

— Это у вас — душевное, а не духовное чувство к нему,— точно холодной водою облил меня старец.

Я замолчал и думал: как духовные люди осторожно разбираются во всем, даже — и в «хорошем». Они правы: в нас много бывает всякой смеси; особенно же — в начале опыта. Я снова получил печальный урок. Но самое печальное было еще впереди, к концу.

Этот новый урок был связан с прибытием сюда в монастырь Елизаветы Федоровны и ее сестер, монахинь Марфо-Мариинской обители в Москве [107]. Ввиду наезда их нужно было освободить для них несколько номеров монастырской гостиницы. И некоторым из богомольцев предложено было переселиться внутрь монастыря. Среди них и я получил какую-то маленькую запущенную келейку, в которой давно никто не жил. Но скоро началась всенощная; и я, по обычаю, стал на клирос с певчими.

Службы в монастыре совершались необыкновенно медленно. Мне еще нигде не приходилось наблюдать такой растянутости: и ектений, и пения. Вероятно, настоятелю почему-то нужно было это — не хочу судить его. Но мне такая тягучесть была просто нудна, мучительна. И я стал ускорять темп пения: за мной потянулись и певчие.

Мелькало у меня и желание подкрасить этим богослужение еще «ради княгини».

Но через несколько минут из алтаря, где стоял на этот раз и настоятель, вышел тот самый брат Иван, о котором упоминалось раньше, и, подойдя к регенту хора, сказал:

— Батюшка, — т. е. о. Герман, — благословил петь реже...

Я понял, что вина тут моя, и немного сократился. Но оказалось — не вполне. Через некоторое время брат Иван во второй раз передал то же распоряжение о. игумена. Стали петь еще пореже. Но батюшка и этим не удовлетворился: «Пойте, как всегда!» — передал он регенту строго через брата Ивана. И хор возвратился к обычной тягучести. Служба шла от 6 часов до 11 ночи. Все разошлись после по своим местам.

Я пришел в свою запущенную келейку. Лег спать. Но это оказалось совершенно невозможным: мириады оголодавших блох ожесточенно бросились на меня. Никакие усилия заснуть не помогали. Так я промучился часов до пяти утра, когда уже начинало рассветать. Наконец, утомленный, я задремал. Но не прошло, вероятно, и часу,

как в дверь моей временной келии раздался стук с обыкновенной монашеской молитвой: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас!» Я немедленно проснулся и ответил: «Аминь».

Наскоро накинув подрясник, отворил дверь; и какой-то послушник спокойно сказал: «Батюшка,— т. е. игумен,— просит вас прийти к нему» — и ушел. Через несколько минут я был в кабинете старца. Пригласив меня сесть, он стал собирать пришедшую почту. А зрение у него было уже плохое.

— Это письмо кому? — спросил он, подавая мне прочитать адрес.

— Отцу... (такому-то).

— А это?

— Это — отцу (другому)...

— Вы уж к нам больше на клирос не становитесь! — вдруг заявил он мне все так же ровным голосом, как и с адресами. Я понял, что этот урок мне за вчерашнее ускорение пения. А он в объяснение своего приказа добавил:

— Ваши напевы к нашим не подходят.

Не напевы, а темп мой действительно не подходил к их тягучести... Мне, разумеется, ничего не оставалось делать, как молча согласиться, в чужой монастырь со своим уставом не ходят, говорит пословица. Игумен был прав.

После этого он отпустил меня в мою блошиную келию. Но уходя, я чувствовал необыкновенную душевную боль от этой «обиды». Хотя игумен

был обязан сделать, чтобы посторонний человек не разрушал установленного порядка, но это правильное соображение не могло умирить мое взбаламученное сердце. Наоборот, боль все возрастала и усиливалась. Я мог бы теперь и заснуть после бессонной ночи, но было уже не до сна. Душа горела от горечи «обиды». Не помню, пошел ли я уже на литургию или было не до молитвы, но я стал настолько мучиться, что нужно было принимать какие-то меры к облегчению страданий. И тут мне вспомнился совет, который я вычитал где-то у Толстого: во время гнева должно заняться какой-то тяжкой физической работой. Что мне делать? Грибы собирать? Это — легкое дело. Дрова рубить у кухни? Монахи обратят внимание и смутятся. Что еще?.. И я решил замучить себя ходьбой по оврагам, по чащам... Так и сделал... Прошел час, больше... Я уже взмок от пота... Но ничто не помогало: боль не унималась. Сердце щемило: как «он» не пожалел меня? Ведь я — даже не простой монах, а будущий «профессор» академии! Да и почему бы ему не потерпеть меня? Осталось день или два жить. Да и пение уже возвратилось к обычной медлительности...

Старался и повторять молитву Иисусову; и это не помогало залить огонь самолюбивого раздражения.

А назавтра — в воскресенье — он уже благословил меня сослужить ему на литургии: как же я буду служить с таким озлоблением против него? Один грех будет!

И метался так я несколько часов. Но, наконец, пришла мне мысль: «Необходимо обратиться к таинству исповеди!» Однако и к исповеди следует идти, примирившись сначала! Значит, я должен попросить у него же еще и прощения?.. Ах, как все это — трудно, трудно!

А тут вспомнился мне и другой инок, против которого у меня уже несколько дней зародилось раздражение: он мне казался святошей, любителем учить и наставлять самомнительным старцем и т. д. Значит, и у этого нужно просить прощения?.. А исповедником в монастыре был известный старец о. Алексий[108]. Он назывался затворником, потому что большую часть недели проводил в одиночестве, но в среду (если верно помню) и в субботу исповедовал приходивших; к этому затворнику, собственно, и приезжала великая княгиня с сестрами на исповедь. После мне приходилось слышать, как и княгиня говорила одному лицу, что о. Герман — «строгий и суровый». А о. Алексий был много проще и мягче. Сам он прежде был одним из протоиереев при Успенском Кремлевском соборе. Потом, овдовев, ушел в затвор в Зосимовскую пустынь, отдав себя в послушание о. Герману. Тут ему было дано послушание исповедовать. Впоследствии, через 7 лет, он был участником в Московском Поместном Соборе: и ему именно было благословлено вынимать жребий одного из кандидатов в патриархи. Помню (я тоже был членом Собора), как он, широко осенив себя трижды крестным знаме-

нием, опустил руку в ящичек и передал записку митрополиту Владимиру.

— Митрополит Тихон,— громко прочитал тот имя избранного в патриархи.

Вспомню кстати, что он после революции советовал приходившим слушаться Высшую церковную власть, заповедавшую (хотя и не сразу) признать новую власть.

Вот к нему я и должен был идти на исповедь. Вопрос у меня был лишь в том, нужно ли у обоих «нелюбимых» монахов просить прощения, или же лишь у отца Германа? Ломая свою волю, я уже готов был пойти к обоим. Но потом усумнился в благоразумности «мириться» с другим иноком, когда у нас с ним не было никакого столкновения и он даже не подозревает, что таилось в моей дурной душе. Обдумав, я предрешил: пока не смущать того напрасно, а если отец Алексий благословит, то потом попрошу прощения и у него. А теперь, перед исповедью, пойду лишь к о. Герману.

Обычно по будням он становился в самом конце храма, на правой стороне, среди других иноков. И как сейчас вижу его: высокий, прямой, с закрытыми глазами, он неподвижно стоял, как столп; и точно не замечал никого и ничего, углубившись во внутреннюю молитву. Вероятно, он беспрестанно творил молитву Иисусову. Несомненно, он был высоким молитвенником, исключительным. Но под праздник о. Герман стоял в алтаре. К нему я и направился перед исповедью.

Поклонившись, по обычаю, в ноги, я сказал:

— Благословите, батюшка, исповедаться у о. Алексия!

— Бог благословит! — бесстрастно, как всегда, ответил он.

— Батюшка! Простите меня!

— Бог простит,— сказал он, точно и не помышляя об утреннем уроке.

— Но у меня против вас,— говорю я,— есть особенное огорчение.

— Какое? — все так же спокойно продолжал он.

— Утром вы строго обошлись со мною.

Отец Герман не стал оправдываться, а кратко сказал следующее:

— Простите меня! Я от природы — человек гордый.

Так именно и сказал: не твердый, не строгий или суровый, а — гордый.

...Но мне уже не требовалось теперь объяснений и извинений: как только я поклонился и сказал это дивное слово «простите», из моей души исчезла решительно всякая злоба, мука, а водворилась полная тишина! Совершилось известное всем нам чудо благодатного исцеления кающегося. Ни Толстой, ни утомление не помогли, а «простите» дало мир. И я спокойно пошел к затворнику. Рассказал и о грехах раздражения. Он одобрил мое покаяние перед игуменом, а к другому монаху тоже не посоветовал ходить, лишь бы в сердце покаяться на исповеди.

На другой день я с миром сослужил о. Герману.

Потом, намереваясь в понедельник уезжать, сходил к нему попрощаться. Беседа была недолгая, но мирная. В заключение он подарил мне два красных малых яблочка и еще что-то.

Теперь я стараюсь вспомнить: спал ли я две последних ночи? Кажется, да. Куда делись блохи, не знаю... Вероятно, внутренний мир преодолел их кусание...

Закончу главу эту последним актом о. Германа. Довольно рано утром я пешком направился к станции. А свой узелок бросил в возок, на котором должен был ехать игумен — провожать княгиню... Погода была тихая, но облачная... Чувствовалось уже приближение осени. На траве была, помнится, свежая роса... На душе было мирно...

Так прошел с полпути. Слышу, сзади тарахтит возок. Оглянулся: впереди — кучер-монах, а сзади игумен с приставом, тоже ехавшим провожать княгиню. Поравнявшись со мною, о. Герман велел остановиться. Потом молча, без слов, коснулся рукой до плеча офицера; и без слов же указал ему на козлы, чтобы он туда пересел. А меня батюшка посадил рядом с собою. Лошадь тронулась опять. Едем. А о. Герман правою рукою обнял меня и ласково поглаживает по спине. Молчим. А я про себя думаю: «Да, вот два дня назад побил! А теперь ласкаешь? Лучше бы тогда не бил...»

Но эти мысли были уже без яда злобы и раздражения.

За нами подъехала и княгиня с сестрами. Подошел поезд. И мы сели. Отец игумен стоял — как всегда бесстрастно. И даже кланяясь княгине, хранил свое обычное внутреннее спокойствие... Конечно, это был святой подвижник, хотя и сурового типа.

С того времени прошло целых 35 лет. Пронеслась революция... Потом вторая война с немцами... Я был в Москве на выборах патриарха. И тогда встретил одного человека, бывшего монаха в Зосимовой. Он тоже считал батюшку святым. Но говорил о его ласковости и любви.

Обитель просуществовала, кажется, до 1923 года. Отец Герман еще окормлял ее. И предсказал:

— Пока я жив, обитель не тронут. А помру, придется вам всем разойтись.

Так и случилось: буквально в день его погребения монастырь был закрыт. Иноки разошлись — кто куда.

Что будет дальше — Бог весть... [109]

1956—13/XII

ОТЕЦ ДИОНИСИЙ

Родился он в 1854 г., 1 ноября, в день свв. Космы и Дамиана, в селе Белицком, что на речке Чопке, на границе Таврической и Екатеринославской губерний. Отец его был крестьянин Вукол Иванович Чудновец; мать — Мария; дети — Симеон, Даниил, Дамиан — таково было прежнее имя о. Диони-

сия — Мария, Марина и Никифор. Семья была религиозная; ходили к утрене и пели. Дамиан рассказывает про себя, что он любил заглядывать в алтарь, чтобы посмотреть, как во время таинства пресуществления сходит на Дары — Дух Святый.

Пришел срок солдатской службы старшему брату Симеону — попросту Семену — но он был уже женат, а второй скончался, и Демьян пошел в солдаты за старшего брата. После службы его, в 1878 г., умерла мать, а в 1879 г.— отец. И Демьян в 1880 г. ушел в Бахчисарайский Успенский скит [110]. Он был как бы в раздвинувшейся горе; восточная сторона была очень крутая, а западная — несколько отлогая. На первой, очень высоко, был городок, когда-то в нем жили караимы — секта евреев; при мне он был совершенно пуст. Жил только сторож этого места, у ворот крепостной ограды. Называется он «Чуфут-Кале».

А вот на противоположной подсолнечной стороне этого городка и находился в горе Успенский скит. Вверху был целый ряд пещер, в которых были и храм, и келии для монахов. Может быть, здесь и в древние христианские времена был монастырь, потому что весь Крымский полуостров принадлежал православным грекам. Но внизу лощин были построены деревянные домики. Средства на это дал известный во второй половине [века] церковный благотворитель С-в.

Сюда и прибыл Демьян. Игумен принял его охотно и отвел ему место в пещерах. Спокойно — такой у него был характер всю жизнь — принялся

за монашеские послушания. Но вскоре он почувствовал резкие боли в ногах; в пещере было сыро и темно. Не вытерпел этого Демьян и спустился вниз к игумену, жалуясь на ревматизм в ногах и прося дать ему какой-нибудь уголок в деревянных домиках.

— Эх, брат Демьян, брат Демьян! Первое послушание тебе дано: и ты не вынес его!

Демьян стал ссылаться на болезнь, желая оправдать себя.

— Ну, что же?! Хотя бы и умер ты: был бы мучеником,— сказал ему игумен.

Тогда Демьян понял значение монашеского послушания и говорит:

— Ну, батюшка! Воротите меня опять в пещеру.

— Нет, теперь уже поздно. Переходи вниз!

— И с той поры,— говорил мне о. Дионисий,— я дал себе зарок: никогда ничего не просить, а только исполнять послушание.

В июле 1895 года он был пострижен в мантию, с именем Дионисия, в память преподобного Дионисия, игумена Глушицкого (Вологодской епархии), празднуется 1 июня. Обыкновенно при пострижении переменяют мирское имя на другое, преимущественно иноческое,— но с сохранением заглавной буквы. И после пострига о. Дионисий был рукоположен во иеродиакона, которым прослужил 4 года. В 1899 г. хиротонисан в иеромонаха, а в 1914 г., 60 лет от роду, был назначен игуменом Бахчисарайского скита. Перед этим он был заведующим подворьем в городе Симферо-

поле, от которого Бахчисарай находится в 30 верстах. Здесь он был духовником епископа Таврического Феофана[111], чтившего его. У него же исповедовался и я, будучи тогда ректором Духовной семинарии. Из этого времени мне вспоминается один случай. Как-то на исповеди я жаловался ему на скорби. Отец Дионисий спокойно сказал мне в ответ:

— Бог бы и не хотел давать нам скорбей, но беда наша в том, что без скорбей мы не умеем спасаться!

Потом я переведен был в Тверь, а епископ Феофан — в Астрахань, оттуда — в Полтаву. В это время произошло такое событие с ним. Епископ Феофан был человек очень слабого здоровья, и вынужден был поехать в теплый Крым. От Симферополя нужно было ехать до Ялты на извозчике. На пути он заехал на короткое время к о. Дионисию. И быстро отправился дальше. Правящий епископ Димитрий (Абашидзе)[112], узнав об этом, рассердился на о. Дионисия, что тот не испросил на это его благословения, и, призвав батюшку к себе, обрушился на него с горячим выговором. Нужно сказать, что он родом был грузин, а они народ вспыльчивый, но отходчивый. После революции он ушел в Киевскую лавру и постригся в схиму, с именем схиархиепископа Антония; и прославился на всю Россию как святой старец. Умер он в 1942 году.

Отец Дионисий без всяких оправданий упал ему в ноги:

— Простите меня, святый владыка!

А тот все горячится. Отец Дионисий снова падает в ноги:

— Простите меня, святый владыка!

И так до конца, пока сошла с него горячка, и в мире отпустил о. Дионисия. Говорят: епископ после каялся в этом. Но нам важно здесь — смиренное поведение батюшки.

В сентябре 1915 года он возведен был в сан архимандрита Бахчисарайского монастыря. А в 1919 г. я был поставлен викарным епископом Севастопольским (архиепископ Димитрий ушел в Киев на покой), и мне явилось желание взять его в Севастопольский архиерейский дом заведующим и настоятелем Петропавловского храма. Новый архиепископ Никодим[113] отпустил его. А о. Дионисий, по своему обету — «ничего не просить» — послушно согласился.

Из этого периода, в два года, я припоминаю о нем следующее.

Всегда смиренный, он был любим всеми. Лишь одна ненормальная женщина, низкого роста, после службы шла сзади него из храма до келии и все просила его взять ее к себе для сожительства. Но он, ничего ей не отвечая, шел спокойно к себе, пока не запер двери. Она уходила. Люди ничуть этому не удивлялись и нисколько не винили батюшку.

Я обычно говорил проповеди. Передавали мне после, будто он несколько печалился, что я хорошо говорю, но все о покаянии, тогда как следовало бы

учить о любви Божией к людям, это он и после часто повторял.

Еще мне запал в душу рассказ его о каком-то монахе, который горько со слезами каялся в грехах своих. И вот — это было под Пасху — он облил слезами весь пол перед молитвенным углом, и вдруг он исчез, явился свет, и в нем — Господь Иисус Христос — сказал ему, чтобы монах не унывал, что Господь прощает его...

Нечто подобное я потом встретил в житиях святых у Димитрия Ростовского.

Больше ничего не помню, к сожалению. А стоило бы записывать о нем... Это — особые люди... Уже одно воззрение его о любви Божией к людям говорит о необычайно духовной высоте его...

Подошла революция. Защитники Крыма эвакуировались за границу [114]. Меня о. Дионисий не удерживал. Сам, конечно, остался. После, уже будучи в Париже, я встретился с одним человеком, который выехал из Севастополя позже нас. Расспрашивая его, я, между прочим, заговорил об о. Дионисии. Тот рассказал следующее.

Отец архимандрит был арестован и заключен в тюрьму. Он перенес это совершенно спокойно. При допросе ему, между прочим, задали вопрос:

— Как ты смотришь на нашу власть?

— Как на наказание за грехи наши!

— А-а! За грехи? Наказание? Ну, вот тебе еще наказание: чисти в тюрьме все клозеты!

— Это легко. Только дайте побольше тряпочек.

И отец Дионисий спокойно чистил.

Через некоторое время его снова вызвали на допрос.

— Ну, а как теперь смотришь на нас?

— Не иначе как на Божие нам наказание.

Его опять оставили в тюрьме. Потом, видя кротость старца Дионисия и полную безопасность его, освободили из тюрьмы. Он, верстах в 7 от Севастополя, поселился на каком-то хуторе, собрал к себе человек пять послушников и трудился с ними на разных работах... Но потом удалили их и оттуда...

Он уехал в родные места Таврической области.

Теперь я буду брать из записок духовных чад его, которые мне пришлось читать уже по возвращении из Америки на родину, в 1952 г., 19 февраля.

Там рассказывается, между прочим, о случае с ульем. У него был всего лишь один улей, с верхней стороны его было отверстие под стеклом, в которое о. Дионисий часто с любовью смотрел, как работают там пчелки. И вдруг этот улей пропал. Но потом открылось, что его украл некий Федор. Улей возвратили. Батюшка охотно простил вора. И после этого он говорил: «Если ты не прощал от всей души человека, тебя обидевшего, ты еще не знаешь настоящей радости».

Исцелял молитвами своими больных и бесноватых; и они выздоравливали. У него был огромный синодик, который он сам читал раздельно, не торопясь.

— Я,— говорил он,— явственно чувствую общение с загробным миром и ответные молитвы усопших.

Потом рассказывал, что в самую пасхальную ночь у него было такое чувство, что «крыши над головой нет, а прямо — небо спустилось к нам».

Не любил похвал и иногда говорил жившим с ним монахам на хуторе.

— Вы-то ведь знаете, какой я грешник! И понимаете, какой вы этим делаете мне вред!

Когда отец Дионисий был выслан из Крыма на родину, он написал одной из духовных дочерей, которые глубоко чтили его, а потом — и служили ему:

«Только прошу, не надо скорбеть и волноваться, может быть, Господь делает это для нашего спасения. Надо уповать, что все делается по Его святой воле. Молись, не унывай. Да хранит тебя Господь и Матерь Божия и Ангел Хранитель: будь радостна. Церкви не оставляй, пением одушевляйся. А что ты поешь песнь Господу, подобно Херувиму, этим не возносись о своем даровании, чтобы не удалился от тебя Господь, и не погубила ты красоты души своей гордостью; но в смирении услаждайся с Господом и день, и ночь, да с Ним будет твое дыхание и жизнь. Сколько благодатного и радостного с нами сотворил Господь; но мы неблагодарны остаемся Твоей благости. Сам, Господи, просвети и озари нас светом Твоего благоразумия и соедини нас с Тобой в сей и будущей жизни,

чтобы мы лицезрели и славили Тебя, Создатель наш. Сего желает душа моя тебе, дорогая В. Н-на, за твою искреннюю любовь, которую ты всегда оказывала мне, грешному. Благословен Бог и милостив: да пребудет Он с тобою.

Твой духовный отец *арх. Дионисий*».

Нам же вдвоем с Олей батюшка писал:

«Христос посреди нас, дорогие сестрички В. Н. и О. И.! Мир вам! Радуюсь и благодарю Господа, что Он не оставляет нас Своею благодатию, милует и прощает нас, грешников, к Нему прибегающих в покаянии, и питает нас Своим Телом и Кровью, хвалите и благодарите Господа, создавшего вас так благодатно, по образу и подобию, для вечного блаженства с Господом Иисусом Христом, Который возлюбил нас Божественною любовью, даже до смерти крестной. Возлюбите и вы своего Жениха Иисуса Христа: Он ожидает вашей любви, вашей веры, вашей преданности и упования на Его милость и благодать. В Нем — наша жизнь, радость и спасение. Возлюбите друг друга; старайтесь избегать греха, который омрачает ум, оскверняет душу и сердце, наводит печаль и уныние. Стяжите смирение по образу Божию. И Он вознесет вас. В устах и сердце да будет молитва непрестанно: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешную!» После занятий на службе спешите в свою келию, ограждая себя крестным знамением. Приветствуйте друг друга любовию и о Христе лобзанием. Дома

отдыхайте телом и душою. Друг другу старайтесь услужить любовию и сердечно: Господь примет это Себе».

Еще письмо:

«Дорогая В. Н-на, оставь все земное, мрачное; вспомни благодатные минуты, когда ты в страстные дни пела о Божией Любви и о страдании за нас, грешных, нашего Господа. Как умилялась твоя душа горячею любовью и сожалением, что мы причинили ему своими грехами позорную смерть. Это Дух Святый за Его страдания наполнял твою душу. Не забудь тех минут святых! И постарайся — смирением, молитвою, терпением — преуспевать укрепляемая благодатию Божиею. Люби дорогую сестру О. И-ну. Господь соединил вас во спасение. Не думай, что это само собой получилось. Будь примером христианской любви и жизни».

В другом письме батюшка писал:

«Только не похвалю, что ты унываешь. Если ты сознаешь свою немощь и можешь укрепиться в высоких добродетелях — простоте сердца, в смирении, простоте и любви к ближним, то и тогда благодари Господа, что Он, Благий, терпит наши согрешения и не оставляет нас Своею благодатию. Господь пришел грешников спасти: и все верующие и уповающие на Господа — спасутся Его божественною благодатию и силою,— а не своими мнимыми подвигами и заслугами. Поэтому смиримся перед Господом, покоримся Его святой воле и будем переносить все с терпением и —

не унывать; потому что уныние есть величайший грех перед Богом».

И еще: «Проповедей о. архимандрит никогда не говорил... Но всегда батюшка старался нам внушить, чтобы мы непрестанно помнили: как Господь нас любит! Ты и представить себе этого не можешь. Но всегда это помни».

Еще говорил: «Если будешь всегда при церкви, то всегда буду любить тебя, и никогда не будешь одинока».

Если же я жаловалась, что кто-нибудь меня не любит, то всегда получала от него ответ:

«О чем нам хлопотать? Лишь бы ты любила!»

Рассуждая о будущем, о своей судьбе, батюшка обычно прерывал веселым голосом:

— О чем нам толковать? Что Бог даст, то и будет.

В скорбных обстоятельствах, во всех лишениях мы спрашивали его: как это он всегда спокоен? А он в ответ:

— Мне что? Я — монах! Значит, я всего себя отдал в волю Божию. Я так люблю Бога, что если бы Он и в ад послал меня, пойду с радостью исполнить волю Его!

Нам же говорил: «Я вас так люблю, сестры, то что бы вы ни сделали, я все равно буду любить вас».

В записках его духовных дочерей так описывается конец его жизни:

«В 1930 г., в Великом посту, он заболел тяжелой, мучительной болезнью печени; и очень страдал. Никому из нас не разрешал ухаживать за ним,

не желал показывать своих страданий, хотел в одиночестве приготовиться к смерти.

В эту же болезнь батюшка принял схиму.

Но к Страстям Христовым он мог уже выходить в церковь.

В эту весну, после Троицы, всем монахам, в том числе и архимандриту, было предложено уехать из Симферополя. Батюшка был спокоен, но руки дрожали; и вообще он торопился: признак внутреннего волнения. Переехал он недалеко. Но надо было уезжать и оттуда. Он уже не знал: куда себя деть?

И вдруг неожиданно приезжает наш бывший регент, отец иеродиакон Иннокентий, и говорит, что ему в его деревне Петропавловской, около г. Мелитополя, на утренней молитве пришла мысль: непременно ехать к отцу архимандриту и взять его к себе... И он его увез. В этой деревне он пробыл еще почти два года.

Осенью 1931 г. ему удалось выполнить свою мечту: побывать в Бахчисарайском монастыре и на монастырском хуторе «Анастасия». Но батюшка стал печален.

Весною 1932 г., в Неделю жен-мироносиц, батюшка сходил с детьми на речку и полежал там на берегу. Вернулся оттуда усталый, ушел к дом, не поужинав. Слышно было, как он там пел: «Ангел вопияше Благодатней». А наутро нашли его лежащим без движения на дворе. С ним был удар одной стороны, но говорить он еще мог, хотя с некоторым трудом. В утешение

о. Иннокентию он говорил, что у него ничего не болит и что «так легко умирать!» На третий день, 3/16 мая, он тихо скончался. Перед смертью батюшка был пособорован и причастился.

На погребении присутствовало семь священников. Похоронили его в ограде. Возглавлял службу благочинный, отец Дамиан. Какое совпадение имен: в день рождения батюшка был назван Дамианом, а теперь святые Косма и Дамиан прислали своего соименника проводить его в жизнь вечную.

Отец благочинный сказал прощальное слово на 118 псалом, ст. 54: «Пета бяху мне оправдания Твоя, на месте пришельствия моего». По русскому переводу это понятнее: «Уставы Твои были песнями моими на месте странствований моих!» — т. е.: «Заповеди Твои, Господи, были песнями моими на местах странствований моих на земле».

Вечная тебе память».

ДОПОЛНЕНИЕ

После того как я написал это житие о. Дионисия, мне одно лицо — не знаю почему — прислало пять тетрадей о «Современных подвижниках». И там я нашел заметку и о нем.

Перепишу сюда выдержки, как они записаны.

Однажды недавно попавшая к нему под руководство девушка исповедовала все свои грехи. Целый свиток был исписан грехами. И она со страхом и стыдом читала ему их. По окончании исповеди девушка от стыда не смела взглянуть на старца.

К ее удивлению, отец Дионисий после исповеди стал весело ходить по комнате, напевая что-то. Заметив ее изумление, старец сказал:

— Когда человек искренне кается, то благодать, получаемая им, переходит и священнику.

После беседы с ней батюшка разрезал арбуз, он оказался невкусным. Но о. Дионисий, вкусив, стал хвалить его: «Вот арбуз! Ну и арбуз! Никогда такого не ел!» Дал и ей вкусить. Старец провидел усердие этой сестры и хвалил арбуз.

Летом архимандрит Дионисий жил на хуторе, принадлежавшем Херсонской обители, находившемся в нескольких километрах от С. Зная вред праздности и желая предохранить своих чад от дурных помыслов, старец отправил их с хутора домой и нагрузил их овощами и фруктами в таком количестве, что еле несли это: трудящемуся не придут в голову помыслы — не до них! Приходится об одном думать: как бы скорее донести тяжесть.

Однажды сестра, нарушив заповедь блаженства, сказала в унынии старцу:

— Батюшка! Я не люблю Бога: нарушаю заповеди Его. А кто любит Бога, заповеди Его исполняет.

Старец быстро вскочил с места, где сидел, и очень расстроился:

— Таких слов говорить нельзя! Бога мы любим. Но как не достигшие совершенства, нарушаем заповеди по немощи!

Идешь, бывало, к старцу — буря помыслов.

Войдешь в его комнату — все исчезло, тишина на душе: так бесы, насылающие эти помыслы, боялись старца, не смея даже войти к нему.

Душа отца Дионисия была необыкновенно тонкая, нежная, чуткая.

Любимые темы его проповедей были: любовь, смирение, кротость.

Духовная дочь старца за веру во Христа была посажена в тюрьму. Там она видела следующий сон. В церкви из алтаря вышел о. Дионисий. Она подошла к нему и опустилась на колени. Старец возвратился в алтарь и вынес оттуда громадный цветок розы на длинном стебле... И дал его ей со словами: «Гляди на эту красоту, помни о вечной красоте».

Умирала мать этой девушки. Вместе с нею, видя ее страдания, страдала и дочь. Во сне она увидела отца Дионисия: и он, желая утешить ее в горе, сказал ей:

— Без страданий нельзя спастись!

Та же духовная дочь, много лет спустя, видела старца со всеми его духовными чадами, и он сказал им:

— Мы должны быть образцом для других!

Она же видела во сне усопшую свою мать и бросилась к ней со словами:

— Это ты, моя радость!

Она строго взглянула на дочь и сказала:

— Радость — Господь!

ЕПИСКОП ИННОКЕНТИЙ ХЕРСОНСКИЙ

СТУДЕНТ

Перед нами стоит смиреннейший епископ Иннокентий. Это имя дано было ему при постриге не случайно, а в память святого архиерея Сибири[115], откуда и где воссиял и сей Иннокентий. Происходил он из духовной семьи Рязанской губернии Солотчиных[116]; но потом они переехали в Томскую губернию. Кончил там Духовную семинарию, а потом поступил в СПб. академию[117]. Почти всегда поступившие в нее кончают успешно четырехлетний курс. Но Солотчин, неожиданно, после двух лет обучения, подает прошение об увольнении. И потом просит Томского архиерея зачислить его сотрудником в Алтайскую миссию[118] для просвещения сибирских язычников. Тайна такого исключительного поворота души студента мне не известна. После этого раб Божий никогда не хвалился академическим образованием, как другие, упоминая лишь о семинарии.

— Но, владыко, вы же учились и в академии,— скажет, бывало, кто-нибудь.

А он, просто глядя вам в глаза, ответит медленно с невинным видом:

— Да ведь что же?! Не кончил ее! — давая понять, будто его уволили за неспособность.

И на этом обыкновенно обрывались все разговоры об академии. Дальше шли речи более важные, чем учебная школа. По-видимому, о. Иннокентий не придавал действительно в душе своей

особого значения наукам, но открыто он никогда не говорил об этом. Лишь однажды он рассказал мне следующий случай из жизни казанского ученого архиепископа Владимира [119], бывшего раньше инспектором и профессором в СПб. академии. Приехал он в семинарию на экзамен по философии. Вызвали лучшего ученика. Он смело ответил по своему билету. А потом архиерей задал ему вопрос:

— Скажи ты мне: что такое философия?

Лучший ученик сразу припомнил определение ее в учебнике и бойко начал: «Философия есть наука о бытии в его сущности» — и т. д., и т. д.

— И ты все это учил?

— Да,— в недоумении ответил молодой философ.

— И зубрил?

Семинарист промолчал.

— Так забудь ты все это. Я тебе скажу, что такое философия. Философия есть наука о заблуждениях человеческой мысли.

Так ли было в деталях, или в простой передаче еп. Иннокентия рассказ получил несколько упрощенную форму, но думается, и сам он не придавал высокой цены нашей учености. И совершенно верно! Может быть, и молодому студенту Солотчину уже тогда не по душе пришлось преклонение перед «науками», и он уволился из академии? Или Бог звал его к апостольскому делу миссии?

В АЛТАЙСКОЙ МИССИИ

Эта миссия состояла из нескольких «станов», в каждом из которых трудилось по нескольку человек. В один из таких и вступил Солотчин,— уже постриженный потом в монахи, с именем Иннокентия [120]. Вероятно, сначала он был послушником, а впоследствии стал и начальником стана. Служение это было нелегкое: язычники относились к миссионерам враждебно, условия жизни были физически трудные, иногда и хлеба не достанешь; климат суровый; а больше всего тут вредил святому делу «ангел сатанин», о ком говорил ап. Павел: «да ми пакости деет» [121].

Ведь вся история христианской миссии, со времен деяний апостольских, есть крестное дело среди борьбы, гонений, мучений, убийств, ненависти врагов Христовых. А во главе всего этого стоит диавол: о нем в наших школах на уроках церковной истории, увы, не говорилось, все переводили на «естественно-исторические» причины. Но сила Божия все препобеждала; и волны Церкви, перекатывались через все препятствия, бежали все дальше и дальше, до концов мира. Сам Бог помогал проповедникам — и словом, и чудесами.

Так было и в Алтайской миссии.

Однажды стан о. Иннокентия остановился на границе языческого поселка. У миссионеров не было пищи. Сам о. начальник пошел с мешком к одному из жителей, прося хоть продать ему муки или хлеба. Но тот отговорился бедностью и указал на

богатого шамана (местного жреца). О. Иннокентий и пошел к нему, прося хлеба Христа ради. Тот встретил его недружелюбно, но сделал вид, что хочет дать муки. Пришли к амбару. Шаман приказал раскрыть мешок. И взяв одну щепоть муки, сказал с насмешкой:

— Вот тебе Христа ради!

Не смутился Христов ученик. Истово перекрестившись, он упал с благодарностью шаману в ноги и сказал:

— Да спасет тебя за твой дар Христос Господь!

Жрец так был поражен смирением монаха, что тут же просил научить его вере христианской и без долгих проповедей крестился сам со всем поселком.

И сколько бы мог рассказать интересного, важного и поучительного из своей работы о. Иннокентий, но никогда, вопреки нашему общему влечению хвалиться, ничего подобного не говорил. Мудрые любят смиренное молчание. Поэтому и я, к сожалению, не могу ничего больше рассказать об этой полосе его жизни.

В САНЕ ЕПИСКОПА И НА ПОКОЕ

Мало-помалу о. миссионера возвышали в чинах, и, наконец, возвысили его в сан епископа Благовещенского[122]. Но по его смиренной душе, привыкшей служить, а не повелевать, было новое послушание. И он начал просить освободить его от

высокого положения и отпустить на покой, куда-нибудь в монастырь. Вероятно, и года уже незаметно подходили к старости. Справедлива русская пословица: «не так скоро дело делается, как скоро сказка сказывается». Время у всех течет быстро и незаметно несет нас к общему концу — к смерти. Но можно без колебания предполагать, что наряду и в основе внешней миссионерской деятельности росла и его внутренняя собственная духовная жизнь: молитвенный дух, живое благодатное общение с Богом, стремление отдаться всецело Господу. И возможно, что епископ Иннокентий, отчасти прикрываясь своей старостью и «неспособностью» к управлению, стремился теперь отдаться более созерцательной жизни к «спасению своей души». Ведь один Бог да дух человека знают: что было и есть в человеке! Святейший Синод назначил его сначала в Алатырский Троицкий монастырь (Симбирской губернии)[123], потом он был переведен на юг, в Крым, настоятелем монастыря возле г. Севастополя[124]. Этот монастырь был создан на месте крещения св. князя Владимира. Еп. Иннокентий управлял им около четырех лет, затем был перемещен настоятелем в Свияжский монастырь Казанской губернии[125]. А оттуда был возвращен в Херсонес в 1909 г. Здесь мне и пришлось встретить его. Еще будучи студентом академии, я посетил его. А потом, рукоположенный в викария Севастопольского, сделался его преемником по управлению монастырем; он же ушел совсем на покой, удалившись в особый домик, возле колоссального собора,

построенного над остатками стен древнего храма, где, по преданию, крестился князь Владимир. В домик к нему почти никто не ходил. Но об этом расскажу после.

А теперь вспомню кое-что о жизни его, как настоятеля этого монастыря, и как об этом я слышал от других — сам он всегда предпочитал молчание.

В монастыре братии было не много, человек 30, хотя земельные средства были очень богатые. Братия в большинстве была поющая и становилась на клиросе; другие, по обычаю, несли иные послушания: в алтаре, на кухне, по коровнику, по трапезной и проч. Сам настоятель, епископ Иннокентий, обычно становился с певчими на клиросе. По монастырскому уставу в нескольких местах утрени полагается, как известно, и посидеть. Например, при чтении псалмов можно сидеть, отчего они и названы по-гречески «кафизмами», а по-русски это значит «сидение»; во время чтения поучений и проч. Для этого на клиросе делались подъемные лавочки, которые после сидения опускались. Конечно, монахи всегда пользовались этими моментами «отдыха». Но зато стоял владыка, никогда не присаживавшийся, несмотря на старость. Говорят, что кто-то из посторонних однажды спросил его:

— Владыко! Почему вы не садитесь, как и все другие?

— Да ведь как тут сядешь-то? — отвечал он на очень простом сельском языке.— Вон они (монахи) сидят, а я стою. А если я сяду, так они и лягут, пожалуй.

Я думаю, что подобной шуткой он хотел снова прикрыть совсем иные мотивы стояний: подвиг свой. Но ему совершенно невозможно было вскрывать напоказ свои добродетели. И вероятно, потому он отвел нескромный вопрос шуткой. Вообще он говорил крайне просто, иногда прямо по-деревенски, употребляя крестьянские обороты, вроде: «Ежели всмотришься-вглядишься», или «Да кто ж его знает» и т. д. Никогда не любил употреблять иностранных слов.

Однажды произошел такой случай. О. Амвросий, исполнявший в монастыре обязанности ризничего, как-то остался ночевать у знакомых в городе, а в монастырь возвратился уже утром. Благочинный, по долгу своему, сообщил об этом владыке. Он велел позвать виновного к себе в настоятельские покои. По обычаю, монахи при входе кланяются архиерею в ноги, прося благословения.

— Отец Амвросий,— спокойно обращается к провинившемуся владыка,— ты нынче не ночевал дома-то?

— Простите, владыка святый! — снова бросается тот в ноги святителю.

А монах он был большого роста, всегда с тщательно расчесанными волосами и бородой, в прекрасно сшитой рясе, а иногда и на шелковой шумящей подкладке, с красивыми разноцветными точками, в блестящем черном клобуке, жизнерадостный, улыбающийся, всем услужливый, приветливый. А сверх всего этого, он искренно любил

владыку и прислуживал ему. Да и святитель, кажется, относился к нему с любовью же.

— Простить-то бы ништо! — отвечал пословицей архиерей.— Да было бы за што.

Тот молчит. Да и что тут скажешь.

— Давай помолимся!

И старый святитель становится перед образами и начинает класть земные поклоны с молитвой: «Господи Иисусе Христе, помилуй меня, грешного!» С ним бьет поклон и о. Амвросий; за первым следует второй, пятый, десятый, тридцатый... Старцу архиерею, ширококостному, но с тощей постнической плотию, все нипочем; а у полного ризничего уже и сил нет, и пот катится по лицу... Уж не знаю, до какого десятка довел виновного владыка. Потом обращается к монаху с мирным благословением:

— Иди, брат! И вперед уж ночуй в монастыре.

Тот сделал последний прощальный поклон и вышел.

Пищу владыка употреблял самую простую: картофель, щи, кашу. Но если появлялись «важные» гости, он приказывал подавать и спрятанную соленую рыбу, и яичницу, и молочные продукты. Но сам не касался этой «роскоши». Подробный список пищи напишу после.

— Владыка, что же вы сами не кушаете этого?

— Желу-у-док не принимает,— отвечает он медленно и при этом указывает на место, где у него находится этот своенравный желудок. А смотрит он на вас в это время опять будто детскими

наивными глазами. Мы же уверены, что он лишь скрывает свое постничество,— и не только не вкушал, конечно, скоромного,— но и из постной пищи выбирал себе только самое простое: это тоже не так уж легко и обычно.

— Вот картофель,— и он дружественно указывал на пару картофелин,— принимает мой желудок.

Еще рассказывали мне замечательный случай с фотографией.

В его время покойный митрополит Киевский Флавиан[126] собирал почему-то фотографии всех русских архиереев. Но еп. Иннокентий не снимался, он считал это греховным делом:

— Ведь у нас кого изображают-то? Чьи лики-то на иконах? Господа нашего Иисуса Христа, Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, апостолов, мучеников, святых. Ведь вон Кого нужно изображать, а не наши грешные лица,— говорил он в объяснение.

Но тут был случай особый: сам Киевский митрополит просит! Что же владыка? Пишет письмо с отказом, прося прощение за ослушание. Но тот неумолимо настаивает на своем. Смиренный святитель повинуется, едет в город, снимается, но захватывает всего лишь одну фотографию для митрополита, а негатив приказывает фотографу разбить, чтобы тот не повторил снимков.

Кстати: вид его был благолепнейший. Широкая, из-под самых глаз растущая седая борода, проницательные, но намеренно скрываемые очи,

сжатые, едва видимые за усами, тонкие губы, широкие, но тощие руки, всегда прилично одетый, людей принимал непременно в рясе, клобуке и панагии, в храм ходил с архиерейским жезлом. Вообще вел себя достойно истинного святителя и по внешности показывал себя обыкновенным.

Но что было внутри, знает один Бог высоту его жизни и молитвы. Одно лишь я хорошо помню: на суставах его пальцев были большие мозоли — от множества земных поклонов.

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ ЕГО

Я уже писал, что он не любил учить и наставлять, особенно от своего имени.

И поэтому он в монастыре никогда не говорил проповедей. А в положенное время читали что-либо из разных печатных сборников. Как-то я спросил его: почему он не говорит от себя?

— Да ведь проповеди-то отца протоиерея Шумова (или там Белоцветова)[127] какие прекрасные! И думать-то не приходится. Лучше не скажешь!

И выйдя на амвон, широко перекрестившись, он благоговейно начинал читать монахам или немногим богомольцам из города «прекрасного» Шумова...

Мне случалось иногда беседовать с ним, и некоторые его мысли врезались навеки. Вот одна из них — «Кто хорош?»

Как-то я, еще студентом, начал в разговоре с ним хвалить одного из знакомых: вот он-де какой

хороший, какой славный. Выслушав мою легкомысленную сказку, владыка вдруг и спрашивает тихо:

— Вот мы,— не сказал мне — «вы» — а и на себя взял грех,— часто говорим: такой-то хороший, а такой-то нехороший. Скажите мне: что значит быть хорошим?

Немного подумав, я ответил ему:

— Хорош тот, кто смирен.

— Так-то оно так, да ведь как узнать-то, что ты смирен?

Я не нашел ответа и спросил, что думает сам владыка.

— Хорош тот, кто искренне считает себя нехорошим, тот только еще начинает быть хорошим.

На том и кончился тогда этот разговор. Но теперь я задумываюсь: зачем он задал мне такой вопрос? Не может быть, чтобы лишь для отвлеченного рассуждения! Такие люди всегда имеют какую-либо жизненную, практическую спасительную цель... Долго я размышлял и сделал такое предположение: урок его был направлен ко мне самому. Я хвалил другого, но в это время о себе думал высоко, что вот и я хорош, и хорошее дело делаю: хвалю, а не осуждаю. А если хвалю, то считаю себя вправе делать разбор и оценки, обыкновенно эти оценки делают высшие в отношении низших. Ясно, что я в то время воображал о себе немало и, конечно, не считал себя плохим... Вспоминается изречение из древних отцов, что они не любили ни корить, ни хвалить, ибо в обоих случаях они становились судьями, т. е. мнили бы себя выше других.

И владыка должен был сказать тогда мне прямо — чего ты о других думаешь? Посмотри на себя: ты-то каков? Но по своему смирению он не мог сказать это открыто, потому и придумал такой отвлеченный разговор.

Но увы! Я не сделал этого вывода до конца, а мне, как «богослову», понравилась лишь «остроумная» постановка вопроса о хорошести. И лишь теперь, много лет спустя, я вижу (и то мало еще): да, я не считал себя нехорошим...

В другой раз я вел себя еще хуже: в беседе с ним я уже кого-то резко и настойчиво осуждал. Епископ прямо мне смотрел в глаза и молчал, точно будто внимательно слушал. Во всяком случае он не прерывал меня, не остановил, и я во взгляде его не подметил укора... Может быть, теперь бы узрел печаль обо мне в очах его... Я продолжал и продолжал судить — он слушает. Наконец запас моей критики пришел к концу... После я много раз рассказывал об этом случае знакомым и задавал им вопрос: что они думают, как бы должен в подобном положении поступить опытный святой служитель? И что сказал на этот раз епископ?

И почти никто не отвечал мне правильно. И ответ — нелегкий. В самом деле, если бы согласиться со мною в осуждении, то и слушатель оказался бы соучастником греха; если же так или иначе осудить меня самого или хотя бы остановить разговор, то владыка стал бы судьей надо мной, как я — над тем. А кроме того, может быть, тот человек и в

самом деле что-либо худое допускал; если так, то как худое защищать? Или как называть его хорошим? Итак, везде трудно. А благодатный дух владыки нашел легко мудрый ответ. Крестясь, он спокойно с молитвой сказал: «Спаси, Господи, этого человека!» — т. е. осуждаемого мною. А затем, снова крестясь, добавил о себе: «И помилуй меня, грешного». Про меня же ни слова... Так он никого не осудил, кроме себя. А к осужденному проявил любовь в молитве... Я же сам уже должен был сделать вывод: хорошо ли я поступил, судя другого?

Я не раз поражался такой Божественной премудрости владыки. Дух Божий руководил его.

Пришла революция. В районах белой власти постоянно бранили красных. «Особый» владыка и тут занял особую позицию.

— Вот мы все осуждаем их и молимся о себе. Да ведь еще неизвестно: о ком нужно больше молиться-то? — Потом, подумав, добавил: — О них нужно молиться, они — в опасном духовном положении.

Ни слова ненависти, ни намека на их политику, ни даже какого-нибудь осуждения, а лишь — о молитве.

Еще вспоминается его ответ о войне: что он думает по этому вопросу? Тогда либеральное мнение осуждало всякую войну. А он, задумавшись немного, со спокойной решительностью и ясной для себя несомненностью сказал по-деревенски:

— Ежели всмотришься-вглядишься, то,

пожалуй, еще скажешь: слава Богу, что есть войны! Без них еще хуже было бы.

Признаюсь, что такой ясной и смелой формулировки о войне, с благодарением Богу, я не читал нигде. Такие люди, как он, не умственно подходят к вопросам, а духом зрят основную правду или неправду в решении их.

Пример — недавняя война против немцев... Ее принял сознательно и русский народ, вслед за правительством; ее благословила и Церковь от всего сердца. И, конечно, нужно сказать:

— Слава Богу, что война была!

Еще не хочу забыть один случай. Однажды еп. Иннокентий ехал по какому-то делу в Симферополь. Сидел он в третьем классе (и это — значительно). На одной из станций вошла женщина с ребенком на руках. Мест свободных не было. Он встал, уступил свое место и продолжал стоять... Это рассказывали очевидцы.

Однажды он заговорил о «фарисее», хвалившемся собою:

— Да ведь как тут не подумаешь о себе хорошо, когда сравниваешь с мытарями, прелюбодеями и другими грешниками? А если бы он сравнил себя с пророками, а мы теперь — с Пресвятою Богородицею, апостолами, мучениками, с великими преподобными, вот тут уж не станешь хвалить себя, а опустишь голову, как евангельский мытарь, да только и скажешь: «Боже, милостив будь ко мне, грешнику».

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Святитель вообще не болел, и я не помню случая, чтобы он обращался к докторам. И до самой кончины никто из нас в монастыре не думал о его близкой смерти. За неделю до этого я пришел к нему с какой-то беседою. По обыкновению, он был внимателен и сосредоточен. Перед моим уходом он, вопреки его обычной сдержанности, вдруг прямо и решительно обратился ко мне и дал мне некий обличительный совет... И притом со всей определенностью и даже с резкостью: точно это был уже не смиренный владыка Иннокентий. Совет был явно прозорливого свойства. Точно от удара хлыстом я съежился и виновато молчал. Но вдруг картина решительно изменилась:

— Простите меня, ради Бога! Простите,— завопил он.— Кто я такой, окаянный, что осмелился сказать вам это? Я сам еще не начинал спасаться!

А через неделю наступил конец. Утром ко мне пришел наместник монастыря (т. е. заместитель настоятеля, фактически правящий монастырем) и сказал об агонии владыки. Мы поспешили к умирающему. Там сидел и наш монастырский фельдшер, иеромонах Августин. Владыка был уже без сознания, тяжело стонал. И через несколько часов скончался. Когда он испустил последний вздох, вдруг раздалось страшное рыдание: это плакал о. наместник, духовный сын усопшего. Тут должно обратить внимание на крайнюю необычность этих слез именно не у кого другого, как у о. наместника.

Это был человек очень справедливый и талантливый администратор по монастырю, но в то же время — и властный, и резкий. Его почти никто не видел улыбающимся когда-либо. В монастыре у него было не мало врагов, особенно из своевольных и недисциплинированных монахов. И мне самому он был тяжел и казался жестким и жестоким. И не раз я собирался переводить его в иной монастырь, но все откладывал. И вдруг — этот надрывающий душу крик и рыдания. Я был поражен. Как он — о. наместник — любил покойного! А если любил, если мог так сильно любить, то он не мог быть дурным человеком: дурные никого не любят. И я искренне примирился в душе с мнимым недругом моим. А теперь вспоминаю его с почитанием и любовью и рад бы видеться...

После были устроены надлежащие похороны. И покойник был погребен под сводами в правозадней стороне.

Никаких денег у него не осталось. Вещи же свои он завещал монастырю и некоторым из нас. Мне досталась его верхняя ряса, которую я и носил, недостойный.

Среди книг и рукописей оказалась одна тетрадь его о необычайном чуде, о коем я по памяти теперь и расскажу, не ручаясь за точность подробностей. Эта рукопись была копией письменного доклада покойного Томскому архиерею, пославшему его обследовать необыкновеннейшее чудо.

В одном алтайском селе нужно было совершить крещение новообращенного. Возле стоял

и восприемник, бывший прежде язычником. Когда священник зачитал молитвы, где испрашивалось об освящении воды «наитием Святого Духа», то восприемник испуганно закричал, прерывая священника:

— Это и со мною так было? Это и со мною было?

Едва успокоили его, заставив замолчать. Что же оказалось? Когда священник молился о «наитии Святого Духа», сей бывший язычник, а теперь христианский восприемник, ничего не думая и, конечно, не разумея даже слов молитвы, вдруг явно увидел Духа Божия, спускавшегося из-под купола на чан с водою, в виде огня Пятидесятницы. И этот огонь растаял в воде.

Вот тут и закричал созерцатель этого чуда. О совершившемся донесено было архиерею, а тот и назначил ответственным следователем о. Иннокентия. Он под присягою допросил всех свидетелей, и все подтвердилось с несомненной достоверностью.

Благодарим Господа, что и доселе еще творились Его чудеса в Православной Церкви!

Значит, и при всяком крещении сходит Дух Святой. Значит, и при освящении крещенской воды сходит Дух Святой. Слава Духу Святому, Господу Животворящему!

Мне осталось рассказать о последнем воспоминании, слышанном мною от севастопольских дворян.

Жили муж и жена, она православная, он —

протестант. Дети у них не рождались. Но жена хотела иметь хотя бы приемного мальчика. А муж опасался брать приемыша, ввиду неспокойного характера своей жены. Споры не приводили их к соглашению. И тогда они решили принести вопрос на суд владыки. Его тогда уже чтил народ как святого. Пришли в монастырь. Епископ сначала принял мужа-протестанта. Его долго продержал владыка и выпустил плачущим, дав совет не брать приемыша. Жена ожидала к себе, именно как к православной, еще большего внимания и рассчитывала на победу своего мнения. Но владыка, ласково проводив мужа, жену его не принял даже для беседы, только с печальной укоризной сказал ей:

— Гордыня, матушка, гордыня! — и затворил двери...

Так мне рассказывали, так и записал.

Через год мы эвакуировались из Севастополя в Константинополь. Последний, кто пришел на броненосец проститься со мной, был тот же о. наместник, который горько рыдал над своим духовным отцом. Ничего он не просил, ни на что не жаловался. Только я чувствовал его любовь и ко мне, худому. Получив от меня благословение, он, печальный, тихо пошел по палубе... Что-то с ним будет?

Прошло 28 лет. Я возвратился из-за границы на родину. И узнал, что архимандрит Августин еще жив и живет в Алма-Атинской области. Я снесся с ним и получил несколько писем от него. Особенно я просил его написать мне воспоминания

свои об епископе Иннокентии, которого он знал много лет по Херсону, был ближайшим сотрудником его по монастырю и лично. Из этих писем я и выпишу некоторые новые данные об угоднике Божием, а также и о самом монастыре. А что было уже написано, опускаю.

«Приветствую вас с праздником Св. Живоначальныя Троицы...

Посылаю вам сведения об епископе Иннокентии... Написал то, что более запечатлелось в памяти. В мире — Иван Солотчин. В епископа хиротонисан в Томске в гор. Благовещенск, в 1900 году (или 1899)...» Далее о. Августин вспоминает о хозяйственной деятельности святителя в Херсонесском монастыре, это я опускаю, пишу лишь то, что касается духовной личности его:

«Владыка Иннокентий, во все время его настоятельства в Херсонесском монастыре, неопустительно посещал все церковные богослужения. Особенно отдавал предпочтение утрене, совершаемой в 4 часа утра. На утрене сам читал все каноны. Никогда не садился, несмотря на болезнь ног. Особенно чтил память св. Иннокентия Иркутского, 26 ноября. Акафист ему читал на коленях, иногда со слезами. Раза три в году владыка ездил в севастопольскую тюрьму для совершения богослужения: в один день на Пасхальной седмице, на храмовый праздник св. Николая (9 мая) и в одно воскресенье Великого поста. И, кроме того, несколько раз в году ездил туда для собеседования с арестантами. В Великий пост читал им о страданиях Спасителя. Ког-

да служил там, то каждый раз выделял из своих скудных средств небольшую сумму (25 рублей) на улучшение пищи арестованным. Начальник тюрьмы сначала не хотел принимать этого, говоря, что у них пища и так хороша:

— Вы посмотрите на них, какие они исправные!

— Но все же,— говорил владыка,— слава Богу, что они — исправные, а я прошу принять от меня малую лепту. Наше дело — утешить их страдания хоть чем-нибудь: купить им рыбки, фруктов; чайком сладеньким с сухарями напоите, вот им и будет утешение и настоящий праздник.

В воскресные дни проводил беседы с братией в трапезной. Все монашествующие и послушники за неделю должны были заучить наизусть очередное воскресное литургийное Евангелие; и таким образом братия приучалась к чтению Евангелия. Великим постом владыка проводил с ними беседы о страданиях Спасителя.

Всех приходящих за помощью или милостынею принимал сам... Даже на пути в храм всегда останавливался и подавал милостыню просящим. Зато после смерти не осталось у него ни одной копейки, только — небольшая сумма, оставленная заранее в конверте с надписью: «На погребение».

Незадолго до смерти владыка принял пострижение в схиму, с именем Иоанна, Предтечи Господня, и над ним было совершено таинство елеосвящения...

Митрополит Петроградский Антоний был два раза; первый — в сентябре 1902 года. Обращаясь к братии монастыря, он сказал: «Вам назначили настоятелем великого молитвенника, смиренного и кроткого епископа Иннокентия. В духовном отношении он будет образцовым настоятелем, а в экономическом, я думаю, между братии всегда найдутся опытные ему помощники, которые будут следить за хозяйственной жизнью обители...»

Расскажу про один печальный случай. В 1904 году Владыка Таврический Николай [128] возвращался из Одессы, с хиротонии Елисаветградского Анатолия [129], через Севастополь пароходом. Телеграмма его о приезде в монастырь не была получена своевременно. И лошади к 4 часам утра не были высланы. Владыка приехал на извозчике, к 7 часам утра; в это время Святые ворота бывают еще закрыты, и братия, после утрени, ложатся вздремнуть. Владыка Николай с черного хода подъехал к парадному подъезду. Первым заметил его я, так как мои окна были около подъезда. Пока я одевался, владыка был уже на верхней площадке лестницы. Двери в покои были заперты келейником снаружи. Когда его разыскали и открыли дверь, владыка Иннокентий подошел к владыке Николаю с приветствием: «Милости просим, Преосвященнейший Владыка». Но владыка Николай отвернулся от него и стал кричать: «Боже мой! Приехал архиерей, а они все спят!.. Старый дурак! Грех на себя взял и тот архиерей, который производил

и тебя в архиереи! Тебе не архиереем быть, а свинопасом!»

Владыка Иннокентий кланялся земно, прося простить его и братию.

— Пошел прочь, старый дурак! — и ушел в покои.

Наш владыка стоял с недоумением и говорил нам:

— Спаси его, Господи! Что с ним случилось? Верно, по дороге что-нибудь произошло? Надо молиться о владыке, чтобы Господь помог ему успокоиться!

После обедни он сделал попытку войти к владыке Николаю и взял просфору. Но он его не принял. Владыка весь день молился... Сообщили благочинному Баженову, он тоже ничего не знал о прибытии архиерея. И уже к 4 часам вечера приехал он к владыке Николаю. Во время их беседы была подана нарочным телеграмма. Тогда был приглашен и владыка Иннокентий. Он поклонился в ноги, умоляя простить его и братию за невнимание к епископу. Но — ни одного слова не сказал в оправдание себя, что они не получали телеграммы... Только тогда состоялось примирение...

(Моя вставка. Это для нас, грешных, — просто невероятно! И я думаю, что подобного случая не бывало во всем мире. Только смиренный святитель мог сделать это... Как не умилиться перед ним?! А о В. Н. хочется плакать.— *М. В.*)

— Ведь вот какие случаи в жизни бывают! — говорил нам он после.— Спаси нас, Господи!

Вспоминаю, кстати, и другой случай с о. благочинным. Умерла у него жена. Он приехал пригласить владыку на погребение. И просил преподать ему утешение в постигшем его горе. Подумал немного владыка и сказал: «Слава Богу!» О. протоиерей смутился от такого ответа.

— Нужно не сетовать, а благодарить Господа за великую Его милость. Ведь без Его воли святой ничего не совершается в мире!

Не успокоился благочинный. А владыка спокойно продолжал:

— Когда мы научимся жить по воле Божией и Его всеблагому Промыслу, то для нас будет ясна и смерть матушки. Она тяжело болела больше года, приготовила себя к переходу в вечную жизнь. Об ее кончине нужно только благодарить Господа и усердно молиться!

О. благочинный понял владыку и стал благодарить его за такое утешение...

Относительно прозорливости.

Был такой случай. Одна гражданка г. Севастополя пришла к владыке за благословением. Он благословил ее и сказал:

— В твоей комнате на сундуке, под клеенкой, лежит картина, которую ты должна убрать: у тебя на днях будет обыск и ты можешь пострадать.

Это был портрет Николая II. Женщина эту картину сожгла. Через 5 дней, действительно, был обыск, и все обошлось благополучно.

Отношение к братии было снисходительное. Виновных иногда вызывал к себе, сначала говорил

спокойно, под конец возвышал тон. Когда виновный уходил, то он нам с восторгом говорил:

— Ух, и пробрал я его! Будет долго помнить меня!

Но уходящий, наоборот, был спокоен: он знал, что этим все и окончится; и все обходилось благополучно.

А если кто провинился больше, владыка давал назидание и ставил его на поклоны. А сам в это время стоял сбоку и считал поклоны по четкам. Иногда же вместе с ним клал поклоны. А потом с миром отпускал.

Отношение же монашествующих к нему было не со страхом, а как внуков к дедушке. И мы все так и называли его: «наш дедушка». Когда он видел нас утомленными от какой-нибудь работы или от перегрузки, то сочувственно говорил: «Спаси вас, Господи! Вы уже сегодня измаялись».

Я при нем прожил всего 20 лет и ни разу не имел никакого выговора. Если и были ошибки у меня по службе, то когда мы встречаемся у него в зале, он остановит меня и, ни слова не говоря, посмотрит приветливо в глаза мне, тяжело вздохнет и скажет:

— Спаси тебя Господи, брат.

А я, понимая мои ошибки, извинялся и, приняв от него благословение, уходил.

К подвигам его относится личный обычай: на всех богослужениях, во время произношения последнего прошения на просительной ектении

«Христианские кончины живота нашего и доброго ответа на страшном судище Христовом», клал земные поклоны, этот обычай он исполнял до самой смерти.

Еще припоминается особый случай. Французский консул в Севастополе, Луи Ге, очень уважал владыку и часто посещал его. Воспользовавшись этим, он возбудил перед ним ходатайство о возвращении из Парижа плененного во время Крымской войны колокола в 150 пудов. Правительство Франции возвратило его из собора Божией Матери («Нотр-Дам») в монастырь в 1913 году. Он сохраняется и теперь.

За обедом владыка приносил читать какую-нибудь книгу или газету и читал статью, отмеченную синим карандашом.

Не любил сниматься. А если кто-нибудь из-за кустов хотел сфотографировать его, он прятался.

У меня сохранилось два снимка его: на одном он снят с архиепископом Томским Макарием, Мефодием [130] и еще третьим, после хиротонии его во епископа, а на другом — снят с митрополитом Киевским Флавианом.

Колокольный звон к службе любил благословлять, за четверть часа выходил в зал, держал часы в руках и ходил взад и вперед, дожидаясь звонаря...

(Далее архимандрит Августин подробно описывает пищу владыки Иннокентия. Но мы здесь не будем описывать это. Только отметим — к написанному раньше — что сначала он еще ел рыбу, только судака, а после и это перестал. Масла, даже

постного, не употреблял, на первой неделе Великого поста чай пил без сахара. Если же когда-нибудь приходилось с гостями выпить стакан чаю, кроме обычных двух, то за это он клал по 10 земных поклонов. Особенно хвалил редечный сок. Вино не пил никогда и не любил многопьющих. Но никогда никого не осуждал, а всегда говорил: «Спаси вас Господи»! Одежда его была простая. Были 2 панагии; и ни одного наперсного креста. Все, что оставалось, он раздавал: архиепископу Димитрию — панагию, мне — рясу, книги — в монастырь; прочее — монахам и знакомым.— *М. В.*)

Скончался он в 1919 году, 23 октября. Утром он пригласил иеромонаха Бориса, исповедался и принял Святые Дары. И еще, сидя на кровати, сам прочитал молитвы по причащении и выпил стакан чаю с просфорой. Потом лег в постель. Я сидел около него. Он уснул. Но начал ненормально сильно дышать. И, не придя в сознание, отошел ко Господу. Погребен был в задней части правого придела собора, в память преподобного Мартиниана: этот придел над могилой архиепископа Таврического Мартиниана был устроен владыкой Иннокентием на личные его средства и им самим освящен».

КРЫМСКИЕ ПОДВИЖНИКИ

АРХИМАНДРИТ ТИХОН

Архимандрит Тихон, в миру Тимофей Климентьевич Богуславец, родился в 1859 году; умер в 1950 году, 30 января.

Родился он в простой семье, получил техническое образование. Был на военной службе — моряком на корабле, участник в заграничном плавании. С детства имел дар воздержания: никогда не вкушал мяса, сала не мог принимать. Среди моряков выделялся своим целомудрием. Офицеры любили его за чистоту, целомудрие, честность, во всем сдержанность и исполнительность. По окончании военной службы он поступил в монастырь близ Инкермана возле Севастополя [131].

Игумен, желая испытать Тимофея, подвел его к уборным, приказал очистить их.

— Где ведро и черпак? — спросил он.

И в своем чистом костюме принялся за дело. Игумен сразу принял. 60 лет о. Тихон — такое имя дано было при постриге — провел в иноческом чине.

Посещая город, он надевал заплатанную рясу и лапти, чтобы не тщеславиться.

Из Инкермана он переведен был игуменом в Георгиевский монастырь [132], в 11 верстах к востоку от Севастополя, на спуске горы к Черному морю. Но потом он снова возвращен в Инкерманский монастырь, где жил в пещере, вырубленной в каменной скале. Их было много, в римские времена сюда ссылали христиан и заставляли их вытесывать из гор прекрасный камень. Сюда был сослан и Климент, папа Римский [133], и папа Мартин [134], и многие тысячи простых христиан, и преступники. Во время гонений на христиан

о. Тихон удален был и отсюда. Он ушел на Украину, последние же годы жил в С. И все время тосковал по монастырю.

— В монастыре тебя в Царство Небесное в спину толкают,— говорил он.

Он был духовным сыном оптинского старца о. Амвросия. Последний, под видом некой юродивости, дал о. Тихону заповедь:

— Будь почудаковатее!

И поэтому он всегда шутил, смеялся, рассказывал веселые случаи, поговорки и пр. Жалобы, уныние, огорчение — не были знакомы ему, особенно на людях, а сердечный плач не скрывал. Лицо у него всегда было светлое, сияющее, розовое, без единой морщинки. И в девяносто лет он был бодр и весел и не походил на старика.

Но в присутствии тех, кому он доверял, был строг и серьезен.

Он был наделен от Бога даром старчества. Рассказывается об этом несколько случаев.

Одна пожилая женщина, потерявшая в войну единственного сына и здоровье, оглянувшись на свою жизнь, пришла в отчаяние от множества своих грехов. Она была даже вовлечена в союз безбожников. Но не ответила прямо на вопрос, верующая ли она. Услышав про отца Тихона, она приехала к нему. Хозяйка дома, где он жил, не впустила ее. Озадаченная, она осталась около закрытой перед нею двери. Вдруг она отворилась, и ее позвала к старцу хозяйка. Войдя в его ком-

нату, женщина зарыдала и не могла сказать ни слова... Успокоившись, она открыла все, сказала и об отчаянии. Старец ответил ей:

— Вот отчаяние больше всех ваших грехов! А у Бога милости на всех хватит!

Получив благословение и указание — как ей жить дальше, она ушла от него успокоенная, как будто бы она все грехи свои оставила у него.

Другой случай. Девушка-сиротка пережила в конце осады Севастополя немцами страшное горе: на ее глазах в убежище, разбитом снарядом немцев, сгорела ее мать. Она сидела в стороне и ждала, когда останутся от матери хоть кости. Полубезумная, полураздетая, она отправилась в Б-ву, чтобы там схоронить останки. За ней пошел из С. священник, знавший ее; он принял ее и похоронил кости в своем саду. Поселившись в С., она узнала об о. Тихоне и привязалась к нему. Но скоро она заболела психически; ее отправили в больницу. Когда она оправилась, старец предложил ей делать массаж, будто бы он страдает ногами; девушка была знакома с массажем. Отец же архимандрит все время что-нибудь говорил ей. И она совсем выздоровела...

Многих сироток он воспитал и дал им возможность обучиться; и теперь они в М. и в С. работают по бухгалтерии.

Однажды к нему приехала игуменья закрытого монастыря М-я с келейницей. Он поместил их в одной семье и питал их несколько лет.

В последние годы, когда в Крым был назначен известный ученый-хирург, архиепископ Лука,

о. Тихон был его духовником; и назначен духовником всей Крымской епархии. Он очень чтил его. Узнав о смерти старца, архиепископ Лука бросился ему на грудь со словами и в слезах:

— На кого ты меня оставил?

За 20 дней до смерти старец перестал принимать пищу, ничего не вкушал, кроме Причастия,— а причащали его через день... Перед смертью соборовали его.

ИЕРОСХИМОНАХ СЕРАФИМ

Иеросхимонах Серафим был не простого звания. Братия, по наваждению врага, не любили его. Из обителей гнали его и считали недостойным постригать его в иноческий чин. В конце концов приняли в Херсонесский монастырь. Здесь он и прожил большую половину своей жизни, неся всякие послушания. А последние годы, приняв схиму, провел почти в затворе остальную жизнь. Там он не принимал к себе почти никого. Вел строгую подвижническую жизнь. В келии его висело изображение Страшного суда и стоял гроб, в котором старец и почивал. В изголовье лежал камень с углублением для головы. Но в последние годы жизни двери его келии открылись для простых людей, ищущих спасения души. Особенно стремились к нему старушки-странницы и ищущие спасения в миру.

Однажды пришла к нему П. с маленькой дочкой.

— Ты знаешь, кто я? — спросил он ее.

— Ты — мертвый батюшка! — ответила она в простоте.

— Воистину тебе Ангел возвестил, что я — мертвый.

Перед смертью посетили его три преданные ему старушки. Одной он сказал:

— Ты сама не съешь, а все мне несешь.

Другой напророчил:

— А ты, Анна, останешься со скорбями до смерти.

И это действительно сбылось.

Третьей он ничего не сказал, а только снял шарф с ее головы и вытер себе глаза. И под конец ее жизни ее дочь и зять повыбрасывали все ее иконы. И она от слез ослепла.

Предвидя будущее гонение на Церковь, монастыри, на священников, монахов, вообще верующих, старец говорил:

— Горе на земле, горе и на море, горе и на реках.

Спустя некоторое время после смерти его, один инок Херсонской обители стоял около его могилы и подумал:

— Вот батюшка Серафим помер и ничего от него не осталось: прах и больше ничего!

Глядь, а батюшка идет живой к собору... Инок бросился за ним бежать. Но о. Серафим дошел до собора, вошел через дверь и исчез.

— Вот тебе и прах! — воскликнул инок.— Батюшка жив!

ИЕРОМОНАХ КСЕНОФОНТ

Отец Ксенофонт сначала был иноком в Киевском монастыре, потом, еще до закрытия Херсонесской обители, переехал в С.

Во время обновленчества все священнослужители г. С. зашатались и отошли от Православной Церкви. И лишь один, небольшого роста, незаметный и малоизвестный священник, о. Агапит, сохранил Православие.

В это время Господь послал православного епископа Сергия З-ва [135], он воссоединил с Православной Церковью кающихся священников. Между прочим, он обратил внимание на инока Ксенофонта и рукоположил его в иеромонаха. Церковные службы он, как малообразованный, проводил с трудом; но во время гонения от отступников он прославился в С. своим усердием к верующим. Монахи и священники были сосланы; церкви разорены или закрыты. И вот в это время о. Ксенофонта Господь оставил на утешение христианам. Он жил в городе тайно: ночевал в сараях, в собачьих конурах. Но по вечерам и ночам, и в ненастную погоду, и в морозы он обходил христианские дома: исповедовал, причащал, крестил, напутствовал умирающих, навещал больных, приводил к покаянию отступников или забывших Бога.

В таких подвигах и злостраданиях, без крова и пищи, отец Ксенофонт провел несколько лет, подвергаясь постоянным опасностям от злых и неверующих людей.

Во время переписи о вере и неверии некоторые, страха ради, отрекались от Христа и объявляли себя неверующими: одни из них вскоре умирали внезапно; другие мучились в совести и заболевали; меньшая часть — одиночки — каялись. И таких кающихся о. Ксенофонт, ходя к ним ночью, воссоединял исповедью и причастием.

Но в конце концов пришлось и ему выехать из города. Поселился он в нескольких километрах от С., у чудного и большой доброты священника о. А., дававшего приют всем гонимым и бесприютным. Царство ему Небесное!

Здесь о. Ксенофонт продолжал нести прежние подвиги и посещения, как и в С. Но только у него теперь было пристанище. Днем он старательно вычитывал правила, а по ночам вычитывал многочисленные записки о здравии и упокоении, подаваемые ему верующими. Читал он их медленно, с трудом, часами.

И точно придерживался устава св. отцов. И непременно требовал такой же исполнительности и от других; например, где полагалось произносить 40 раз «Господи, помилуй», чтобы так и делали.

— А зачем же,— говорил он,— отцы и устанавливали это? Раз заповедовали сорок, надо столько и читать!

Не любил, когда приходили к нему духовные дети в шляпках. И говорил им:

— Матерь Божия таких — не носила. Надень платок!

Часто повторял приходившим:

— Надо иметь живую веру! Как рыбу в воде, птицу в воздухе, так и нас окружает благодать Божия!

Боролся он и против вкуса таким образом: борщ, кашу, кисель или что-нибудь другое смешивал вместе и потом вкушал.

Лицо у него было серенькое, незаметное, как у самых заурядных монахов. Но к концу жизни оно сделалось светлым, прозрачным, очень приятным, как лицо святого, совершенно непохожим на прежнее.

В последние годы его жизни Господь даровал ему отдых: одна добрая христианка, по указанию Божию, построила в своем доме комнатку, взяла старца к себе и посвятила себя уходу за болящим и ослабевшим подвижником. Из этой комнаты о. Ксенофонт никуда уже не мог выходить и в ней совершал все службы. И в эту домашнюю церковь собирались все почитатели старца.

К концу жизни он страдал болезнью сердца и отеком ног. Ничто не помогало ему: ни лекарства, ни пища...

Стал проявляться в нем дар прозорливости... Не раз он предсказывал: «Много крови будет всюду... Кровь... кровь. А в этом доме (где он скончался) не будет».

Перед смертью отеки ног и живота еще более увеличились: ноги были — как столбы. Но после смерти они исчезли; и все тело сделалось худеньким-худеньким.

Скончался о. Ксенофонт в 1946 году.

ИЕРОСХИМОНАХ СОФРОНИЙ

В 22 верстах от г. Ялты, в глубине Крымских гор, покрытых густым лесом вековых деревьев, на небольшой поляне, расположенной у подошвы горы, находился маленький скит, называемый «Софрониева пустынь». Скит был женский, мал и беден. В нем не было ни ограды, ни ворот. У входа в дом скитниц на согнувшемся толстом стволе громадного старого дерева висело несколько маленьких колоколов. Управлял скитом иеросхимонах Софроний, отличавшийся простотой и смирением. Он жил в маленькой келейке, примыкавшей к церкви, устроенной вплотную у самой горы. В келии было небольшое оконце, выходившее в церковь: через него старец выслушивал все службы и правила, совершаемые о. иеромонахом Нонном, худеньким, истощенным от поста и молчаливым человеком.

Поздним вечером монахиня на коленях вычитывала правила, каноны Иисусу Сладчайшему, Матери Божией, Ангелу Хранителю. И тотчас же, в 12 часов ночи, начиналась полунощница, утреня; вычитывались правила к причастию. Оканчивалось это рано утром.

Весь день жившие в скиту проводили в утомительном труде. Сна было мало.

Отец Софроний был прозорлив.

Однажды в скит пришли два студента. Перед их приходом он велел трезвонить в колокола, сказав:

— К нам идут епископ и священник!

Действительно, один из них стал после епископом; а другой в том же скиту принял иночество с именем Серафима и впоследствии рукоположен в иеромонахи. Он был любимым учеником старца Софрония: отличался духовным трезвением, глубокой внутренней жизнью и смирением; весь был в молитве, забывая все окружающее.

Однажды о. Софроний с иноком Серафимом предприняли богомолье в Киево-Печерскую лавру. На обратном пути они заехали в С., обошли окружающие монастыри и пришли в Херсонесскую обитель к празднику Рождества Богоматери, в честь коего был освящен нижний храм собора. Народа было много. Старец не желал, чтобы узнали о нем. Но каким-то образом люди узнали и бросились к нему за благословением и с разными вопросами. Батюшка сильно этим расстроился. А на другой день они тайно ушли в Георгиевский монастырь.

Там враг устроил им искушение. Иноки были оттуда уже изгнаны. Новые жильцы, неверующие, захватили старца с Серафимом, арестовали и заперли в одну из келий. Но с Божией помощью они чудом выбрались оттуда ночью и убежали опять в С., к одной старушке, знакомой им по скиту. Она, добрейшей души человек, тотчас озаботилась об угощении. После завтрака она изготовила обед и предложила гостям.

— Что это? Недавно вкушали и опять? Постникам тяжело нарушать воздержание!

Ночевать в комнате они отказались. Тогда кровати поставили им во дворе, но они, тайно от хозяев, простояли почти всю ночь в молитве, по разным углам двора.

После и они — о. Софроний, о. Нонн и о. Серафим — были изгнаны из скита, и двое высланы в суровый край на север, где и скончались. А отец Софроний, одинокий и больной, выслан был на Украину, где вскоре умер...

Скит был разрушен...

СХИМОНАХИНЯ СЕРАФИМА

Ее звали в миру Прасковья Фоминична Шкотова...

Рано овдовела она: 22 лет. Муж ее был ранен на войне и умер. После смерти его она раздала все и ушла в Почаевскую лавру. Там она была тайно пострижена в иночество, с именем Серафимы, и воротилась в С., где у нее оставались два брата. Вскоре они уехали на А. и там тоже приняли иночество.

Оставшись одна Прасковья Ф-на начала вести строго подвижническую жизнь: ночью простаивала на коленях на камне во дворе, вкушала мало, все прочее время проводила в непрестанной молитве. Свое схимонашество несла тайно, но носила длинную монашескую мантию и по улицам: за это над ней насмехались и считали ее ненормальной. Но другие видели в ней юродствующую

подвижницу. Одна благочестивая женщина, Е. С., стала заходить к ней и прислуживать. А других пускала она к себе по строгому выбору.

Скоро она стала предсказывать. Между прочим, говорила, что в С. будет великое разрушение и прольется много крови.

Однажды пришел к ней шедший на войну человек. И вдруг мать Серафима закричала на него:

— Вон отсюда! Прогоните пса! Кто это впустил пса? Кровосмеситель! Пшел, пес, отсюда!

Действительно, он жил незаконно с двоюродной сестрой.

Пораженный, он упал перед ней на колени, прося прощения и благословения на войну... Вдруг она произнесла: «Дзинь», и схватилась за свое ухо: «Ишь ты! обожгло ухо!», а через несколько минут, схватила себя за ногу и сказала: «Обожгло кожу немного!»

Он покаялся и получил благословение. Во время сражения одна пуля пролетела мимо уха, оцарапав его; другая пробила шинель и задела кожу ноги.

Были и другие случаи прозорливости.

Умерла мать Серафима в 189... г. Местные люди благоговейно чтили ее память.

СТРАННИК

Этот странник — Л. В. С-в — происходил из богатой семьи; получил прекрасное образование и хорошее домашнее воспитание. Отец его женился

поздно, лет сорока. Мать его, София, была благородной чистой личностью и умной по природе; и сама следила за воспитанием детей, хотя были и гувернантки у них. Семья состояла из троих сыновей и трех дочерей. Один из сыновей, М-л, офицер, погиб на войне, другой, Е-ний, кончив М. университет, был блестящим юристом. К ним в дом приходила молодая красивая девушка-еврейка, она торговала на улице папиросами, а к ним ходила набивать папиросы для красивого Евгения. Тайно от родителей он вступил в незаконную связь с этой девушкой. Но мать его, София, узнав об этом грехе, пригласила к себе ее (имя ее было Раиса) и заставила своего сына, избалованного юриста, жениться законным браком на этой девушке с улицы. Из нее, под влиянием матери мужа, вышла прекрасная женщина и ревностная христианка. Впоследствии Евгений стал священником, а во время гонений был отправлен в ссылку в Сибирь, где и скончался. Раиса окончила свою жизнь мученически: вместе с своим сыном она была расстреляна немцами как еврейка,— несмотря на то, что была крещена.

Третий сын, Леонид, отличался особой религиозностью: еще будучи студентом М. университета, он посещал Троице-Сергиеву лавру. Там он познакомился с духоносным старцем Алексием, который вынимал жребий на патриарха, и выпал он на митрополита Тихона.

Старец заповедал Леониду чаще креститься.

Еще студентом он был взят на войну 1914 года; и всех удивлял тем, что часто крестился. Солдаты его любили, товарищи офицеры дивились, считая его поведение чудачеством. По окончании войны умерла его сестра Мария, особенно любимая им. Это совсем потрясло его, и он, оставив все, сделался странником, по благословении о. Алексия. Отправился сначала на Кавказ. Недалеко от г. Сухуми в лесу находился женский монастырь. Л. В. пожил в нем несколько времени и хотел уходить дальше. Но когда он, в церкви монастыря, стоял на коленях перед иконой Божией Матери, молился Ей, то увидел Ее живою в образе. Она повелела ему остаться здесь. И скоро он заметил недостатки у обитательниц: они обзаводились хозяйством, разводили кур. Он стал их обличать, что они живут не по иноческим заветам. Некоторые монахини стали прислушиваться к нему и исправляться, а большинство, вместе с игуменьей, восстали против него и выгнали из монастыря. Тогда он стал странничествовать по городам, зовя людей к покаянию. В пути останавливался только у христиан — и притом по прямому указанию Божию. Жил, как птица, ходил босиком, волосы не стриг, и они густой копной покрывали его голову. Высокий, в желтом плаще, с высокой палкой в руке, он одним видом своим привлекал сердца ко Господу, а потом действовал благодатным словом. Слова его были так сильны, что без слез нельзя было слушать его.

Пришел он и в Крым, и здесь извлекал из духовных бездн души, намеченные Господом ко

спасению. Своих учеников и слушателей он приучал к постоянной молитве Иисусовой.

Ночи проводил в молитве сидя. Пищу вкушал, как траву. Предсказывал и будущую войну. Толковал Апокалипсис — по благословению о. Алексия. Изгонял бесов из тех людей, которые для этого ему указываемы бывали Господом.

Множество бедствий, гонений, клевет, оскорблений перенес он за имя Христово. Диавол ненавидел его, мстил, прельщал его, подсылая ему девушек и женщин. Но он молился о них; и в их присутствии вытаскивал из своей головы вшей и бросал их на пол, желая этим вызвать к себе брезгливость и отвращение.

Для получения благодати посылал к одесскому батюшке, о. Ионе Атаманскому[136]. Часто и сам бывал у него. Отец Иона очень любил его и высоко ценил. В одном письме к нему писал: «Ты мне — сын, брат и друг». Делился с ним своими духовными видениями.

Л. В. познакомился с молодым профессором М. По его приглашению он пришел к нему в дом, и они, забыв обо всем, три дня и три ночи, ничего не вкушая и не выходя из кабинета, просидели, разбирая Апокалипсис. И профессор сделался учеником Л. В.; позже его арестовали и выслали.

Однажды он хотел выйти из одного дома, уже подошел к дверям, как увидел в дверях Ангела с огненным мечом, преграждавшего ему путь. Он понял, что выходить нельзя. Действительно, его выхода ждали, чтобы арестовать.

Да и арестовывали его не раз и ссылали. А он везде вновь и вновь продолжал свое дело, возложенное на него Господом.

Был в дружбе и любви с архим. Тихоном, бывшим тогда игуменом Инкерманской обители...

Так в опасностях, злостраданиях проводил Л. В. свою земную жизнь. Окончил он ее мученически. Выслали его в Казахстан и требовали отречения от Христа. Конечно, он отвергнул это. А в 1937 г. его расстреляли.

Еще — заметка. Однажды Н. Н. была свидетельницей молитвы его в храме. Л. В. стоял неподвижно, как бы застывши, не крестясь и не делая поклонов, а только устремив пламенный взор на местный образ Спасителя в иконостасе... Он весь горел, находясь в молитве, — ничего не видя и не слыша.

«Вот так молятся рабы Бога Живого»,— подумала она.

ПРИХОДСКИЕ СВЯЩЕННИКИ

1

На этот раз я намерен рассказать об одном необычайном сельском священнике-молитвеннике.

Моя встреча с ним произошла еще в молодые семинарские годы. Зимой на святках мне пришлось гостить у своего друга и товарища Е. М. Он был

талантливым юношей, впоследствии сделался профессором университета. Хотя отец его был священником, но мой друг считал себя неверующим, к величайшему огорчению его благочестивой матери. На стенах его комнаты висели портреты Маркса, Энгельса и других. Но это ничуть не мешало ему дружить со мною, человеком верующим,— за что его мать весьма сильно любила меня, а сына своего все-таки «обожала».

В этой семье, особенно у матушки, была теплая дружба и даже какое-то родство с семьей священника Василия С., жившего верстах в сорока от нашего села. Матушка уже не раз рассказывала мне о нем совершенно исключительное: о случаях чудес его, о святой жизни, хотя он был многосемейный человек. Я очень заинтересовался им; и в один день с раннего утра мы втроем выбрались на санях «в гости». Поехал и мой друг, но он интересовался не святым батюшкой, а прогулкой и молодыми дочерьми. Путь был красивый: по чистому снегу, среди громадного соснового леса, при тихой погоде мы незаметно проехали часов шесть. Выехав на открытое поле, я увидел немного пониже длинное село с белой церковью. Друг мой говорит матушке:

— Я не буду подходить под благословение к о. Василию.

Я по тщеславию тоже хотел показаться «сильным», но добрая матушка предупредила это искушение мое:

— И. А.,— обратилась она ко мне,— вы-то уж не слушайтесь моего сына, благословитесь.

Очевидно, она не желала нанести огорчение почитаемому ею духовному отцу таким нашим вольнодумством. Я промолчал, но в глубине грешного сердца затаилось легкомысленное искушение. Через четверть часа мы въехали в село, повернули к церкви; направо от нее стоял деревянный священнический дом, довольно большой, в 5—6 окон по длине его. Наш приезд не был предупрежден; и мы заметили за занавесками окон, как замелькали не ожидавшие нас женские лица.

В зале нас встретила матушка о. Василия, довольно полная женщина, с розовым лицом и тихой, медленной улыбкой. После нее появились две молодые девушки и еще двое или трое детей. Мы поздоровались. Девушек заинтересовал наш приезд: молодые «богословы». Кто знает: может быть, женихи? Друга они знали и раньше, а я был новым человеком для них.

— А где же батюшка? — осведомилась мать друга.

— Он все еще в церкви, привезли какого-то больного,— спокойно и медленно ответила нам матушка. И может быть, она послала кого-нибудь оповестить его о неожиданном приезде гостей.

Минут через десять появился незаметно о. Василий. Довольно высокого роста, очень худой, с бледно-розовым лицом, тонким носом, светлорыжей бородой и волосами, он сразу произвел на меня очень серьезное и благоговейное впечатление.

И мне стало стыдно от глупого предположения уклониться от благословения. Но товарищ мой уже успел пожать ему лишь руку; зато наша матушка с любовью и благоговением протянула к нему свои тонкие руки; вслед за нею я сделал то же самое. Отец Василий медленно и с молитвою осенил каждого из нас широким крестом. Я почувствовал, что это благословение принесло мне радость. И с той поры я каждое утро стремился прежде всего получить благодать Божию через его благословение... Не знаю: испытывают ли другие от нас что-нибудь подобное; но я ощутил это опытно. После я испытывал нечто подобное и от других духовных служителей Божиих; но едва ли с таким радостным трепетом, как от о. Василия.

2

УСЕРДНЫЙ МОЛИТВЕННИК

Здесь мы погостили три-четыре дня. И многое запечатлелось особенно сильно в моей памяти доселе, хотя с того времени прошло уже сорок пять лет.

Сначала меня немного удивило, что у святого — такая большая семья, едва ли не семеро детей. Обычно мы представляем святых в виде монахов-пустынников, или девственных святителей, или мучеников. Здесь же была с виду обычная мирская и мирная семья. Но скоро это недоумение

испарилось само собой: святой лик иерея Божия не нуждался в объяснениях и оправданиях. Факт оказался убедительнее теорий.

Кажется, в тот же вечер — это был канун воскресенья — отец Василий, направляясь по звону колокола к вечерне, сказал своей жене:

— Ныне ты не бери маленьких детей в храм: привезли одного больного, опасного. Как бы они не испугались?

Все мы прочие пошли к службе: не идти казалось совершенно немыслимо и грешно... Не помню лишь о друге... Со всех сторон к храму стекался народ. Село было большое. Кроме обычных сельских занятий, крестьяне работали еще на огромном винном заводе какого-то богача. Не доходя до храма, мы прошли мимо зданий (почему-то их называют «флигелями»), стоявших против алтаря церкви через проезжую дорогу. Мне объяснили, что это — дома для приезжающих больных и богомольцев.

Храм был уже полон народа. Началась служба... Она шла очень чинно, не спеша, а главное — по полному уставу, что не только в селах, но и в городских церквах почти никогда не исполняется. И если вечерня, при сокращении ее, продолжается обычно минут двадцать, то на этот раз она шла не менее часа. У самого о. Василия был прекрасный тенор; и он пел стихиры (помню: был глас седьмой) вперемешку со стариком псаломщиком.

По окончании службы народ расходился не сразу. И я увидел, как о. Василий направился

в гущу толпы направо. Там и стоял «опасный» больной. Это был человек очень высокого роста, с красивым лицом, черной бородой и волосами. Родом — мордвин. Его держали два таких же огромных красавца — братья. А он все порывался куда-то идти. Но народ не шарахался от него; видимо, не впервые был такой случай. А кроме того: простой православный человек глубоко жалеет таких несчастных страдальцев и потому не чуждается их. Впрочем, больной вел себя в основном мирно: не кричал, никого не трогал; других он точно не видел перед собою.

Отец Василий подошел к нему совсем спокойно и обычным медленным крестом благословил его. А потом сказал братьям, чтобы они переночевали в доме для приезжих, а завтра привели его к утрене.

Другой день начался для батюшки очень рано. Кажется, около трех часов он уже вставал и начинал читать положенные «Правила ко причащению». У него была особенная «моленная» комната, большого размера, уставленная подсвечниками и множеством икон, некоторые — с частицами мощей. Там он и совершал свои молитвы. Не знаю, вычитывал ли он вечерние правила с вечера; а они, при истовом их исполнении, занимают никак не менее часа, а при внимании — и полтора; да утреннее правило берет три четверти или с час... Обычно мы, ленивые, лишь в начале своего служения пытаемся исполнять эти правила. Да и то с поспешностью, лишь бы «вычитать» положенные четыре

канона — Спасителю, Божией Матери, дневным святым, Ангелу Хранителю, потом акафист и вечерние молитвы; а утром — утренние молитвы, канон ко причащению. А потом начинаем отставать, отставать и остывать, остывать. И наконец совсем оставляем эти правила. И лишь исключительные единицы из нас хранят этот мудрый обычай. А признаться, иногда никого не видать кругом, кто совершал бы те и другие правила.

И уже по одному этому можно удивляться таким единицам. Отец Василий был одним из таких иереев. Потому ему и нужно было вставать в три часа утра. Другие в деревне еще спали сладким сном, а он уже молился одиноко. В пять часов начиналась утреня. Народ быстро наполнял храм. И снова служба шла по уставу. Однако, чтобы сократить немного времени, батюшка установил такой порядок: одну кафизму он читал на правом клиросе вслух, а псаломщик в это время вычитывал другую «про себя». Иной может и возражать против такого «формализма», но едва ли нам, ленивым, следует критиковать ревнителей устава. Лучше помолчим.

Среди богомольцев на вчерашнем же месте я заметил привезенного больного. Мне показался он немного спокойнее, чем вчера.

В восемь часов утра утреня кончилась. И весь народ разошелся по своим домам, чтобы отдохнуть и подкрепиться пищей. А о. Василий один оставался в храме и начинал служить проскомидию, которая продолжалась еще целых три часа.

Как известно, на проскомидии мы вычитываем помянники за живых и умерших. И таких книжечек у отца Василия были сотни: и он считал своим долгом поминать имена записанных лиц. Вероятно, ему присылали или оставляли богомольцы с разных стран эти помянники, не считая уже прихожан своего села за многие годы. На это и уходило 3 часа... В 10 часов раздавался благовест к литургии, потом псаломщик читал третий и шестой часы, а батюшка все вынимал и вынимал «частицы» в алтаре. Псаломщик читал — уж сверх устава — девятый час; но и этого оказывалось мало; он раскрывал Псалтирь и продолжал читать... Так проходил час. И начиналась уже литургия.

Нельзя не остановиться и на этом обычае о. Василия. Я уверен, что таких других священников почти нет. Да и вычитывать-то нам нечего: никто к нам не несет, не посылает своих помянников. Лишь исключительные молитвенники удостаиваются этого...

После запричастного [стиха] он предложил мне сказать поучение. Оно было выслушано внимательно, но без особого впечатления: да и что я, юноша, мог бы сказать им сильного, когда у них постоянно горел пред глазами такой светильник?!

Не нужно забывать, что народ после двух-трехчасовой передышки снова массой приходил в храм и проводил здесь еще добрых два, а то и три часа: всего с утреней, следовательно, 5—6 часов. Много ли таких приходов на Руси?.. Про заграницу я уже и не говорю...

Время подходило уже к часу дня, когда кончилась литургия. Народ ушел. Остались лишь десятки. Среди них и больной... И начались молебны... Отец Василий совершал один общий для всех молебен; только на запевах поминал всех тех святых, кому «заказывали» молебен просители; да еще вычитывал множество евангелий по роду святых — Божией Матери, мученикам, святителям и пр., и пр. После этого он помазывал больных елеем...

Наши все уже ушли давно в дом, а я продолжал наблюдать. Но и мне стало трудно: я тоже ушел. Не дождался я и молитв батюшки об опасном больном. Такие мы легкомысленные: не ценили в России наших изрядных людей. А теперь таких и посмотреть негде за границей.

Наконец после трех часов дня пришел батюшка. С радостным видом, но уравновешенно, спокойно он приветствовал всех нас; и как будто обычный семьянин, принялся и кушать (умеренно) и говорить с нами на житейские темы: о знакомых, о здоровье, о семейной жизни и т. п.

Его собственная семейная жизнь была не совсем заурядной. Я, конечно, ничего не могу сказать о неизвестных мне сокровенных сторонах ее и сужу лишь отчасти по некоторым внешним признакам. Например, во всем доме не видно зеркал. Батюшка считал грешным занятием засматриваться на свой лик. И лишь после долгой борьбы его дочерям удалось отвоевать право поставить маленькое зеркальце, вершков с пять на четыре, в гостиной (она

же и столовая). Да и то место для него нашлось на выступе «голландской» печи. Разумеется, соблюдались строгие посты, говенья. А теперь?

Но вот что особо отличало жизнь их семьи. Отец Василий категорически решил не учить в губернских школах девочек: ни в гимназиях, ни даже в женском епархиальном училище. Он был уверен во вредном влиянии этих школ на невинных детей. А тогда господствовала сильная мода на высшие женские курсы. И слово «курсистка» стало нарицательным именем нечистой и «политической» девицы: остриженные короткие волосы, развязные манеры, курение табака, непременный революционный либерализм, безверие и нередко нравственная невоздержанность. Вот так рисовался образ «курсистки». И почти всегда такие девицы уходили из-под влияния родителей, это тоже считалось знаком самостоятельности и свободы. Конечно, не все были такими, но молва шла плохая о них. И о. Василий боялся за своих девочек. И потому решил учить их сам, дома... И действительно выучил, все они были весьма умными и широко образованными девушками. К моему удивлению, они знали так много, сколько не знали рядовые гимназистки и «епархиалки». Откуда они научились? Не отец же наставлял их в знании и политических систем, и экономических социальных реформ, и русской литературы, и истории европейской цивилизации? Секрет нам открыли сами девушки. Выросши уже до возраста невест, они упросили отца выделить им в огромных сенях маленькую «светелочку», по

четыре-пять шагов в длину и ширину. Здесь была и спальня их, и библиотека. И чего только там не было! И Толстой, и Достоевский, и «Заочный университет», издававшийся в Киеве. Вот откуда девушки набирались знаний. Все это делалось как-то секретно от отца, чтобы не огорчить его. Но зато они остались глубоко верующими душами, как и родители. В «светелке» у них было, конечно, и зеркало, значительно большего размера, чем в гостиной. Батюшка тут не наводил ревизии, деликатно щадя любимых дочек. Здесь мы, молодежь, и проводили время.

Однажды нам, «богословам», пришла легкомысленная затея: покататься с девушками в отдельных двух санках. У отца Василия были две хорошие лошади. Мы сначала обратились к матушке, справедливо надеясь соблазнить ее скорее, чем батюшку, ведь случай не частый — ну-ка и замуж выйдут, а женихи неплохие... Я тогда тоже думал о женатом священстве... Действительно, матушка без особенной борьбы склонилась на нашу затею. Но по осторожности она добавила, что надо спросить батюшку. Мы это знали; но попросили ее быть нашей соумышленницей и помочь нам уговорить и его. Был уже вечер. Батюшка воротился откуда-то. Мы приступили к нему. И он, не сразу разобравшись, дал согласие. Я поспешил на кухню. Там на полатях собирался уже спать рабочий, Алексей. Я горячо торопил его скорее запрячь лошадей в двое саней. Он, не с особой охотой, но покорно стал слезать с полатей. Но в это время

вошел на кухню и батюшка. Вероятно, он успел посоветоваться и с матушкой своей. Или та не успела в своей помощи нам, или и она оказалась благоразумной матерью, но только отец Василий спокойно сказал мне:

— Я с вами тоже поеду.

Но такое предложение расстраивало все наши юношеские планы, и я отказался:

— Тогда уж мы лучше совсем не поедем.

Это было и грубо, и грешно. Но отец Василий сохранил равновесие и совершенно спокойно ответил:

— Что же делать! Хорошо. А то ведь люди увидят на улице вас одних с девушками да и начнут потом говорить Бог знает что.

Все это было совершенно правильно и благоразумно. Алексей, довольный такою развязкою, полез обратно на полати, а мы с батюшкой ушли в комнаты и решили раньше лечь спать. Но этот случай ни во мне, ни в батюшке не изменил добрых отношений. На другой день я утром снова бежал к нему получить радостное благословение, а он нимало не обижался на нашу действительно дурную и злую выходку. Девушки же, понятно, и не возбуждали потом никаких вопросов. Да и во время обсуждения с ними нашей затеи они лишь молча соглашались с нами... Видимо, отец Василий понял всех нас, как опытный отец, и постарался покрыть все тихим миром.

Я рассказал такой далеко не поучительный случай потому, чтобы показать жизнь не в отвлеченной, надуманной благочестивой форме, а такою,

какою она действительно бывает в эти наши годы. Все это человечно. Но другая семья могла бы использовать подобный случай, а здесь отец Василий развязал все по-христиански, мирно и благоразумно. Это тоже одна из светлых сторон домашней жизни святого сельского священника. Святость не в одной лишь молитве оказывается; а и в остальных сторонах целой жизни. «Верный в малом, верен и во многом», — говорил Господь. И наоборот — можно сказать.

Припоминаю еще случай из пастырского быта о. Василия. В один из будничных дней к нему зашли почему-то две монашки. Может быть, они шли «по сбору» на монастырь; а может быть, это были мирские «чернички», жившие в своих селах девственно и носившие черные одежды и платки. Они обратились к батюшке с просьбою сказать им что-либо «во спасение души». И он начал говорить им о смирении. Доселе мне запомнилось сравнение: колос, наполненный хорошим зерном, гнется незаметно вниз головой, а пустой топорщится вверх: так и тщеславный человек.

3

Я скоро поступил в академию. Потом принял иночество и был уже ректором семинарии, в сане архимандрита. Наступила первая война с немцами. В этом же году открылись мощи святого епископа Тамбовского Питирима. Как питомец этой семинарии я счел долгом присутствовать на великом торжестве. Со всей епархии были вызваны лучшие

священнослужители и благочинные. Среди них я встретил и отца Василия. За эти одиннадцать лет он значительно постарел. Острый нос его сделался еще тоньше. Выражение лица стало еще более серьезным. Мы приветствовали друг друга. Но побеседовать нам так и не удалось.

Через три года после этого началась революция. Что случилось с этой святой семьей за те одиннадцать лет и после — ничего не знаю. А так теперь хотелось бы узнать...

Да, мало мы ценили наших изрядных людей... А иные даже злословили:

— Ну, какие там святые?! Знаем мы...

А теперь хоть посмотреть бы...

Одного из таких его критиков я видел. Он был тоже сельским священником. Но потом, вероятно, как вдовец, поступил студентом в академию. На Святки приезжал домой. При встрече со мной он стал зло и высокомерно отзываться об о. Василии. Но этим он вызвал в моей душе лишь отрицательное отношение к себе самому. После описанных личных встреч со святым батюшкой я окончательно убедился в душевной порче критики вообще. А чем же он сам тогда интересовался? Он стал пропагандировать меня и других революционными и политическими идеями, настойчиво рекомендовал прочитать какую-то книжку английского экономиста по вопросу о реформе подоходных налогов. И эту книгу он считал чуть ли не откровением миру и спасением от всех зол и бед. Я взял почитать ее, но она оказалась для меня скучной и неважной, и я ско-

ро возвратил ее «ученому» богослову. Если он дожил бы до второй революции, т. е. прожил бы со времени нашей встречи 15—20 лет, то, наверно, он оказался бы в рядах «живой» или «обновленческой» церкви... Избави, Боже, нас от такого духовенства... Нам нужны отцы Василии, отцы Алексии...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Православный читатель, вероятно, до встречи с этой книгой уже познакомился и с другими произведениями митрополита Вениамина (Федченкова; 1880—1961), в частности, с его замечательными воспоминаниями «На рубеже двух эпох», выпущенными в свет издательством «Отчий дом» в 1994 году. Настоящий же сборник творений владыки представляет собой «духовную биографию» автора: историю жизни, поданную через призму встреч с людьми, оказавшими определенное влияние на его духовное становление.

Митрополит Вениамин как духовный писатель оставил богатейшее наследие, по его собственным подсчетам, объемом в 18 000 машинописных страниц. Есть среди его творений богословские трактаты, труды по литургике, работы апологетического характера. Дошли до нас и его замечательные «Сорокоусты» — записанные в виде своеобразных дневников мысли и переживания, которые испытывал владыка во время сорокадневного служения Божественной литургии в самые тяжелые периоды своей многотрудной жизни.

Любовь к святыне, к Церкви, к церковности, стремление к тому положительному идеалу, с которым христианин встречается на страницах житий святых: пророков и апостолов, мучеников и святителей, благоверных князей, преподобных, бессребреников и Христа ради юродивых, — сподвигли иерарха-писателя обращаться

и к агиографическому наследию, благоговейно хранимому Православной Церковью. Так, им было составлено житие преподобной Марии Египетской (предназначенное, вероятнее всего, для чтения в храме), переработана и дополнена часть классического житийного свода — «Четьи-Минеи» святителя Димитрия Ростовского. Произведения, которые можно в той или иной степени отнести по жанру к житийным, составляют значительную часть в наследии владыки Вениамина. Это и не вошедшие в сборник жизнеописания подвижника Зосимовой пустыни («Отец схиигумен Герман») и кронштадтского праведника («Отец Иоанн Кронштадтский»), и включенное в настоящий сборник повествование «Епископ Иннокентий Херсонский», и жизнеописание оптинского старца о. Нектария. Как правило, владыка долго — в течение многих лет — работал над житиями современных ему подвижников. Собирая материал, он вновь и вновь, порой через десятилетия, возвращался к повествованию. И в этих рассказах запечатлелась свежесть непосредственного впечатления от личных встреч владыки Вениамина с праведниками, с «Божьими людьми», что придает повествованию неоспоримый характер. «Встречи со святыми» оказывали большое влияние на личность автора, становились неотъемлемой его составляющей, — и чуткий читатель может проследить процесс духовного становления искреннего юноши Вани Федченкова, талантливого преподавателя и проповедника архимандрита Вениамина, ревностного епископа, мудрого митрополита... К «встречам со святыми», включенным в настоящий сборник, можно отнести, прежде всего, воспоминания о посещении автором Оптиной и Зосимовой пустынь. Рассказ о Зосимовой пустыни должен был, по замыслу самого владыки, сопутствовать жизнеописанию схиигумена Германа, дополняя его.

Первая тетрадь повествования «Из того мира» —

одна из ранних работ владыки Вениамина. Ее первый (рукописный) вариант появился в 1930—1931 годах. Впоследствии, уже после возвращения на родину, владыка продолжал работу над книгой, дополняя ее новыми фактами и размышлениями. Так появилось продолжение, вторая тетрадь этой книги, озаглавленная в данном сборнике — «Из другого мира». Но, обратившись еще к первой тетради, читатель наверное почувствовал, что мысли и ощущения, владевшие автором, единым порывом вылились на бумагу. Что это? Первое «подведение итогов» полувекового жизненного пути? Нежелание скрывать то, что предназначено к прославлению чудес Божиих, к славе «святых Божиих человеков»? Вероятно, и то и другое. А кроме того, книга «Из того мира» явилась результатом длительной напряженной внутренней работы по осмыслению вопросов, к которым владыка Вениамин будет обращаться до конца дней своих: об удивительной близости «того» — горнего — мира, о возможности прикоснуться к нему, данной верующей душе, а вместе с тем — и о возможности встречи с «живыми святыми». Сохранить и передать их облик — долг перед Богом и людьми. Поэтому здесь может оказаться бесценной любая деталь, любой, казалось бы, мелкий штрих, подмеченный во время непосредственного общения. Автор прекрасно осознает, о ком он пишет; и пишет он так искренно, правдиво и непредвзято, что ощущение им святости собеседников передается и читателю, равно как и ощущение близости «того мира».

На страницах книги собраны также чудесные события, связанные с именами Божией Матери и преподобного Серафима. Саровский подвижник — один из самых любимых и почитаемых русским народом святых — был глубоко почитаем и владыкой Вениамином. Правда, преподобный Серафим не принадлежал к числу

тех праведников, с которыми ему посчастливилось встречаться во времени. Но в начале столетия, особенно после Саровских торжеств 1903 года, к личности этого угодника Божия были обращены духовные взоры православно верующей части русского общества. А в Сарове и в Дивееве, где студент Иван Федченков побывал летом 1905 года, все дышало памятью о нем. Но не только любовь к подвижнику движет собирателем и повествователем о чудесах Божиих. Ему важно подчеркнуть мысль о том, что святые люди (в данном случае — преп. Серафим Саровский) живы всегда, что чудеса совершаются и сегодня. Из «того мира» святые подают благодатную помощь, и эта таинственная связь между «тем» и «этим» миром существует и будет существовать.

Митрополит Вениамин подметил одно тонкое искушение: враги веры и Церкви, помимо явного агрессивного безбожия, стремились потихоньку, исподволь, провести мысль о том, что святые жили давно, чудеса совершались в незапамятные времена... В душах людей сеялось сомнение, а опыт христианских подвижников относился за рамки реальной действительности. Было и прошло. Да и было ли?

И, словно в ответ на эти лукавые построения, владыка записывает известные ему от достоверных людей факты чудес саровского подвижника, факты, которые имели место совсем недавно. А затем включает их в свою замечательную книгу «Всемирный светильник преподобный Серафим Саровский», которая вышла в свет в год столетнего юбилея со дня кончины святого (1933). В книгу целиком вошли главы рукописи «Из того мира», связанные с именем преподобного Серафима: «Малинка», «Мой день», «Угодник выкупал», «Святой Франциск Ассизский и Преподобный Серафим Саровский», «Завещание духовнику», «Не могу не верить», «Явление Божией Матери», повествование о «Колеч-

ке» — будущем архиепископе Серафиме (Соболеве; † 1950), призывавшем угодника Божия при избрании жизненного поприща. И теперь эти, до поры сокровенные факты стали достоянием православного народа, вошли в сокровищницу церковного предания...

Повествование об отце Исидоре не только доносит до нас штрихи облика приснопамятного подвижника Гефсиманского скита, но проливает свет на некоторые черты духовного облика самого повествователя. Интересно, что после трудов с «безруким» владыка вновь брал на себя подвиг ухода за немощным человеком. Это было уже в Америке.

Записки об Оптиной пустыни построены на личных воспоминаниях. Дорогие заметки очевидца. Но для владыки Вениамина в Оптиной центральной фигурой был старец Нектарий. С кратких, почти мимолетных встреч с этим подвижником началась для него история достаточно длительных, продолжавшихся почти до самой кончины старца, духовно прекрасных отношений. Поэтому о старце Нектарии митрополит Вениамин пишет отдельно. И среди множества других источников приведет в своем повествовании свидетельства Надежды Александровны Павлович, встреча с которой по возвращении на родину — одно из проявлений незримой связи между живущими на земле и ушедшими в вечность, подающими нам, грешным, унывающим, но уповающим, свою благодатную помощь и поддержку. Сам старец через много лет после своего отшествия в мир иной протянул руку помощи и своей духовной дочери, и владыке Вениамину, утверждая его в правильности принятого решения (возвращения на родину) и в необходимости продолжить труд по собиранию свидетельств о Божьих людях. Когда-нибудь читатель узнает об этой чудесной истории...

«Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни,

подражайте вере их» (Евр. 13, 7). Этот призыв апостола Павла, на котором, быть может, зиждется вся христианская агиография, владыка Вениамин исполнял с верой и упованием. Вдали от родины, где в то время безраздельно, как казалось, царит безбожие, в период истории, события которого не давали как будто бы никаких оснований для оптимизма, — православный епископ, свидетель и собиратель, методично и неторопливо исполняет свой долг. А когда внешние обстоятельства несколько изменились, продолжает свое дело в России.

Трудно судить о путях Промысла Божия, но, всматриваясь в некоторые обстоятельства жизни владыки Вениамина, невольно задаешься вопросом: видимо, не случайно дано было ему испытать «беженство», вынужденный отрыв от родины, длившийся более четверти века? Он очень тяжело переживал разлуку с Россией и всем существом своим стремился домой. Но именно в этот период ему удалось собрать и сохранить многое из того, что на родине сохранить было бы трудно, а может быть, и невозможно...

Уже после возвращения на родину митрополит Вениамин восполняет новыми сведениями свои записки. Завершает повествование о епископе Иннокентии Херсонском, о крымских подвижниках. И перед нами встают яркие, запоминающиеся образы, — хотя узнаем мы не так уж и много: два-три эпизода, основные вехи жизненного пути. Маленький патерик... Может быть, живы еще духовные чада архимандрита Тихона, иеросхимонаха Серафима, иеромонаха Ксенофонта и иеросхимонаха Софрония, люди, знавшие схимонахиню Серафиму? Может быть, восполнят они труд владыки во славу Божию?

Дивное, хотя и небольшое по объему жизнеописание архимандрита Дионисия (Чудновца, † 1932) — дань памяти, которую владыка отдает своему почившему наставнику. Отец Дионисий был его духовником в период

«крымской эпопеи», накануне «беженства». Он духовно укреплял новопоставленного епископа после хиротонии, провожал своего духовного сына и владыку в изгнание...

«Поминайте наставников ваших»... Вернувшись на родину, митрополит Вениамин собрал сведения об отце Дионисии и составил его жизнеописание в соответствии с агиографической традицией. В одном из свидетельств, собранных владыкой, обращают на себя внимание слова духовной дочери отца Дионисия: «Если же я жаловалась, что кто-нибудь меня не любит, то всегда получала от него ответ: «О чем нам хлопотать? Лишь бы ты любила!»

Такой взгляд на отношения между людьми роднит митрополита Вениамина с его почившим наставником. Сознательно или нет, но владыка в своих творениях следует этому принципу. В жизни, даже в довольно зрелые годы, он был «борцом» по характеру; когда перед ним вставала необходимость нравственного выбора, выбирал, а не уклонялся. Становился на ту сторону, где, по его мнению, была правда. Авторы некоторых воспоминаний (в частности, митрополит Евлогий (Георгиевский) даже жалуются на такую порывистость его характера. Но вот в своих воспоминаниях сам владыка едва ли сказал о ком-нибудь дурное. Если уж человек «досадил» ему, скорее умолчит,— такова была его жизненная позиция. И писательская, если можно так сказать. Когда-то в молодые годы он услышал от одного старца-епископа ответ на свой вопрос, как следует относиться к человеку вообще? «С благоговением»,— ответил мудрый архиерей.

С благоговением... В недавно опубликованных воспоминаниях монахини Никоны содержится следующий эпизод: «А что сам он (митрополит Вениамин.— *А. С.*) поступал, как учил, это мы видели. Ходила в церковь одна женщина, всеми презираемая, странная, из лютеранок стала православной, латышка. Всегда оборванная, грязная, одевалась нелепо, сшила себе безобразный

апостольник, чтобы на монахиню быть похожей. Вид был, как у юродивой, даже сестры ее презирали и гнали. «Ходит, — говорят, — по базару, по улицам, монахинь компрометирует». А владыка едет в церковь, остановит машину и ее благословит. Скажет: «Схимница ты моя...», обласкает. У нее ноги были больные, а от него летит, как на крыльях». (Монахиня Никона. Воспоминания о митрополите Вениамине (Федченкове). Альманах «Христианос». Вып. 3, Рига, 1994, с. 297.)

Благоговейное отношение к человеку пронизывает все творчество владыки Вениамина и особенно ярко проявляется оно в рассказах о Божьих людях. И замечательно, что не только те, в ком ему дано было увидеть несомненно святых людей, не только они, бывшие для современников «образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте» (1 Тим. 4, 12), не только «гиганты духовные» привлекают внимание автора, но и «маленькие» праведники: «маленький Кронштадтский» о. Василий, тамбовский подвижник о. Петр, родители Афанасий и Наталья, юродивый, встреченный на Валааме. На страницах многих своих произведений владыка собирает образы хороших людей и примеры хороших поступков. В одной из своих книг он пишет: «Впрочем, под именем хороших людей я разумею не исключительно только святых — их не много! — а и борющихся со злом, с грехом... Даже — видящих грех мира, и то — добро!» Когда-то, еще в Париже, владыка Вениамин собирался составить отдельную книгу под названием «Хорошие люди». Замыслу этому не суждено было вполне осуществиться, но «заготовки» были помещены в другие произведения.

Нельзя не помянуть и тех, кто помогал владыке в его писательстве. К сожалению, знаем мы не всех, да и о тех, кого знаем, сведений сохранилось не много. Исключение составляет хорошо известная теперь православному чи-

тателю Надежда Александровна Павлович, передавшая митрополиту Вениамину сведения о старце Нектарии и о своих встречах с этим прославленным подвижником. Была еще «помогающая Александра», предоставившая уникальные материалы для жизнеописания схиигумена Германа, а также оставшийся неизвестным для нас бескорыстный помощник, приславший владыке пять рукописных тетрадей с записями о современных подвижниках. Особо же следует сказать о монахине Анне (Обуховой) — многолетней сотруднице владыки Вениамина.

Человек глубокой веры и превосходных личных качеств, она прожила долгую жизнь. Родилась матушка Анна, в миру Ольга Владимировна Обухова (по мужу), в 1866 году. Время ее кончины нам точно не известно, но прожила она более девяноста лет. Не известны и многие подробности ее жизни — а как бы хотелось узнать о ней побольше!.. Была женой государственного сановника. Долгие годы ее наставником был архиепископ Феофан (Быстров). Уже за границей он благословил ее на принятие иноческого пострига и «передал» в послушание своему бывшему ученику — епископу Вениамину. Многолетняя сподвижница, духовный друг, она была для владыки еще и носительницей живого предания. Еще до революции Ольга Владимировна принимала живейшее участие в церковной жизни, лично знала многих иерархов. Богословски образованная женщина следила за развитием русской религиозной мысли. Ее хорошо знали в Сарове и Дивееве, в Киеве и в Кавказских монастырях. Близкая дружба связывала О. В. Обухову с великой княгиней Елисаветой Федоровной. Она подолгу гостила в ее кремлевских апартаментах и в Марфо-Мариинской обители на Большой Ордынке. Была лично знакома с духовным писателем Е. Н. Погожевым (Поселянином), знала многих представителей русского религиозного возрождения

конца XIX — начала XX века. А главное, как и владыка Вениамин, чутко прислушивалась к «тому миру», любила родные святыни и святых... Ее вклад в писательские труды владыки трудно переоценить. Достаточно вспомнить о том, что многие ранее неизвестные чудеса преподобного Серафима, включенные владыкой в книги «Из того мира» и «Всемирный светильник», сообщены ею. В том числе и известная по последним публикациям «Малинка».

Господь судил матушке Анне прожить долгую жизнь. Думала ли она, потерявшая сына Колечку, расстрелянного большевиками, оставившая в России дочь, что ей придется вернуться на родину и послужить людям? Едва ли такие мысли приходили ей на ум, когда последний пароход увозил ее в Константинополь в ноябре 1920 года. В своих воспоминаниях, написанных в 1936 году (ей пошел уже восьмой десяток), матушка Анна подводит жизненные итоги и, конечно, даже не предполагает, что еще более двух десятилетий будет жить и трудиться во славу Божию, вернется в Россию вместе с владыкой Вениамином, будет духовной наставницей женщин и девушек, обратившихся от безбожия к вере. Как древняя диаконисса, будет готовить их к принятию святого крещения, наставлять в истинах православной веры, и никакие внешние обстоятельства не в силах будут помешать ее служению.

Ей, «старице Божией», будут адресованы теплые, иногда — полушутливые, но всегда почтительные приписки в посланиях патриарха Алексия, направленных митрополиту Вениамину.

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят», — говорит Господь в Евангелии (Мф. 5, 8). И несомненно, чистым сердцем нужно обладать для того, чтобы узреть и образ Божий в человеке, образ, особенно ярко сияющий в праведниках, «больших» и «малых», ведомых миру

и неизвестных ему. Владыка Вениамин обладал одной удивительной чертой — тонкой интуицией, свойственной глубоко верующей душе, позволяющей безошибочно точно увидеть человека Божия среди современников. Обратимся к галерее портретов русских праведников, созданной митрополитом Вениамином, вспомним и тех, о ком он упоминает мельком, но с благоговением. Отец Иоанн Кронштадтский. Прославлен в лике святых Русской Православной Церковью. Отец Варнава Гефсиманский. Почитается местно. Готовится его общецерковное прославление. Существует и местное почитание зосимовских подвижников. Готовится прославление о. Анатолия и о. Нектария в Соборе Оптинских старцев. Вскоре состоится канонизация архиепископа Димитрия (Абашидзе), в схиме Антония. Не так давно прославлен в лике святых тот, кого владыка именует «угодником Божиим», — святитель Московский Филарет.

Удивительно... И закономерно. Мнение верного сына и служителя Христовой Церкви совпадает с ее суждением, с судом Божиим.

...Митрополит Вениамин (Федченков) — духовный писатель, продолжатель направления, сложившегося в нашей духовной литературе в конце XIX — начале XX века, наиболее ярким представителем которого были епископ Никодим Белгородский († 1918) и Е. Н. Погожев (Поселянин; † 1931), С. А. Нилус и В. П. Быков (двух последних владыка знал лично). Он собрал и сохранил материал, ценность которого для каждого православного христианина бесспорна. С любовью и благоговением поведал о Божьих людях, потому что сам был «от рода их». В упоминавшихся уже воспоминаниях монахини Никоны есть удивительные факты, полнее раскрывающие духовный облик владыки Вениамина, есть и другие свидетельства.

Митрополит Вениамин скончался 4 октября 1961 го-

да. В этот день Церковь вспоминает святителя Димитрия, митрополита Ростовского,— великого собирателя и творца житий святых.

«По мудрым советам старцев и дни следует наблюдать... Так учили оптинцы». (Митрополит Вениамин (Федченков). Отец Иоанн Кронштадтский. Т. I, часть I, машинопись, б. м. и г., с. 55).

Алексей Светозарский

КОММЕНТАРИЙ И ПРИМЕЧАНИЯ

«ИЗ ТОГО МИРА»

«ОБЕТ»

1. В автобиографии митрополит Вениамин сообщает о своих родителях следующие сведения:

«Родители мои: отец — Афанасий Иванович Федченков (вероятно, его деды были выходцами с Украины и носили фамилию Федченко) из Смоленской губернии, Бельского уезда (села не помню), был сыном крепостного крестьянина, Ивана Федченкова, плотника помещиков Баратынских. Рано научился грамоте от жены местного дьячка («за полмеры пшена»). За свои способности и красивый почерк был как крепостной юноша, 14-ти лет, переслан помещиками из Смоленской губернии в имение в Тамбовской (в с. Ильинку) для занятия конторским делом, — коим и занимался около 33 лет.

Мать моя, Надежда Николаевна Оржевская, была одною из 3 дочерей диакона села Оржевки, того же Кирсановского уезда, потом служившего в с. Софьинке, при храме Казанской Божией Матери, при имении из той же фамилии Баратынских. Благодаря влиянию матери «из духовных», в нашей семье пошли в духовные школы трое братьев.

Отец и мать умерли около 71—72 лет, после тяжелой трудовой жизни, воспитав всех 6-х детей».

«Автобиографически послужной список митрополита Вениамина», составленный 4/17 февраля 1947 года. Бруклин, Нью-Йорк, САСШ; черновик: «Послужной список

митрополита Вениамина (Федченкова)», 4/17.II.1947. Рукопись.

«У ОТЦА ПЕТРА»

2. Летом 1914 года ректор Тверской Духовной семинарии архимандрит Вениамин (Федченков) принимал участие в торжествах прославления св. Питирима Тамбовского († 1698, память 27 июля).

3. Мощи святителя Питирима почивали в Тамбовском Спасо-Преображенском соборе, у южной стены правого (Никольского) придела.

«ВОЛЯ БОЖИЯ»

4. Архиепископ Феофан (в миру Василий Дмитриевич Быстров, 1872—1940). В 1901—1909 годах занимал должность инспектора Санкт-Петербургской Духовной академии. Оказал большое влияние на студента И. А. Федченкова; был его духовником, совершил его пострижение в монашество (26 ноября 1907 года). См. о нем кн.: Духовник царской семьи святитель Феофан Полтавский. Братство преп. Германа Аляскинского. Платина, Калифорния, Российское Отделение Валаамского Общества Америки. М., 1994.

«ПРОЗОРЛИВЫЙ»

5. Валаамский Спасо-Преображенский монастырь, стяжавший славу «Северного Афона», расположен на самом большом острове в Ладожском озере. Сам остров Валаам и множество мелких островов образуют архипелаг, на котором расположен монастырь и многочисленные скиты: Никольский, Иоанно-Предтеченский, Ильинский и др. Сочетание прекрасной и суровой северной природы с дивной церковной архитектурой XIX—XX

столетий создает неповторимую картину, надолго запоминающуюся каждому посетителю «Северного Афона». Монастырь на Валааме основан в XIV столетии преподобными Сергием и Германом (память 28 июня). Некоторые источники относят время основания обители к XI и даже IX веку. Существует предание о посещении острова святым апостолом Андреем Первозванным.

Находившийся на северо-западных рубежах Руси монастырь неоднократно подвергался нападениям иноземцев. Особенно сильное разорение обитель претерпела от шведского полководца Делагарди в 1611 году. На целое столетие Валаамом завладели шведы. В 1715 году указом Петра I монастырь был возобновлен. Расцвет духовной жизни и одновременно — экономической деятельности обители приходится на XIX столетие. В XVIII—XX веках на Валааме подвизались старцы высокой жизни.

С 1918 года Валаам отошел к Финляндии и монастырь продолжал существовать до 1940 года. Накануне прихода Красной Армии насельники обители покинули архипелаг и основали в Финляндии Ново-Валаамский монастырь. После Великой Отечественной войны часть братии вернулась на родину. Старый Валаам начал возрождаться с 1989 года.

6. Схимонах Никита пришел на Валаам 42-х лет от роду. Исполнял послушание коридорного в монастырской гостинице, трудился на огороде, около пяти лет был гостиничником. Братия любила его за ласковый характер, приветливость и заботы обо всех. Подвизаясь в Коневском скиту, о. Никита проходил науку умного делания у схимонаха Агапита Слепца, состоявшего в переписке со святителем Феофаном, затворником Вышенским († 1894). Духовным другом о. Никиты был старец Иоанн Молчальник. Шестидесяти лет от роду о. Никита принял схиму. В монашестве подвизался 33 года.

О нем см.: «Жизнеописание валаамского подвижника схимонаха о. Никиты», СПб., 1911; М. Янсон «Валаамские

старцы», издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. М., 1994.

7. Скит во имя св. Иоанна Предтечи находится на скалистом острове, древнее название которого Серничан, в переводе с финского означает — «Монашеский». Некогда на острове жили рыбаки-миряне, для которых в 1855 году построили часовню св. Иоанна Предтечи. В 1858 году трудами игумена Дамаскина († 1881) — настоятеля Спасо-Преображенского монастыря, подвижника и талантливого администратора, — была воздвигнута Предтеченская церковь и при ней учрежден скит. Устроили также и пещерную церковь в честь Трех святителей.

Жизнь в скиту отличалась строгим постничеством: рыба, масло и чай запрещались совершенно. Молочного и рыбы не вкушали даже на Пасху. В понедельник, среду и пяток постное масло в пищу не употреблялось.

8. В 1908—1910 гг. иеромонах Вениамин исполнял обязанности личного секретаря при архиепископе Финляндском и Выборгском Сергии (Страгородском, † 1944; впоследствии — Патриарх Московский и всея Руси) и нес послушание очередного иеромонаха в храме Ярославского подворья в Санкт-Петербурге.

9. Архиерейская хиротония архимандрита Вениамина (Федченкова) во епископа Севастопольского, викария Таврической епархии, состоялась в воскресенье 10 февраля 1919 года в Покровском соборе г. Симферополя.

10. О схимонахе Пионии: «Здесь, в храме, и встретили мы впервые схимонаха о. Пиония. Чистый первый тенор у о. Пиония. Знаток устава церковного и пения. На память читает часы, полунощницу, акафисты Иисусу Сладчайшему, Матери Божией, кафизмы, антифоны. По книгам не может читать, давно уж начал угасать для него свет дневной, пока не померк окончательно.

Но хорошо знакома ему дорога из келии в храм, из храма в келию. Каждый поворот заросшей тропинки известен. Тридцать лет уж протаптывает он ее.

Вот здесь — остановиться надобно. За алтарем церковным — могилка старца о. Никиты, друга-наставника.

Неотходно был о. Пионий при кончине о. Никиты, да и после не отлучался от тела, пока не опустили вот в эту могилу.

Стоит старец, молится, точно беседует с о. Никитой. Да и беседует. Не раз видел старца-учителя в тонком сне. Назидался, услаждался собеседованием и молитвою совместной.

— Батюшка о. Пионий, расскажите, как вы о. Никиту видели?

— А дело вот как было. Частенько хаживал ко мне о. Сисой. Он молитвенник был и ревнитель, все учил, как крест надлежит класть. Ну... а только любитель был чайку попить, и часто мы с ним за самоварчиком сиживали. А о. Никита запрещал, говорил: «Ты о. Сисоя часто не принимай... не полезно...»

Потом, как о. Никита скончался, стал о. Сисой опять ко мне захаживать, а я не смел отказывать, и мы с ним чай попивали. Ну, вот о. Никита и явился ко мне ночью... да такой выговор дал... вроде как с негодованием даже, за мое непослушание-то. А во второй раз пришел о. Никита и говорит: «Читай молитвы...» Ну я стал читать Трисвятое по Отче наш, а он благословил, и мы приветствовались. Тогда я понял, что он простил, и такую радость ощутил, как проснулся... А то очень уж я скучал, после первого сна, когда он меня наказал-то...» (М. Янсон «Валаамские старцы». М., 1994, стр. 28—29).

«В МОНАХИ»

11. Виктор Раев — в монашестве архимандрит Иоанн.

Николай Соболев — впоследствии архиепископ Серафим.

12. «Святоотеческим кружком» в Санкт-Петербургской

Духовной академии именовались в те годы сверхпрограммные занятия по изучению творений св. отцов, которые проводил со студентами инспектор академии профессор архимандрит Феофан (Быстров). Для многих участников кружка это были не просто научные занятия, а подлинная школа духовной жизни. Название «златоустовского» кружок получил из-за того, что его занятия начались разбором творений св. Иоанна Златоуста.

13. Архимандрит Феофан (Быстров). В своей книге «Письма о монашестве» митрополит Вениамин дает портрет своего наставника:

«Ректором тогда был епископ Сергий (Страгородский), впоследствии патриарх, а инспектором — архимандрит Феофан, о котором я уже упомянул. Вот он на всех нас, студентов, производил совершенно исключительное впечатление: худенький, с постническим лицом, продолговатой темной бородой, с длиннейшими черными волосами, которые он через плечи свешивал на грудь и нередко незаметно покручивал, всегда в темном клобуке, глубоко надвинутом на голову; с тихим голосом, с серьезным ликом, нередко улыбающийся в разговорах с нами; исключительно преданный вере, молитве и тайным, но несомненным подвигам; он просто казался всем нам святым. Да это и недалеко было от истины. А иногда он, после вечерней трапезы, приглашал нас в академическую церковь для молитвы (а по уставу она была обязательной, но мы обычно не ходили на нее, за исключением пяти-десяти человек: из 260!). И тут, в вечерней тьме, инспектор говорил нам что-нибудь исключительно глубокое, мистическое, божественное. Студенты внимательно слушали его.., Вот его образ на нас произвел огромное впечатление!» (Митрополит Вениамин (Федченков). Письма о монашестве. Машинопись, б. м. и г. (из текста можно предположить — 1957). Хранится в библиотеке Московской Духовной академии, стр. 3—4).

14. Данный эпизод, записанный со слов самого вла-

дыки Серафима (Соболева), содержится в жизнеописании его, составленном архимандритом Пантелеймоном. См.: «Святитель Серафим Соболев. Жизнеописание и сочинения». St. Herman of Alaska brotherhood press, 1922, стр. 22. См. также: Архиепископ Вениамин (Федченков) «Всемирный светильник преподобный Серафим Саровский», стр. 176—177.

15. Архиепископ Серафим (в миру Николай Борисович Соболев) родился 1.12.1881 года в Рязанской губернии. После окончания Рязанской Духовной семинарии поступил в Санкт-Петербургскую Духовную академию, которую окончил в 1908 году со степенью кандидата богословия. Монашество принял в 1907 году (в один год с владыкой Вениамином). Был рукоположен во иеромонаха. В 1908—1909 гг. —преподаватель Пастырского училища в Житомире; в 1909—1911 — инспектор Костромской Духовной семинарии. С конца 1912 года — инспектор Воронежской Духовной семинарии (в сане архимандрита).

1 октября 1920 года хиротонисан в Симферополе во епископа Лубенского, викария Полтавской епархии (епархиальным архиереем в то время был там владыка Феофан (Быстров), но епархией не управлял, так как территория ее уже была занята большевиками).

В ноябре 1920 года епископ Серафим покинул пределы России. В мае 1921 года патриархом св. Тихоном назначен управляющим русскими приходами в Болгарии, с титулом епископа Богучарского. Время возведения в сан архиепископа не известно. До 1946 года числился в юрисдикции зарубежного Синода. В 1946 году осуществил воссоединение находившихся в Болгарии русских приходов с Московским Патриархатом.

В 1948 году принимал деятельное участие в работе Совещания глав и предстоятелей автокефальных Православных Церквей в Москве. Противник экуменизма. Выступал против учения протоиерея Сергия Булгакова о Софии. Автор ряда богословских и публицистических работ.

Скончался 26 февраля 1950 года. Похоронен в Софии. Могила окружена почитанием.

«ЧУДЕСА ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА»

«МАЛИНКА»

16. В доме С. Н. Обухова — председателя уездной земской управы, предводителя дворянства, проживавшего с семьей в Житомире. Некоторое время будущий митрополит — по рекомендации архимандрита Феофана (Быстрова) — был домашним учителем в доме Обуховых.

17. Рассказ об этом чудесном событии из жизни преп. Серафима помещен впоследствии владыкой Вениамином в книге «Всемирный светильник Преподобный Серафим Саровский», изданной к столетию со дня кончины угодника Божия, стр. 249—251.

18. Ольга Владимировна Обухова, в монашестве — Анна, духовная дочь архиепископа Феофана (Быстрова), многолетняя сотрудница владыки Вениамина.

«НЕ МОГУ НЕ ВЕРИТЬ»

19. Автор повествует о временах, когда связь с людьми, жившими в советской России, была еще возможна. Владыка Вениамин сам переписывался в конце 20-х годов с оптинским старцем о. Нектарием, со своей матерью Натальей Николаевной, которая, правда, писала ему под видом духовной дочери.

«ВЫКУПАЛ УГОДНИК»

20. Лк. 19, 1—10.
21. Ин. 11, 1—53.

22. I Кор. 9, 22

23. Воспоминания принадлежат монахине Анне (Обуховой). Ее сын, Николай Обухов, был впоследствии расстрелян большевиками.

24. Архиепископ Феофан (Быстров).

«ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ И ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ»

25. Впоследствии настоящее повествование вошло в книгу владыки Вениамина «Всемирный светильник Преподобный Серафим Саровский», см. стр. 154—156.

26. Русское издание книги: П. Сабатье «Жизнь Франциска Ассизского». М., 1895.

Франциск Ассизский (1181 или 1182—1226) — католический святой, проповедник «святой бедности», основатель ордена миноритов («меньших братьев»), получившего впоследствии наименование Францисканского.

«ЯВЛЕНИЕ БОЖИЕЙ МАТЕРИ»

27. Саровские подвижники. Иеромонах Назарий (Кондратьев, † 1809) впоследствии положил начало возобновлению Валаамского монастыря в XVIII столетии.

«ЧИТАЙТЕ «БОГОРОДИЦУ»

28. Рассказ передан владыке Вениамину монахиней Анной (Обуховой) — непосредственной участницей чудесного события. Сохранилось ее письмо, написанное по этому вопросу. Приводим его текст.

26 авг.
8 сент. 1932 г.

Вы желаете, чтобы я вам записала об одном чудесном происшествии, бывшем в моей семье в 1910 г. в Уфе.

Вот мне уже 66 лет... Из них я жила в Уфе года 3—4. Во всю мою жизнь я не видела столько чудесного в своей жизни, как в эти годы...

Прошло 22 года... Могла забыть кое-какие мелочи.

Помню я... что время было около 20-го декабря. Муж и сын уехали на охоту на Урал. Дочь была в Саратове... Я одна. Мы этот год снимали дом — одноэтажный большой особняк, и окно моей комнаты выходило на улицу прямо на церковь во имя Успения Божией Матери... Я лежала больная — не то бронхит, не то плеврит... Забыла... С повышенной температурой... Но мне было не до температуры... Я только что получила из Москвы книгу «На горах Кавказа» — о молитве Иисусовой. Читала, лежа в кровати, и так переживала читаемое, что мне слышался запах фиалок, растущих в горах Кавказа. Я как бы все видела, и о. Илариона. Стемнело... С улицы закрыли ставни — и я зажгла электричество, чтобы читать книгу, которая меня всю захватила.

В комнате были две двери... Одна вела в комнату сына и вообще комнаты по фасаду, другая — в большую комнату, проходную. За ней была черная передняя (прихожая). Затем большие сени и через сени была кухня. Из кухни был еще ход в малые сени... крылечко... и во двор...

Лежу... читаю... В это время, я знала, что прислуга была в кухне и пила чай. Вдруг слышу, что дверь в кухню из малых сеней с шумом хлопнула — и послышались крики, вопли... детей. Я удивилась... Звоню в электрический звонок в кухню... Никого... Лишь в кухне крики детей, голоса кучера, кухарки... Наконец является горничная Паша — высокого роста, здоровенная, крестьянка Уфим. губ. Лицо — мордовского типа; добродушная, простая, но умная, способная. Паша, возбужденная, говорит: «Вдруг открылись двери со двора... ввалились трое ребятишек, все в снегу, полуживые, и кричат благим матом... Кучер бросился на улицу искать, кто их привел... и хочет их в полицию — скоро ночь». «Приведи их скорее сюда», — говорю я.

В голове мелькнули мысли: не отдам в полицию... трое... детей... три странника... Не отдам...

Детей ввели... Христина, лет 11-ти, Степка, лет 7—8, и девочка Манька, лет 3—4... Некрасивая девочка, почти без носа... гнусавая немного, уставила в меня свои светлые, умные глаза... С самого начала разговор вела Манька, а старшие конфузились, молчали. Дети были в лохмотьях... Манька среди разговора хваталась за свои ноги. В комнату собралась вся прислуга и кучера...

Я решительно сказала, что в полицию не отдам, что оставляю их у себя, а утром переговорю с кем следует. Дети не стояли на ногах. Их взяли на кухню... уложили на печку — с трудом сняв обувь. У Маньки опорки примерзли к ногам. Прислуга опять собралась ко мне и выяснили [...]. Сидели... Пили чай — на улице начиналась метель... Вдруг дверь с шумом отворилась... Ввалились дети... На расспросы лишь сказали: «Тетенька в черном... из церкви напротив... вышла... взяла Маньку за руку... перешла улицу... отворила калитку... на крыльцо... отворила дверь и втолкнула их... Молча». — Тетенька... в черном... [...] черная. Лицо закрыто шалью.

Кучер выскочил. Церковь закрыта: и ворота, и калитка. Еле докричались сторожа... Никого не было... и следов нет. Бросился по улице. Никто не видел женщины, а лишь троих ребятишек видели нищих — из деревни...

Дети отдохнули... их накормили — утром кучер отвел Степку в баню, девочек вымыли, одели, обули, успокоили и вот что узнали...

В 30-ти верстах было большое село. В селе был дьячок. У дьячка дочь вышла замуж за церковного сторожа. Умер дьячок, дьячиха стала жить с дочерью... И дочь и ее муж пили... сторож умер... стали жить милостыней... С утра наденут мешки и по селу идут... Особенно давали Маньке... Тонким детским голоском она нараспев просила: «подайте Христа ради... милостыньку... сиротке» и т. д. Вечером на печке отогревались, и бабушка-дьячиха

их учила молиться... Бабушка всегда молилась... Особенно любила читать «Богородицу» и детей к этому приучила...

29. Речь идет о популярной в то время книге схимонаха Илариона «На горах Кавказа. Беседа двух старцев пустынников о внутреннем единении с Господом наших сердец чрез молитву Иисус Христову, или Духовная деятельность современных пустынников». Баталпашинск, 1907, Изд. 2-е — 1910 г.; Изд. 3-е — Киево-Печерская лавра, 1912.

30. Епископ Уфимский и Мензелинский Нафанаил (в миру Николай Захарьевич Троицкий) родился 30.X.1864 года в семье священника Донской епархии. В 1886 году окончил Донскую Духовную семинарию и поступил в Киевскую Духовную академию. В следующем году уволен согласно прошению. В 1888 году рукоположен в священный сан и назначен в Покровскую церковь слободы Анастасьевки.

В 1893 году поступил в Казанскую Духовную академию, в 1896-м пострижен в монашество ректором архимандритом Антонием (Храповицким). В том же году окончил академию со степенью кандидата богословия и получил назначение в Таврическую Духовную семинарию. С 1896 по 1902 год архимандрит Нафанаил — ректор Олонецкой, а с 1902 по 1904 — Тамбовской Духовной семинарии.

29 февраля 1904 года в Александро-Невской лавре хиротонисан во епископа Козловского, викария Тамбовской епархии.

С 1908 по 1912 — епископ Уфимский и Мензелинский, с 1912 по 1918 — Архангельский и Холмогорский. Возведен в сан архиепископа в 1918 году. Патриархом св. Тихоном возведен в сан митрополита (1921 г.) и назначен на Харьковскую и Ахтырскую кафедру. Подвергался репрессиям со стороны властей. В 1927 году временно управлял Воронежской епархией. Скончался 7 апреля

1933 года. Согласно завещанию отпет как мирянин и погребен на кладбище ст. Перхушково Белорусской железной дороги.

31. Трехсвятительское подворье на rue Petel — первый приход Московской Патриархии в Париже, основанный трудами епископа Вениамина (Федченкова), его сотрудников и русских беженцев, не пожелавших разорвать общение с Церковью на родине. В 1930 году в результате конфликта с Патриархией митрополит Евлогий (Георгиевский), подведомственное ему духовенство и большая часть прихожан-эмигрантов разорвали каноническое общение с митрополитом Сергием (Страгородским).

Подворье владыка Вениамин именует «убогим», так как оно было устроено в бывшем складском помещении, его обитатели и прихожане (особенно первое время) испытывали большие материальные затруднения и сильное давление со стороны непримиримой части эмиграции.

«СОН ДОКТОРА М-НА»

32. Митрополит Евлогий (в миру Василий Семенович Георгиевский) — один из выдающихся иерархов Русской Православной Церкви первой половины XX столетия. Родился 10.IV.1868 года в Тульской губернии. Посещал Оптину пустынь, бывал у преп. Амвросия Оптинского. В 1892 году окончил Московскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1893—1894 годах исполнял должность помощника смотрителя Ефремовского Духовного училища, в 1894—1895 годах был преподавателем в Тульской Духовной семинарии.

Пострижен в монашество архимандритом Антонием (Храповицким) и рукоположен во иеромонаха (1895). В 1895—1897 — инспектор Владимирской Духовной семинарии. С 1895 по 1903 год — ректор Холмской Духовной семинарии (в сане архимандрита).

Хиротонисан во епископа Люблинского, викария

Холмской епархии, 12 января 1903 года. С 1905 по 1914 год — епископ Холмский и Люблинский. В 1912 году возведен в сан архиепископа. С 1914 года — архиепископ Волынский и Житомирский. Активный участник Поместного Собора 1917—1918 гг., сторонник восстановления патриаршества.

В 1919 году митрополитом Антонием (Храповицким) направлен в Париж. Управлял русскими приходами в Западной Европе. Митрополит с 1930 г. С 1930 по 1945 год находился в разделении с Московской Патриархией. 2 сентября 1945 года состоялось воссоединение. Скончался 8 августа 1946 года. Похоронен в Париже, на кладбище Сен-Женевьев де Буа. Автор интереснейших воспоминаний «Путь моей жизни».

33. Память св. Василия Великого (†379) — 1 января (ст. ст.).

«ИМЯ БОЖИЕ»

а) «СПАСЕНИЕ ОТ УТОПЛЕНИЯ»

34. О. Александр Федченков.

35. Сергей Афанасьевич Федченков — впоследствии выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии.

36. Город Кирсанов Тамбовской губернии.

б) «ПРОПАВШИЙ КАНОННИК»

37. Епископу Феофану (Быстрову).

в) «БЕЗ МОЛИТВЫ НАЧАЛ»

38. Рассказ об этом случае содержится также в книге владыки Вениамина «Оптина».

39. Об отношении владыки Вениамина к Русскому

Студенческому Христианскому Движению (РСХД) см. примечания к «Оптиной».

«ИСКУШЕНИЕ»

40. У архиепископа Сергия (Страгородского).

«ОТЕЦ ИСИДОР»

а) «СОЛЬ ЗЕМЛИ»

41. Иеромонах Исидор (в миру Иоанн Козин, или Грузинский, как он сам себя называл), согласно сведениям, представленным о. Павлом Флоренским в его книге (см. ниже), родился, предположительно, в 1814 году в с. Лыскове Макарьевского уезда Нижегородской губернии. После поразившего его необыкновенного случая (на его глазах в храм ударила молния, прошла вдоль иконостаса и разорвалась с грохотом; иконостас почернел, но никто из бывших в церкви не пострадал) укрепился в желании оставить мир. Юношей поступил в Гефсиманский скит Троице-Сергиевой лавры. Некоторое время был келейником у своего земляка архимандрита Антония (Медведева).

В 1860 году пострижен в мантию. После создания пустыни Параклит о. Исидор перешел на жительство в это уединенное место. В 1863 году рукоположен во иеродиакона, в 1865 — во иеромонаха. Отец Исидор из смирения схимы не принимал. Прожил год на Афоне. Там он принял участие в воздвижении Креста Господня на самой высокой точке Св. Горы. Вернувшись на родину, вновь поселился в Параклите, где претерпел немало скорбей и гонений. Переселился в Гефсиманский скит, где прожил до самой кончины. Почил о Господе 3 февраля 1908 года, в канун дня своего Ангела.

42. «Соль земли, то есть Сказание о жизни старца Гефсиманского скита иеромонаха Аввы Исидора, собранное и по порядку изложенное недостойным сыном его духовным Павлом Флоренским». // Оттиск из №№ 10, 11 и 12 журнала «Христианин» за 1908 год и №№1 и 5 за 1909 год.

43. Епископ (впоследствии обновленческий митрополит) Евдоким (в миру Василий Мещерский) родился 1.IV.1869 года в семье псаломщика Владимирской епархии. В 1894 году окончил (со степенью кандидата богословия) Московскую Духовную академию и был пострижен в монашество архимандритом Антонием (Храповицким). В том же году рукоположен в иеромонаха. Назначен преподавателем в Новгородскую Духовную семинарию. С 1896 по 1898 год был инспектором в той же семинарии. С 1896 — инспектор, а с 1903 — ректор Московской Духовной академии.

4 января 1904 года хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. С 1907 года издавал журнал «Христианин».

С 1909 по 1914 год — епископ Каширский, викарий Тульской епархии. В 1914 году возведен в сан архиепископа и назначен на кафедру Алеутскую и Северо-Американскую. Участник Поместного Собора 1917 — 1918 гг. С 1919 года — архиепископ Нижегородский.

После ареста патриарха, св. Тихона, признал Высшее Церковное Управление (ВЦУ) единственной канонически законной властью. В дальнейшем, пребывая в обновленческом расколе, был ярым врагом Патриаршей Церкви. С ноября 1922 года — митрополит Одесский. Сменил митрополита Антонина (Грановского) на посту председателя Высшего Церковного Совета. Участник 2-го Всероссийского поместного собора (обновленческого), проходившего в Москве в мае 1923 года. С августа 1923 года — председатель Священного Синода. С сентября 1924 го-

да — на покое. Проживал в Гаграх. С 1929 г.— постоянный член Президиума Священного Синода. Скончался в 1935 году.

44. «...Ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5, 45).

45. Гефсиманский скит при Троице-Сергиевой лавре основан в 1844 году архимандритом Антонием (Медведевым, †1877) с благословения и при деятельном участии св. Филарета, митрополита Московского (†1867). В новооснованной обители был принят устав Саровской пустыни. В 1847 году при Гефсиманском ските поселился знаменитый юродивый Филипп Андреевич Хорев (в монашестве — Филарет, в схиме — Филипп), положивший начало Пещерному отделению скита. Там было установлено пение псалмов по уставу св. Пахомия Великого. Пещерное отделение (или Черниговский скит) жило по особому уставу и имело своего благочинного при общем с Гефсиманским скитом настоятеле.

1 сентября 1869 года в пещерной церкви св. Архангела Михаила прославилась чудом исцеления тяжко болящей женщины икона Божией Матери, пожертвованная А. Г. Филипповой. Этот чудотворный образ Царицы Небесной получил наименование Черниговско-Гефсиманского.

Пещерное отделение скита стало центром московского старчества.

В Гефсимании подвизались схимонахи Харитон и Матфей (†1852), игумен Иларий (в схиме Илия, †1863), иеромонах Тихон (†1873), иеросхимонах Александр (†1878), иеромонах Варнава (†1906), иеромонах Исидор (†1908), схиигумен Герман (†1923) и другие подвижники.

После закрытия лавры (1919) часть братии ее перешла на жительство в Черниговский скит, который, в свою очередь, закрыли в 1921 году. В следующем году закрыли

и Черниговский собор, действовавший некоторое время как приходской храм.

В 1924 году Гефсиманский скит получил статус сельскохозяйственной артели и прекратил свое существование лишь с окончанием НЭПа. В 1928 году была закрыта последняя скитская церковь. Последний скитоначальник игумен Израиль скончался в ссылке в начале 50-х годов.

В 1950-е годы на территории Гефсиманского скита разместили воинскую часть, а в Черниговском в годы советской власти последовательно размещались: тюрьма, интернат для слепых, интернат для инвалидов Отечественной войны, а затем ПТУ для инвалидов.

Иноческая жизнь в Черниговском скиту возобновилась в июле 1990 года. Строения Гефсиманского скита почти не сохранились. На территории Черниговского скита восстановлены места погребения философов К. Н. Леонтьева (в монашестве — Климент, †1891) и В. В. Розанова (†1919).

46. Иеромонах Варнава (в миру Василий Ильич Меркулов) родился 24 января 1831 года в с. Прудищи Тульской губернии в семье крепостного. Детство и юность будущий подвижник провел в подмосковном селе Фоминское (ныне — г. Нарофоминск), куда родители его переселились по воле своего помещика. Василий часто посещал Троице-Одигитриевскую Зосимову пустынь и назидался наставлениями отшельника Геронтия, жившего в уединении близ обители. В возрасте двадцати лет Василий Меркулов поступил в Троице-Сергиеву лавру. За ним последовал и его наставник, принявший в обители преподобного Сергия схиму с именем Григория. Через месяц после прихода в лавру Василий получил благословение перейти на жительство в Гефсиманский скит. Там он поступил в послушание к монаху Даниилу, будущему строителю (настоятелю) Гефсиманского скита. Через восемь лет (в 1859 году) рясофорный монах Василий был переведен в Пещерное отделение.

2 января 1862 года скончался наставник Василия схимонах Григорий. Незадолго до кончины он открыл своему ученику волю Божию: принять подвиг старчества и послужить страждущим. Подвижник предсказал также, что со временем ученик его сделается основателем женского монастыря. На старчество благословил Василия и о. Даниил.

27 ноября 1867 года рясофорный монах Василий был пострижен в мантию с именем Варнава (в честь апостола от семидесяти св. Варнавы) и принял на себя подвиг старчества, сделавшись в самом скором времени известнейшим на всю Россию духовником.

29 августа 1871 года о. Варнава был рукоположен во иеродиакона, а 20 января 1872 года — во иеромонаха. 20 января 1873 года с благословения наместника Троице-Сергиевой лавры архимандрита Антония (Медведева) иеромонах Варнава был назначен народным духовником, а вскоре — и братским духовником Пещерного отделения Гефсиманского скита. С 1880 года он — духовник скитских старцев.

Скончался о. Варнава 17 февраля 1906 года, в пятницу первой седмицы Великого поста. Похоронен на одном из кладбищ г. Сергиева Посада. Почитается как местночтимый подвижник. В настоящее время готовится его общецерковное прославление.

«СМЕРТЬ ПРАВЕДНИКА»

47. Осенью 1917 года постановлением преподавательской корпорации архимандрит Вениамин (Федченков) был избран ректором Таврической Духовной семинарии и с согласия правящего архиерея, архиепископа Таврического Димитрия (Абашидзе), занял этот пост. (Ранее он уже ректорствовал в Таврической семинарии в 1912—1913 гг.). После получения согласия владыки Димитрия

о. Вениамин оставил Тверь и перебрался в Таврическую епархию.

48. Начало истории «безрукого» описывается в книге П. Флоренского о старце Исидоре:

«Подобным образом о. Исидор около трех лет до самой своей смерти возился с одним рабочим, которому оторвало машиною руку. Отец Исидор называл его обыкновенно «безруким». Этого «безрукого» он сам кормил ложкой, раздевал его и одевал, доставал ему денег и неоднократно спасал его от попыток к самоубийству. Получит какое-нибудь подаяние и, не теряя времени, спешит передать «безрукому». Кого только не просил о. Исидор за этого калеку! О чем бы ни шла речь, батюшка, бывало, непременно свернет ее на «безрукого» и начнет ходатайствовать о нем. Много старцу было хлопот с ним. Но из многого выбирая немногое, поведаю тебе, читатель, о некоем случае. Однажды приходит к о. Исидору один студент и видит такое зрелище: рабочий возбужденно уверяет батюшку, что он, рабочий, должен застрелиться или удавиться, ибо к этому его будто бы приговорили революционеры. Батюшка тогда обращается к вошедшему студенту и сетует на рабочего. Но если и слова старца «безрукий» не принимал в сердце, то неужто послушался бы студента. Так, конечно, и не внял его уговорам. Ну, не добившись умирения, старец и студент преклоняют колена и молятся о вразумлении калеки. Затем о. Исидор спешит к старцу Варнаве, чтобы и того привлечь на помощь; но о. Варнава, вероятно, провидя, в чем дело, отказался участвовать в беседе с «безруким». Тогда старый-престарый авва о. Исидор вместе с «безруким» снова плетется за ограду скитскую — в номер студента, снятый им в монастырской гостинице. Здесь они опять угощают рабочего чаем, уговаривают, просят, умоляют оставить задуманное. Батюшка изобретает все новые средства: приносит просфо-

ру, по кусочкам дает ее рабочему, снимает с себя — великую святыню — свой собственный перламутровый крест, привезенный батюшке из Старого Иерусалима некиим странником, и, сняв его со своей шеи, надевает на шею рабочего; потом приносит откуда-то денег (своих-то у него, конечно, не было — как всегда!) и дает рабочему и говорит ему, что это Господь послал тебе в утешение. Но не уязвляется любовью ожесточившееся сердце. Тогда восьмидесятилетний старец земно кланяется рабочему и просит его образумиться. Так же кланяются рабочему и студент со своею молодою женою, которая присутствовала при этом увещевании. И рабочий кланяется старцу. Чем кончились бы все эти просьбы, неведомо никому, кроме только Бога. Но им положило конец постороннее вмешательство. Вдруг стучится коридорный и просит студента освободить номер, ибо узналось, что безрукий был политически неблагонадежным. Студенту пришлось собрать пожитки и поскорее удалиться из гостиницы. А батюшка стоял у ворот скита и, провожая уезжающего студента и жену его, говорил словами Спасителя: "Блаженны изгнанные правды ради". См.: «Соль земли...», стр. 21—22.

«ИЗ ДРУГОГО МИРА»

ЧУДО В СЕРБИИ

49. Епископ Вениамин прибыл в Сербию в 1921 году. Он был одним из организаторов Зарубежного Церковного Собора в Сремских Карловцах (8—19 ноября ст. ст.). После указа патриарха св. Тихона об упразднении зарубежного Высшего Церковного Управления владыка Вениамин принимает решение удалиться в монастырь: с этой целью он организовал братство русских иноков в одной из сербских обителей (в монастыре Петковица,

близ г. Шабаца) и настоятельствовал там в 1922—1923 гг., продолжая исполнять обязанности епископа Армии и Флота и члена «Русского Совета» при бароне П. Н. Врангеле. В 1923—1924 гг. жил в Чехословакии. В последующие годы, в тяжелые моменты своей жизни, он возвращался в сербские монастыри. Так, летом 1927 года владыка вновь решает уйти в Петковицу, но после принятия им известной «Декларации» митрополита Сергия (Страгородского), удаляется в пустынный скит св. Саввы Сербского, а затем — по просьбе епископа Шабацкого Михаила — вновь возвращается настоятелем в монастырь Петковица (1929).

50. Пс. 146, 9.

ОБНОВЛЕННАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

51. Осенью 1923 года по приглашению архиепископа Савватия (Брабеца) епископ Вениамин прибыл в Чехословакию в качестве викарного архиерея и с сентября 1923 по май 1924 года окормлял православные приходы в Карпатской Руси, количество которых возросло за это время в два раза (за счет присоединившихся униатов).

ЯВЛЕНИЕ ИЗ ЗАГРОБНОГО МИРА

52. Монахиня Анна (Обухова). О ней подробно см.: «Путь Промысла над нами».

ЕЩЕ ОБ ЯВЛЕНИЯХ

53. Архиепископ Лука (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) — исповедник Православия, ученый-хирург, один из выдающихся иерархов Русской Православной Церкви. Родился в Керчи в 1877 году. Окончил гимназию и художественное училище. Учился на юридическом факуль-

тете. В 1903 году окончил медицинский факультет Киевского университета св. Владимира. Во время русско-японской войны работал в госпиталях Забайкалья, где познакомился со своей будущей супругой. В 1908—1917 гг. работал в Москве и Переславле-Залесском. Овдовел в 1919 году.

Католик по рождению, В. Ф. Войно-Ясенецкий увлекался идеями народников, толстовством. Обратился в Православие под влиянием великого русского ученого И. П. Павлова. В 1921 году принял рукоположение в священный сан. По благословению патриарха св. Тихона продолжал врачебную и научную деятельность. В 1923 году пострижен и наименован Лукой. 30 мая 1923 года состоялась его архиерейская хиротония в г. Ташкенте. Через десять дней арестован. Двадцать лет провел в тюрьмах и ссылках. В годы Великой Отечественной войны работал в эвакуационных госпиталях. В 1946 году за труды «Очерки гнойной хирургии» (1934) и «Поздние резекции инфицированных огнестрельных ранений суставов» (1944), за вклад в дело обороны страны В. Ф. Войно-Ясенецкому была присуждена Сталинская премия 1-й степени.

Осенью 1942 года возведен в сан архиепископа и назначен на Красноярскую кафедру, а в 1943-м — на Тамбовскую. С 1946-го и до кончины, последовавшей в 1961 году, управлял Крымской епархией. Духовный писатель и богослов. Главный труд — «Дух, душа и тело» (1945—1947). С архиепископом Лукой владыку Вениамина связывали узы духовной дружбы.

«УДЕРЖИ МУЖА»

54. Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944) — русский философ, богослов; в начале своей деятельности — марксист, впоследствии под влиянием В. Соловьева обратился к религиозным ценностям. С 1918 года —

священник. В 1922 году выслан из СССР. С 1925 по 1944 год — профессор Богословского института в Париже.

55. Безобразов Сергей Сергеевич (1892—1965), впоследствии — епископ Кассиан.

В ТРЕБУХЕ ЛОШАДИ

56. Речь идет о Сергее Александровиче Нилусе.

57. Митрополит Антоний (Вадковский; †1912).

ИКОНОПИСЕЦ

58. Архимандрит Вениамин (Федченков) занимал должность ректора Тверской Духовной семинарии в 1913—1917 гг. Летом 1917 года на съезде духовенства Тверской епархии он был избран членом Поместного Собора.

«НА ТРОИЦУ»

59. По возвращении в феврале 1948 года на родину митрополит Вениамин приступил к управлению Рижской епархией (в соответствии с указом Святейшего Патриарха Алексия и Священного Синода от 21 августа 1947 года), а затем в ноябре 1951 года был переведен на Ростовскую кафедру, которую занимал до конца 1955 года.

АНГЕЛЫ

60. Ошибка в машинописном тексте, положенном в основу публикации. Рассказ об Ангелах владыка Вениамин услышал от графа Апраксина — члена так наз. «Крымского Синода» (Временного Высшего Церковного Управления епархий Юго-Востока России) — на заседании ВВЦУ в Херсонесском монастыре.

61. Барятинская.

«МАНЬКУ ВЗЯЛИ»

62. Свидетелем этого случая был семилетний Тимофей Лященко, впоследствии архиепископ Германский и Берлинский («карловацкой» юрисдикции). В 1923 году архимандрит Тихон (Лященко) рассказал об этом событии епископу Вениамину при встрече в г. Фалькенберге на съезде РСХД.

«ЯВЛЕНИЕ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ»

63. София Михайловна Зернова — активная участница РСХД и церковной жизни русского зарубежья, автор интересных воспоминаний, помещенных в книге «За рубежом». Белград. Париж. Оксфорд. (Хроника семьи Зерновых.) (1921—1972). Под ред. Н. М. и М. В. Зерновых. YMCA-PRESS, Париж, 1973.

64. К епископу Феофану (Быстрову).

ПУТЬ ПРОМЫСЛА НАД НАМИ

65. Митрополит Антоний (в миру Алексей Павлович Храповицкий; 1863—1936) — выдающийся иерарх Русской Православной Церкви рубежа XIX—XX столетий, оказавший огромное влияние на церковную жизнь своего времени, одна из центральных фигур русского зарубежья. Горячий сторонник восстановления патриаршества, яркий проповедник и духовный писатель. Оказал большое влияние на будущего владыку Вениамина. При этом в дальнейшем отношения их складывались непросто. Епископ Вениамин часто выступал в качестве оппонента маститого иерарха по политическим, а особенно — по богословским вопросам.

66. По поручению патриарха Алексия I в начале

50-х годов митрополит Вениамин составлял отзыв на магистерскую диссертацию доцента Ленинградской Духовной академии протоиерея Петра Гнедича «Догмат искупления в русской богословской литературе последнего десятилетия».

ЯВЛЕНИЕ ВО СНЕ

67. Сергиевское подворье и Православный Богословский институт во имя преп. Сергия Радонежского в Париже были основаны в середине 20-х годов по инициативе управлявшего русскими приходами в Западной Европе митрополита Евлогия (Георгиевского), кн. Г. Н. Трубецкого, М. М. Осоргина и других представителей церковного зарубежья. Институт должен был стать по замыслу его основателей высшим духовным учебным заведением нового типа. Для этой цели в качестве преподавателей и профессоров митрополитом Евлогием были приглашены представители русского духовного возрождения: о. Сергий Булгаков, Г. В. Флоровский, Б. П. Вышеславцев, В. В. Зеньковский, А. В. Карташев, В. Н. Ильин. Сергиевский Богословский институт стал средоточием так наз. «парижской школы» в русском богословии. Летом 1925 года епископ Вениамин был приглашен митрополитом Евлогием на должность инспектора и преподавателя церковного права, пастырского богословия и ряда других дисциплин. Он занимал эти должности с перерывами в 1925—1926 и в 1929—1930 годах. Оставил работу в институте после разрыва митрополита Евлогия с Московской Патриархией.

СУДЬБА В РУКАХ БОЖИИХ

68. Митрополит Киевский и Галицкий Филарет (в

миру Федор Георгиевич Амфитеатров; 1779—1857) — иерарх высокой подвижнической жизни, духовный писатель. Родился в семье священника Орловской епархии. По окончании Севской Духовной семинарии принял монашество. Был ректором в Севской, Уфимской и Тобольской семинариях, настоятелем Иосифо-Волоколамского монастыря, инспектором Петербургской, а затем Московской академии. Доктор богословия. С 1816 — ректор Московской Духовной академии. В 1819 году хиротонисан во епископа Калужского. Впоследствии занимал Рязанскую, Казанскую и Ярославскую кафедры. С 1837 и до самой кончины — митрополит Киевский. Много сил отдал делу возрождения русского монашества.

ОПТИНА

69. Старец Леонид (в схиме Лев, в миру Лев Данилович Наголкин; 1768—1841) — основатель старчества в Оптиной пустыни. В 1822 году он вместе с шестью учениками прибыл в Иоанно-Предтеченский скит пустыни, основанный архимандритом Моисеем (Путиловым; † 1862).

70. Преп. Паисий Величковский († 1794; память 15 ноября) много странствовал по обителям, подвизался на Св. Горе Афон, затем в Нямецком монастыре в Молдавии, который трудами и подвигами преп. Паисия превратился в школу православного подвижничества и центр духовно-нравственного просвещения. Жизнь в обители строилась на основе иноческих уставов св. Василия Великого, св. Феодора Студита, св. Феодосия Великого; велась работа по переписыванию и переводу творений свв. отцов. В 1793 году преп. Паисий завершил перевод «Добротолюбия» с греческого на славянский язык.

Оптинский старец Леонид не был непосредственным учеником преп. Паисия Величковского, но был учеником его ученика, схимонаха Феодора († 1822).

71. Иеросхимонах Макарий (в миру Михаил Николаевич Иванов; 1788—1860) — ученик старца Леонида; вместе со своим духовным сыном И. В. Киреевским положил начало издательской деятельности Оптиной пустыни. Подвижник и духовник, известный по всей России...

72. Св. Филарет, митрополит Московский († 1867), всемерно поддерживал начинания последователей преп. Паисия Величковского, в том числе и насельников Оптиной пустыни.

73. Преп. Амвросий Оптинский († 1891, память 10 октября; в миру Александр Михайлович Гренков) — ученик старцев Леонида и Макария, один из самых знаменитых оптинских подвижников. Житие преп. Амвросия и воспоминания о нем содержат многочисленные случаи прозорливости дивного старца, чудесных исцелений, совершавшихся по его молитвам, примеры самоотверженной любви к ближним. Причислен к лику святых в 1988 году. Мощи его, обретенные в 1989 году, почивают в Введенском соборе Оптиной пустыни.

74. Схиигумен Анатолий (в миру Алексей Моисеевич Зерцалов; 1824—1894) — ученик старца Макария и преп. Амвросия Оптинского. Отличался сострадательностью, милосердием, горячей любовью к творению Божию.

Иеромонах Анатолий (в миру Александр Потапов; 1855—1922) — «Анатолий Младший», ученик преп. Амвросия Оптинского и старца Иосифа (Литовкина; † 1911).

75. Схиархимандрит Варсонофий (в миру Павел Иванович Плиханков; 1845—1913) в зрелом возрасте

поступил в Оптину по благословению преп. Амвросия, был учеником старца Анатолия (Зерцалова); оставил богатое духовно-литературное наследие.

76. Иеромонах Нектарий (в миру Николай Васильевич Тихонов) родился в г. Ливны Орловской губ. Родители его — Василий и Елена. Отец будущего старца был приказчиком (по другой версии — работал на мельнице). Скончался рано. Недолго прожил Николай Тихонов и с матерью. Похоронив родительницу, Николай пришел в Оптину пустынь. Он поступил в скит в 1876 году и почти 50 лет прожил в его ограде.

Через год после поступления в скит о. Амвросий разрешил Николаю обращаться за духовными советами к старцу Анатолию (Зерцалову).

В 1898 году монах Нектарий был рукоположен во иеромонаха. Об о. Нектарии известно, что он четверть века провел в затворе. Так великие оптинские старцы готовили его к будущему служению, избрав его своим преемником. В затворе отец Нектарий проходил умное делание и занимался самообразованием: читал не только духовные книги, но и светские, относящиеся к самым разным областям человеческого знания. О его эрудиции впоследствии ходили легенды.

Старчество о. Нектария в Оптинском скиту относится по времени к периоду 1913—1923 гг. Его называют последним оптинским старцем. Скончался о. Нектарий в с. Холмищи 29 апреля 1928 года.

77. Ф. М. Достоевский впервые посетил Оптину в 1874 году. В 1878 году он приехал в пустынь после смерти сына Алеши, скончавшегося от эпилепсии. Беседовал с преп. Амвросием. Известен отзыв подвижника о писателе: «Это — кающийся». Федор Михайлович жил в скиту, в отдельном домике. После кончины преп. Амвросия бывал в Оптиной и беседовал со старцем Иосифом. Впечатления, полученные от

посещений православной обители, нашли свое отражение в романе «Братья Карамазовы».

Л. Н. Толстой впервые побывал в Оптиной в тринадцатилетнем возрасте (1841) на похоронах своей тетки А. И. Остен-Сакен, которую очень любил. В 1877 году был в Оптиной вместе с Н. Н. Страховым, беседовал с иеромонахом Ювеналием (Половцевым) и преподобным Амвросием.

В 1881 году предпринял путешествие пешком из Ясной Поляны в Оптину пустынь. Беседовал с преп. Амвросием.

В 1890 году останавливался в Оптиной вместе с семьей во время поездки в Шамордино к подвизающейся там любимой сестре Марии Николаевне. Вновь побывал у преп. Амвросия, показывал свое «Евангелие» и получил совет публично покаяться в заблуждениях.

В следующий раз был в Оптиной в 1900 году, беседовал со старцем Иосифом. В 1910 году, после ухода из Ясной Поляны, пришел в Оптину, но не решился побывать у старцев. Со станции Астапово умирающий писатель отправил телеграмму, в которой просил приехать к нему старца Иосифа. Вместо него поехал о. Варсонофий, но не был допущен к Толстому его окружением.

78. Вероятно, речь идет о великом князе Иоанне Константиновиче — сыне великого князя Константина Константиновича (поэта «К. Р.»). Вся семья в. к. Константина Константиновича (его супруга Елизавета Маврикиевна, сыновья Олег, Гавриил, Игорь, Константин, Иоанн, дочь Татьяна (в монашестве игумения Тамара) отличалась глубокой религиозностью.

Великий князь Иоанн Константинович родился в 1886 году. Был женат на дочери Сербского короля — великой княгине Елене Петровне. Имел двоих детей. Участвовал в первой мировой войне. Проявил себя

храбрым офицером. Был награжден Георгиевским оружием. Великий князь Иоанн Константинович был особенно духовно близок с преподобномученицей великой княгиней Елизаветой Феодоровной. Вместе с ней и другими членами Дома Романовых принял мученическую кончину в Алапаевске в июле 1918 года.

79. Русский философ Константин Николаевич Леонтьев (1831—1891) дружил с о. Климентом (Зедергольмом, о нем — см. ниже). В 1874 году он познакомился с преп. Амвросием Оптинским. В 1878 году К. Н. Леонтьев вышел в отставку и вместе с женой поселился в домике, расположенном близ стен Оптиной пустыни. Находился под духовным руководством преп. Амвросия, с его благословения совершал литературные труды.

23 августа 1890 года принял тайный постриг в Иоанно-Предтеченском скиту и был наречен Климентом. В 1891 году с благословения преп. Амвросия отправлен на жительство в Троице-Сергиеву лавру. Всего на месяц пережил своего старца. Скончался 12 ноября 1891 года. Скорую кончину ему при расставании предсказал преп. Амвросий.

80. Иеромонах Климент (в миру — Константин Карлович Зедергольм) — сын реформаторского суперинтенданта в Москве, с детства испытывал влечение к Православной Церкви. В августе 1853 года в скиту Оптиной пустыни через миропомазание присоединен к Православию. На этот шаг его сподвигнул И. В. Киреевский, в доме которого Константин Карлович некоторое время жил как домашний учитель.

Окончил историко-филологический факультет Московского университета и поступил на службу в Святейший Синод. Был чиновником особых поручений при обер-прокуроре Синода графе А. П. Толстом. Служил при Синоде с 1858 по 1862 год. Защитил

магистерскую диссертацию. В 1860-м побывал в командировке на Востоке: посетил Афины, Св. Гору Афон, Константинополь. Вскоре по возвращении в Россию вышел в отставку и поступил в Иоанно-Предтеченский скит Оптиной пустыни (1862). Домик-келью для своего бывшего подчиненного построил на свои средства граф А. П. Толстой.

Знание древних и новых языков, литературное дарование, навык научной работы — все это пригодилось о. Клименту (Зедергольму), принимавшему деятельное участие в подготовке оптинских изданий. Кроме того, он помогал преп. Амвросию вести переписку с духовными детьми.

Скончался о. Климент в апреле 1878 года. Погребен на территории Иоанно-Предтеченского скита.

81. Нилус Сергей Александрович (1862—1929) — духовный писатель, выпускник юридического факультета Московского университета. Служил следователем на Кавказе. Затем вышел в отставку и поселился в своем имении в Орловской губернии. Пережил глубокую личную драму, обратился ко Христу. Оптину пустынь впервые посетил летом 1901 года. Осенью приехал вновь для сбора материалов о старце Амвросии. В свой первый приезд в Оптину С. А. Нилус познакомился с о. Даниилом (Болотовым). Осенью 1905 года Нилус вновь приехал в Оптину в связи с выходом в свет нового издания книги «Великое в малом».

3 февраля 1906 года Сергей Александрович Нилус вступил в брак с Еленой Александровной Озеровой (1855—1938). В 1907 году супруги, получив приглашение старца Варсонофия, поселились в Оптиной, где прожили 5 лет. Проживая в обители близ своего духовника о. Варсонофия, С. А. Нилус вел дневниковые записи, работал над предполагавшимся изданием «Оптинские листки». 14 мая 1912 года Нилусы по-

кинули пустынь в связи с «оптинской смутой» и удалением из обители о. Варсонофия.

После революции 1917 года С. А. Нилус арестовывался советскими карательными органами (в 1924 и 1927 годах). Скончался 14 января 1929 года. Похоронен в селе Крутец близ города Александрова Владимирской области.

82. Епископ Михей (Алексеев; 1851—1931) — уроженец Санкт-Петербургской губернии, окончил морское училище (1869) и служил по военно-морскому ведомству. В 1890 году поступил в Оптину пустынь под руководство преп. Амвросия. В 1892 году поступил вольнослушателем в Московскую Духовную академию. Принял монашество и рукоположение в священный сан. Окончил академию в 1896 году со степенью кандидата богословия. Назначен на должность смотрителя Жировицкого Духовного училища, затем — синодального ризничего.

В 1897 году возведен в сан игумена и назначен настоятелем Иосифо-Волоколамского монастыря Московской епархии. В 1898 году возведен в сан архимандрита.

С 1901 по 1902 год — настоятель Херсонесского Свято-Владимирского монастыря в Крыму. 19 октября 1902 года хиротонисан во епископа Сарапульского, викария Вятской епархии. В 1906—1908 годах — епископ Владимиро-Волынский, викарий Волынской епархии. В 1908—1912 гг.— епископ Архангельский и Холмогорский, в 1912—1913 гг.— епископ Уфимский и Мензелинский.

22.07.1913 г. уволен на покой по собственному прошению. Последние годы жил в Оптиной. Скончался в 1931 (или в 1930) году. Погребен на Пятницком кладбище в Москве.

83. Киреевский Иван Васильевич (1806—1856) —

русский религиозный философ, литературный критик и публицист, один из основоположников славянофильства.

С 1845 года он вместе со своей супругой участвовал в научной подготовке и литературном редактировании текстов, предназначенных для публикации. Свои литературные и философские труды представлял на суд о. Макария.

Киреевский Петр Васильевич (1808—1858) — младший брат И. В. Киреевского, собиратель и исследователь русского фольклора, археограф, публицист, славянофил. Ежегодно летом бывал в Оптиной. В Оптинской библиотеке был даже специальный фонд П. В. Киреевского.

84. Первое посещение Н. В. Гоголем Оптиной пустыни состоялось в июле 1850 года. Он жил в скиту, в отдельном домике, посещал богослужения, читал творения свв. отцов, беседовал со старцами. Самые искренние и глубокие отношения сложились у него со старцем Макарием. Одно время Н. В. Гоголь имел желание поступить в Иоанно-Предтеченский скит, но о. Макарий не благословил это намерение великого писателя.

85. Память св. Игнатия (Брянчанинова), епископа Ставропольского († 1867) — 30 апреля.

Святитель Игнатий (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов) начал свой путь в иночестве в Новоезерской обители у знаменитого старца Феофана. Затем был на послушании в Площанской пустыни у старца Леонида, за которым последовал в Оптину. Старец сурово смирял своего ученика, закладывая в душе молодого подвижника основы послушания и глубочайшего смирения. После болезни и перевода в Любеченский монастырь св. Игнатий в Оптину не вернулся.

86. Вероятно, Михаил Александрович Новоселов (1864—1938).

87. Память 1 апреля и в Неделю 5-ю Великого поста.

88. «Имябожники», или как они сами себя называли — «имяславцы»,— последователи движения, распространившегося в начале XX столетия в русских монастырях Старого Афона. «Имяславцы» утверждали, что благодать Божия присутствует в имени Божием, что в имени Божием присутствует Бог и даже что имя Божие есть Бог. При этом свои положения сторонники «имяславия» не смогли сформулировать с должной корректностью.

Первоначальные споры возникли вокруг книги схимонаха Илариона «На горах Кавказа. Беседа двух старцев подвижников о внутреннем единении с Господом наших сердец чрез молитву Иисус Христову, или Духовная деятельность современных пустынников, составил пустынножитель Кавказских гор схимонах Иларион». Баталпашинск, 1907; Изд. 2-е — 1910; Изд. 3 — Киево-Печерская лавра, 1912. (Сам автор книги в последовавшей полемике вокруг «имени Божия» участия не принимал.) Сначала книгу «На горах Кавказа» с симпатией приняли в духовной среде, но затем последовала резкая критика отдельных ее положений со стороны архиепископа Антония (Храповицкого).

Благодаря монахине Анне (Обуховой), оставившей, кстати, любопытные воспоминания о «имяславцах», митрополит Вениамин знал некоторые подробности, связанные с выступлением митрополита, тогда — архиепископа Антония (Храповицкого), против книги «На горах Кавказа». Его особенно возмущал тот факт, что осудивший книгу иерарх не читал самой книги. Монахиня Анна знала об этом факте со слов великой княгини Елизаветы Федоровны, с ко-

торой была духовно близка. Считаем нужным привести здесь небольшой отрывок из воспоминаний м. Анны (Обуховой):

«Незадолго до революции В. К. была в Киеве и там в лавре встретилась с м. Антонием, обедала с ним. Оставшись наедине, В. К. спросила м. Антония — что он нашел в книге о. Илариона, что эту книгу он постарался запретить?.. И к удивлению В. К.— м. Антоний отвечал ей так просто, как о малозначащей вещи, что сам-то он ее и не читал, а доложил ему миссионер... Имя я забыла. Он был на Волыни.

В. К. опомниться не могла долго...

Когда я к ней приехала в последний раз, она мне это сказала — лишь только я вошла к ней...». (Воспоминания м. Анны (Обуховой). 23 июля 1936 г. Рукопись. Хранится в частном архиве.) Интересно отметить, что книга «На горах Кавказа» была издана на средства в. кн. Елизаветы Федоровны.

На Афоне среди русских иноков возникло брожение, известное под именем «Афонской смуты 1912—1913 годов». В результате несколько сотен монахов были насильственно вывезены в Россию и расселены по разным монастырям.

Существует обширная полемическая литература, посвященная «имяславию». (Перечень ее частично приведен в книге прот. Георгия Флоровского «Пути русского богословия», Париж, 1937, с. 572.) Среди апологетов «имяславия» особенно выделяется личность иеромонаха Антония (Булатовича).

Относительно «имяславцев» было определение Св. Синода от 29 августа 1913 года, осудившее учение «имябожников».

89. Старец Анатолий Младший, (Потапов, † 1927). В 1908 году он был переведен из скита в монастырь для духовного окормления богомольцев.

90. «А об Андрееве я лично слышал от его сына, что отец его был верующим. Между прочим, сын спросил его:

— Папа! Прекратятся ли войны?

Тот ответил:

— Пока люди будут людьми, войны останутся!

(Это я слышал от сына в Константинополе, во время эвакуации)». (Митрополит Вениамин (Федченков). Беседы в вагоне (1-я беседа). Рукопись, с. 23; 1954 14/IX. Р. Дон.)

91. Скит во имя св. Предтечи и Крестителя Иоанна основан в 1821 году по благословению епископа Филарета (Амфитеатрова, † 1857; впоследствии — митрополит Киевский и Галицкий) трудами иеромонаха Моисея (Путилова) и его брата иеромонаха Антония.

92. Пс. 101, 15.

93. Деян. 9, 12; 5, 15.

94. Архимандрит Ксенофонт был настоятелем Козельской Введенской Оптиной пустыни с 1897 по 1915 год.

95. Архимандрит Исаакий II. Сведений о нем сохранилось очень мало. Известно, что он настоятельствовал в Оптиной с 1915 года до самого ее закрытия. Обладал глубоким молитвенным настроем, внутренней сосредоточенностью; служил со слезами.

В 1929 году, на второй или третий день праздника Преображения Господня, был арестован вместе со всеми оптинскими иеромонахами, проживавшими в Козельске. (Одновременно с оптинцами арестовали почти всех городских священников, многих монахов и монахинь, православных мирян.) Из Козельска арестованных отправили в тюрьму г. Сухиничи, а потом — в Смоленск. В январе 1930 года о. Исаакий, о. Досифей (братский духовник), о. Пантелеимон (казначей) и другие были

отправлены в сибирскую ссылку. Архимандрит Исаакий расстрелян в 1937 году в Туле вместе с первым директором Оптинского краеведческого музея Лидией Васильевной Защук (монахиней Августой)!

96. Иеромонах Феодосий (Поморцев, † 1920) — духовный сын и одновременно — духовник старца Варсанофия. Был скитоначальником в 1912—1920 годах.

О нем и о других оптинских скитниках см. также: «Дневник» о. Никона (Беляева) и книгу С. А. Нилуса «На берегу Божьей реки» (о. Феодосий, о. Кукша, о. Иоиль, о. Исаакий, духовник Шамординского монастыря, благочинный о. Феодот).

97. Местный съезд Русского Студенческого Христианского движения (РСХД) проходил в Фалькенберге летом 1924 года.

Отношение владыки Вениамина к РСХД нуждается в пояснении.

До революции в России существовало христианское студенческое движение, одним из признанных лидеров которого был барон П. Н. Николаи (ск. 1919) — лютеранин. Им были организованы молодежные кружки по изучению Священного Писания, действовавшие в Петербурге, Москве, Харькове, Одессе, Томске, Юрьеве-Дерпте и Риге. В 1913 году движение вошло во Всемирную Христианскую Студенческую федерацию. После революции движение в России было разгромлено. В 1921 году в Белграде среди русских эмигрантов возник кружок молодежи, в который вошли Н. Терещенко, Н. Афанасьев (впоследствии протопресвитер), И. Расторгуев, М. Львова, Зерновы, профессор (впоследствии — протоиерей) В. В. Зеньковский. К деятельности кружка проявил интерес митрополит Антоний (Храповицкий). Духовно окормляли кружковцев епископ Вениамин (Федченков), священник Алексий Нелюбов (1897—1937) и на-

сельник Св. Горы Афон архимандрит Кирик. Общался с молодежью и архиепископ Феофан (Быстров).

На кружки русской молодежи, интересующейся вопросами духовной жизни, «вышли» представители Христианского Союза Молодых Людей (УМСА). С «белградцами» вступил в контакт Ральф Холлингер.

Начало РСХД было положено на съезде в Пшерове (Чехословакия) 1—8 октября 1923 года, на котором присутствовали и представители дореволюционного студенческого христианского движения. Епископ Вениамин тоже присутствовал на съезде (был одни сутки, приехав из Карпатской Руси).

Летом 1924 года он вместе с митрополитом Евлогием (Георгиевским) принял участие в местном съезде РСХД в замке Аржерон (Франция). В работе съезда участвовали: Бердяев, Булгаков, Карташев, Вышеславцев, Зандер, Глубоковский, Г. Н. Трубецкой. Решено было основать в Париже высшую богословскую школу нового типа. (Сергиевский Православный Богословский институт, в котором епископ Вениамин впоследствии (1926—1927 и 1929—1930) был инспектором, преподавателем церковного права, пастырского богословия и еще ряда дисциплин.)

В 1926 году последовало осуждение РСХД Собором русских иерархов в Карловцах, признавшим Союз Христианской Молодежи и Всемирную Студенческую федерацию явно масонскими и антиправославными организациями. Однако уже после этого решения и митрополит Антоний и другие иерархи-изгнанники продолжали общение с входившим в РСХД Белградским братством преп. Серафима Саровского.

О дальнейшем отношении владыки Вениамина к РСХД интересные сведения приводятся в книге И. М. Концевича. «На втором Аржеронском (во

Франции) съезде Христианского Движения, который имел место приблизительно в 1926 году, среди других докладчиков находился и проф. Бердяев. Преосвященный Вениамин, тогда инспектор Богословского института в Париже, выступил с возражениями, как православный епископ, против некоторых положений доклада Бердяева, противоречащих православному учению. Последний обиделся, сейчас же забрал свои чемоданы и уехал. На другой день на съезд прибыл м. Евлогий и сделал еп. Вениамину строгое внушение. Вл. Вениамин, желая проверить себя, обратился к о. Нектарию (в это время мы имели возможность письменно общаться с о. Нектарием). Старец ответил: «В таких обществах (как Христианское Движение) вырабатывается философия, православному духу неприемлемая». Затем пришло подтверждение еще более точное, что он не одобряет именно то общество (т. е. Движение), на собрании которого был оскорблен вл. Вениамин.

В тот же период времени некто Г-м обратился к отцу Нектарию за указанием, можно ли ему поступить в академию (Богословский институт в Париже), выражая опасение, что она еретическая. С последним о. Нектарий согласился, но поступить в академию благословил и сказал: «Какая бы она ни была, ученому мужу помехи не будет. Знать науку, какую будут преподавать, ему не помешает».

Тогда же произошел один прискорбный случай на Сергиевском подворье: на кухню Богословского института пришел человек, имевший сухую руку, и просил там какой-нибудь работы. Таковой не нашлось; тогда он здесь же в саду застрелился.

Владыка Вениамин очень скорбел, написали отцу Нектарию. Церковно поминать самоубийц воспрещено канонами. О. Нектарий посоветовал вл. Вениамину

читать Псалтирь келейно по умершим в течение сорока дней, а также найти двух чтецов, чтобы довести их число до трех. При этом о. Нектарий сказал: «Господь отымает разум у человека, на что скот не решается — человек решается». (И. М. Концевич. Оптина пустынь и ее время. 1970, стр. 515—516).

98. Епископ (впоследствии — митрополит) Георгий (Ярошевский; 1872—1923) занимал Калужскую кафедру с 1913 по 1916 год.

99. Шамординский монастырь находится в 12-ти км от Оптиной пустыни, близ деревни Шамордино. В 1871 году помещица Ключарева (в монашестве — Амвросия), духовная дочь преп. Амвросия Оптинского, приобрела 200 десятин земли на месте будущей обители и поселилась в новой усадьбе вместе с двумя внучками-сиротками, Верой и Любовью. Посетив однажды летом поместье, старец Амвросий предсказал основание на его месте иноческой обители.

После внезапной кончины внучек (1883) мать Амвросия объявила о желании учредить женскую общину. 1 октября 1884 года состоялось открытие Казанской Амвросиевской женской пустыни. Первой настоятельницей ее была София Михайловна Астафьева (урожденная Болотова, † 1888), второй — Евфросиния Розова. Каждое лето в новоустроенную обитель приезжал старец Амвросий и подолгу жил там, входя во все дела по устроению монастыря. Особенную заботу о. Амвросия вызывало строительство большого каменного собора в честь Казанской иконы Божией Матери. В Шамордино о. Амвросий скончался. После его блаженной кончины инокинь обители духовно окормляли старцы Анатолий, Иосиф, Варсонофий. Настоятель Оптиной пустыни о. Исаакий был одновременно благочинным Шамординского монастыря.

Перед революцией в обители подвизалось около 1000 сестер, трудившихся на полевых работах, на молочной ферме, в иконописной мастерской и в типографии. В 1901 году община была обращена в монастырь.

В настоящее время Шамординский монастырь возрождается.

100. Парфений (Левицкий), архиепископ Полтавский и Переяславский (1858—1921). Управлял Тульской епархией в 1908—1911 гг.

101. Епископ Калужский и Боровский Макарий (Троицкий; 1895—1901).

ЗОСИМОВА ПУСТЫНЬ

102. Зосимова Смоленская пустынь в Александровском уезде Владимирской губернии основана старцем схимонахом Зосимой (XVII—XVIII) — выходцем из Троице-Сергиева монастыря, поселившемся в местности, именуемой Ульянина (Ульянова) пустошь, вместе со своим келейником Ионой. Сведения о старце крайне скудны. Известно, что был он «прост умом, но глубок сердцем», местные жители глубоко чтили его как праведника. По преданию, к о. Зосиме обращались за наставлениями лица, принадлежавшие к царской фамилии. После кончины старца собравшаяся вокруг него братия разошлась и обитель запустела, но могила праведника почиталась окрестными жителями и приходившими богомольцами. В возрождении пустыни в 60-х годах XIX столетия принимал самое деятельное участие блаженный Филиппушка (схимонах Филипп, † 1868). Его сын Прокопий (иеросхимонах Порфирий) возобновил древнюю обитель уже после кончины своего родителя. Здания монастыря сооружались на сред-

ства благотворителей, среди которых особенной ревностью выделялся московский купец Д. М. Шапошников. С 1897 по 1923 год обителью управлял схиигумен Герман. Зосимова пустынь была закрыта в 1923 году (см. об этом ниже) и возобновлена в 1993 году. В июле 1994 состоялась канонизация схимонаха Зосимы как местночтимого подвижника.

Зосимова пустынь находится близ станции Арсаки Ярославской ж. д.

103. Схиигумен Герман (в миру Гавриил Гомзин или Гамзин) родился 20 марта 1844 года в Звенигороде в семье благочестивого христианина Семена Матвеевича и Марфы Федотовны. Отец будущего подвижника, стекольщик по ремеслу, после кончины супруги (она умерла, когда Гавриилу было четыре года) поступил в Гефсиманский скит, а Ганя (так звали Гавриила в семье) жил сначала у своей крестной — Матрены Матвеевны Бабакиной, звенигородской мещанки, а затем в Москве и Петербурге у старших братьев. Учился живописи и, по настоянию братьев, перенимал навыки торгового дела. Но жизнь в миру не привлекала благочестивого юношу. Он всей душой стремился в монастырь. И в 1866 году, 20 февраля, на второй неделе Великого поста, Гавриил Семенович Гомзин поступил в Гефсиманский скит, где подвизался его родитель, к тому времени скончавшийся. В 1870 году он был принят в число послушников и определен на живописное послушание (впоследствии некоторые иконы, написанные о. Германом, прославились чудотворениями). В скиту Гавриил сделался учеником старца иеромонаха Тихона († 1873), который передал его в послушание иеросхимонаху Александру († 1878), ученику Оптинского старца Леонида, проводившему жизнь в затворе. 29 ноября 1877 года Гавриил Гомзин был пострижен

в мантию и наречен Германом. После кончины о. Александра о. Герман вступил в переписку с валаамскими старцами и святителем Феофаном Затворником († 1894), в лице которого обрел желанного духовного наставника. 5 июля 1880 года о. Герман был рукоположен в иеродиакона, а 17 августа 1885 года — во иеромонаха.

В 1892 году был назначен на должность братского духовника скита, а в 1893 — духовника скитской больницы и богадельни. В Гефсимании о. Герман подвизался вместе со знаменитыми старцами Исидором († 1908) и Варнавой († 1906), впоследствии был наставником и сотаинником знаменитого духовника о. Алексия Зосимовского († 1923).

С 1897, и вплоть до кончины, о. Герман настоятельствовал в Зосимовой пустыни, превратившейся благодаря его трудам и подвигам из малоизвестного монастыря в духовный оазис, унаследовавший лучшие традиции старчества и духовничества, заложенные в Оптиной пустыни и приумноженные в скитах Троице-Сергиевой лавры.

28 июля 1916 года в своей келье игумен Герман принял пострижение в великую схиму от руки епископа Арсения (Жадановского; † 1937). 17 января 1923 года схиигумен Герман почил о Господе.

Трудами митрополита Вениамина (Федченкова) составлено жизнеописание схиигумена Германа, написанное на основании рукописных источников, переданных владыке почитателями Зосимовского подвижника.

104. Ученик о. Германа. После закрытия Зосимовой пустыни подвизался в Высоко-Петровском монастыре в Москве. Передал владыке Вениамину свои записи для составления жизнеописания схиигумена Германа.

105. Память преподобномученицы великой княгини Елизаветы († 1918) — 5 июля.

106. «Ответы епископа Феофана, затворника Вышенской пустыни, на вопросы инока относительно различных деланий монашеской жизни» (1908).

107. Марфо-Мариинская обитель милосердия — благотворительное учреждение, основанное преподобномученицей великой княгиней Елисаветой († 1918) в 1908 году в Москве, на улице Большая Ордынка. Сестры обители, которые вели монашеский образ жизни, оказывали безвозмездную помощь неимущим москвичам, работая в беднейших кварталах древней столицы России. В обители два храма: Покровский собор, построенный по проекту архитектора А. В. Щусева, с росписями М. В. Нестерова и П. Д. Корина; и церковь святых Марфы и Марии.

При Марфо-Мариинской обители действовали больница, амбулатория, приют для девочек, аптека и другие благотворительные учреждения. После закрытия обители большевиками Покровский собор действовал до 1926 года. Возрождение обители началось в 1990 году.

108. Речь идет о знаменитом подвижнике о. Алексие Зосимовском. Иеросхимонах Алексий (в миру Феодор Алексеевич Соловьев) родился в Москве 17 января 1846 года в семье протоиерея Алексея Петровича Соловьева-Михайлова, священника церкви св. Симеона Столпника за Яузой, и его супруги Марии Петровны. С детства отличался глубоким личным благочестием и серьезным настроем. Окончил Духовное училище в Андрониковом монастыре и Московскую Духовную семинарию, из которой был выпущен по первому разряду в 1866 году. 12 февраля 1867 года вступил в брак с Анной Павловной Смирновой. 19 февраля того же года принял рукоположение в сан диакона. Был назна-

чен в церковь Николы в Толмачах, где в то время настоятельствовал о. Василий Нечаев (впоследствии епископ Костромской Кассиан — духовный писатель и проповедник, редактор журнала «Душеполезное чтение»), оказавший большое нравственное влияние на молодого клирика. Супруга о. Феодора скончалась от скоротечной чахотки 27 января 1872 года, оставив сиротой сына Михаила. Отец Василий Нечаев поддерживал о. Феодора в его горе. После отъезда о. Василия в Кострому его преемником по настоятельству в Николо-Толмачевском храме стал о. Димитрий Косицин, профессор Московской Духовной академии, благоговейнейший священнослужитель, также оказавший благотворное влияние на будущего Зосимовского старца.

27 мая 1895 года о. Феодор получил назначение в Большой Успенский собор Московского Кремля, 4 июня состоялось его рукоположение в сан иерея. Избранный духовником соборного причта, о. Феодор пользовался неизменной любовью собратьев-священников и прихожан храма. 8 октября 1898 года он, согласно прошению, был уволен из собора и 24 октября поступил в Зосимову пустынь. 30 ноября 1898 года состоялся его постриг, при совершении которого он был наречен Алексием (в честь св. Алексия, митрополита Московского). Ученик и сотаинник старца Германа, о. Алексий в скором времени стал известным на всю Россию старцем, духовно окормлявшим тысячи людей.

В 1916 году о. Алексий ушел в затвор, но в 1917 году, во время Поместного Собора, был вызван в Москву. В храме Христа Спасителя, перед перенесенной из Успенского собора Владимирской иконой Божией Матери он — с благословения отцов Собора — вынул жребий, указавший нового патриарха Русской Православной Церкви — свт. Тихона († 1925).

В 1919 году 28 февраля о. Алексий принял схиму (без перемены имени, в честь св. Алексия, человека Божия). Скончался в 1928 году, уже после закрытия Зосимовой пустыни. Последние годы жил в Сергиевом Посаде, в доме В. Т. Верховцевой. 26 июля 1994 года в возрожденную Зосимову пустынь из Сергиева Посада были перенесены честые останки о. Алексия Зосимовского.

109. С 1920 года Зосимова пустынь существовала как сельскохозяйственная артель (обычный способ выживания монастырей в те годы), при этом порядок жизни в обители не нарушался. Окончательно закрыта в 1923 году. Возрождение монастыря началось в 1993 году. Честые останки схиигумена Германа покоятся в храме Смоленской иконы Божией Матери.

ОТЕЦ ДИОНИСИЙ

110. «Панагия», или Бахчисарайский Успенский скит, находился в 2-х верстах от Бахчисарая. В монастыре было пять храмов, в том числе один пещерный.

111. Быстрова.

112. Архиепископ Димитрий (в миру князь Давид Ильич Абашидзе, в схиме — Антоний; 1867—1942). Окончил Новочеркасский университет. В 1892 году принял монашество. В 1896-м окончил Казанскую Духовную академию и был рукоположен во иеромонаха. Кандидат богословия. С 1897 по 1902 год трудился в духовных учебных заведениях. В 1902—1903 гг.— епископ Алавердский. В 1903—1912 гг. занимал ряд архиерейских кафедр. С 1912-го года — епископ Таврический и Симферопольский. С начала первой мировой войны служил священником Черноморской эскад-

ры. В 1915 году возвратился на свою епископскую кафедру. Член Поместного Собора 1917—1918 гг. Принимал участие в работе Временного Высшего Церковного Управления на Юге России. Последние годы провел в Киево-Печерской лавре. Похоронен у входа в Ближние пещеры. В настоящее время готовится его канонизация.

113. Архиепископ Никодим (в миру Николай Васильевич Кротков; 1868—1938).

114. В ноябре 1920 года.

ЕПИСКОП ИННОКЕНТИЙ ХЕРСОНСКИЙ

115. Св. Иннокентий, епископ Иркутский († 1731). Память 26 ноября и 9 февраля (обретение мощей).

116. Иоанн Солотчин (будущий владыка Иннокентий) родился в 1842 году в семье священника села Малеевское Касимовского уезда Рязанской губернии.

117. В 1863 году.

118. В Алтайской Духовной миссии И. Солотчин был учителем Улалинского миссионерского училища, затем с 1874 года — сотрудником Забайкальской миссии при Кударинском стане (до 1876 года).

119. Архиепископ Владимир (в миру Иван Петрович Петров; 1828—1897) в 1861—1865 гг. был инспектором и экстраординарным профессором Санкт-Петербургской Духовной академии. Читал курс догматического богословия. Принимал деятельное участие в создании миссионерского общества для содействия миссии Алтайской и Забайкальской. С 1865 года — начальник Алтайской миссии. Казанскую и Свияжскую кафедру занимал с 1892 по 1897 год.

120. Иван Солотчин принял постриг и рукоположение во иеромонаха в 1875 году.

121. 2 Кор. 12, 7.

122. Хиротония его во епископа Приамурского и Благовещенского состоялась 9 февраля 1898 года.

123. Алатырский Троицкий монастырь находился в г. Алатыре Симбирской губернии. По преданию, основан во времена Иоанна IV Грозного. С 1615 по 1764 год был приписан к Троице-Сергиевой лавре. В 1764 году причислен к 3-му классу.

В XVII столетии в монастыре жил подвижник схимонах Василий.

124. Херсонесский (Херсонисский) монастырь св. Владимира находился в 2-х верстах от г. Севастополя, на месте древнего Херсонеса Таврического. Основан в середине XIX столетия архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием (Борисовым; † 1857).

125. Успенско-Богородицкий монастырь в Свияжске основан в XVI столетии св. Германом Казанским.

126. Митрополит Флавиан (Городецкий; 1840—1915) — один из выдающихся иерархов Русской Православной Церкви. Занимал кафедру митрополитов Киевских и Галицких с 1903 по 1915 год.

127. Протоиерей Алексей Белоцветов — автор неоднократно переиздававшейся книги «Круг поучений на все воскресные и праздничные дни в году и на седмицы: Пасхальную, Первую поста и Страстную, с приложением к ним особо 7-ми слов и поучений, не относящихся к сему кругу» М., 1876.

Священник Петр Шумов — автор книги «Сборник общепонятных поучений на все воскресные и праздничные дни: для чтения за богослужением и вне богослужения» М., 1892.

128. Архиепископ Николай (Зиоров; 1851—1915) в сане епископа управлял Таврической епархией с 1898 по 1905 год.

129. Епископская хиротония владыки Анатолия (Каменского), епископа Елисаветградского, викария Херсонской епархии, была совершена в 1906 году.

130. Митрополит Московский и Коломенский Макарий (Невский; 1835—1926) — выдающийся иерарх, миссионер; был архиепископом Томским с 1906 по 1912 год.

Мефодий (Герасимов; 1856—1929) — впоследствии митрополит Харбинский).

КРЫМСКИЕ ПОДВИЖНИКИ

131. Инкерманский монастырь св. Климента. Основан в 1852 году на месте заточения св. Климента, папы Римского, архиепископом Херсонским Иннокентием (Борисовым). Один из храмов — пещерный, времен св. Климента.

132. Балаклавский Георгиевский монастырь. В 1891 году отмечалось тысячелетие его существования. Основан на месте языческого капища. Из трех храмов один — пещерный VI века. Предание связывает это место с проповедью св. апостола Андрея Первозванного. В настоящее время обитель возрождается.

133. Память священномученика Климента, папы Римского († 101) — 25 ноября.

134. Память св. Мартина исповедника, папы Римского († 655) — 14 апреля.

135. Епископ Сергий (Зверев) управлял Севастопольской епархией в 1922—1923 гг.

136. О. Иона Атаманский († 1924), протоиерей, настоятель портового храма св. Николая Чудотворца

в Одессе, подвижник и молитвенник, любимец одесской бедноты, мужественный исповедник Православия.

Митрополитом Вениамином (Федченковым) было составлено его жизнеописание (входило в книгу «Божии люди»).

Алексей Светозарский

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ТОГО МИРА

ИЗ ДРУГОГО МИРА

ИЗ «БОЖИИХ ЛЮДЕЙ»

Лицензия ЛР № 063930 от 09.03.95 г.

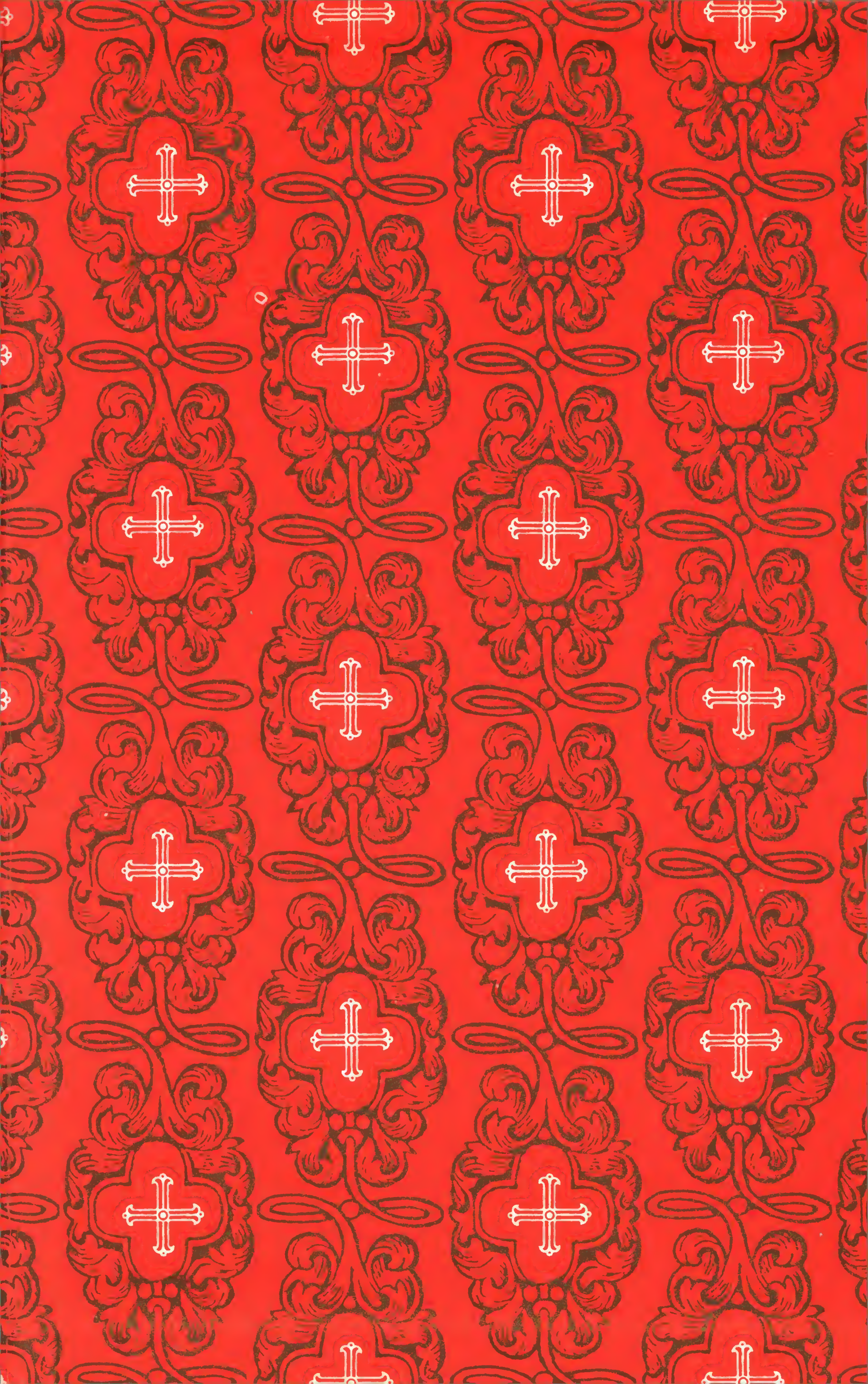
Формат 84×108[1]/32. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Бумага книжно-журнальная. Доп. тираж 11 000 экз. Заказ № 1752.

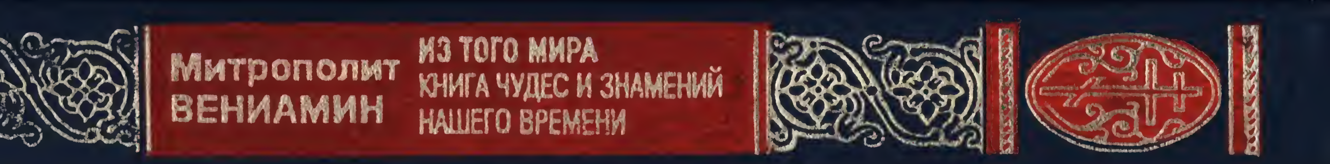
Издательский дом «Новая книга»
125047, Москва, 1-я Тверская-Ямская, 18.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ПФ «Красный пролетарий»
103473, Москва, ул. Краснопролетарская, 16.

19.

Митрополит
Вениамин
Из того мира
Книга чудес и знамений
нашего времени